

ДОНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
УПРАВЛЕНИЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ПОВЫШЕНИЯ
КВАЛИФИКАЦИИ

Кафедра «Иностранные языки»

Монография

«Языковая репрезентация понятия «головной убор»»

Авторы
Кузьминова И.А.,
Локтионова Н.М.

Ростов-на-Дону, 2017

Аннотация

Монография предназначена для студентов направлений 38.03.01 и 08.04.01 очной формы обучения.

Авторы

к.филол.наук, преподаватель кафедры «ИЯ»
Кузьмина И.А.

д.филол.наук, профессор кафедры «ИЯ»
Локтионова Н.М.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКА..	12
1.1. Проблемы лингвокогнитивного изучения культуры как модели языка и языка как модели культуры.....	12
1.2. Лингвокультурная предопределенность языкового значения.....	23
1.3. «Понятие» и «концепт» как когнитивные модели объективной реальности.....	32
Выводы по первой главе.....	44
ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОНЯТИЯ «ГОЛОВНОЙ УБОР».....	47
2.1. Номинации головных уборов как ментально-семиотические конструкты языкового сознания	49
2.2. Универсальность как отличительный семантический маркер понятия «головной убор»	60
2.3. Лингвистические и экстралингвистические параметры языковой парадигмы понятия «головной убор».....	72
2.4. Лексико-семантические особенности языковых единиц – репрезентантов понятия «головной убор».....	81
Выводы по второй главе.....	92
ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ «ГОЛОВНОЙ УБОР» В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	95
3.1. Номинации головных уборов с национально-культурным компонентом.....	95
3.2. Номинации головных уборов как экспликативы этнокультурной информации	110
3.3. Номинации головных уборов как социовербальные маркеры.....	121
Выводы по третьей главе.....	137

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 139

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК 144

Словари и справочники 157

Список источников 160

ВВЕДЕНИЕ

Активизация междисциплинарных изысканий, наметившаяся в современном языковедении, сигнализирует о расширении границ гуманитарного знания. Наиболее привлекательным для лингвистов в современной исследовательской парадигме оказывается анализ лексико-семантических пространств, значимых в лингвокультурном отношении, изучение различных понятий с учетом социолингвистических факторов. Подобный анализ способствует выявлению лингвоэтнического своеобразия лексической системы языка, в том числе в таком ее фрагменте, который отражает явления народной материальной культуры.

Каждый народ создает уникальную материальную культуру (орудия труда, предметы быта, одежду, постройки и т.д.), для которой характерен своеобразный способ восприятия объективной действительности, фиксации знаний. Язык позволяет выявить «лингвокультурные факторы, определяющие особенности мировидения народа, открывая тем самым возможности для лучшего понимания ментальности народа и анализа соотносительности языка и культуры» [Фархутдинова 2000, с. 6]. Все сказанное относится к любому языку, в том числе и к русскому.

В отечественной и зарубежной лингвистике в рамках объединения языка и культуры создано немало исследований [Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая, С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, З.Д. Попова, Ю.Е. Прохоров, Ю.С. Степанов, И. С. Стернин, В.Н. Телия, Е.В. Фрумкина, Н.В. Уфимцева и многие другие], которые полностью подтвердили ранее выдвинутую гипотезу В. Гумбольдта, У. Вайнриха, И. Вайсгербера о взаимодействии языка и культуры как двух семиотических кодов человеческого общения. Основным объектом когнитивной лингвистики, на наш взгляд, по-прежнему остается когнитивная семантика, поскольку содержание языкового знака тесно связано с познавательной деятельностью человека. В структуре знаний, стоящих за языковым выражением, в определенной степени отражается способ номинации.

В русле проблемы вовлеченности семантического пространства языка в процесс моделирования общекультурных реалий наше внимание привлекла лексика, номинирующая головные уборы. Данный лексический пласт отражает культурологическое сознание народа и в определенной степени формирует его. Позна-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

вая эту лексику в разнообразии ее составляющих, выявляя системные и структурные закономерности языка и речи, лингвисты проникают в пространство ценностей национальной культуры. Проблема лексико-семантического пространства репрезентации понятия «головной убор» – это, по сути, проблема языкового мышления, ищущего адекватную форму выражения неречевых явлений.

Изучение лексико-семантического пространства понятия «головной убор» является предметом исследования не только лингвистики, но и историографии, этнографии, социологии, культурологии и т.д. Языковедческий анализ этого пространства позволяет определить место его денотативной сферы в общем составе лексики русского языка, выявить его основные семиотические характеристики, описать ментальное своеобразие национальной языковой картины мира.

Многие элементы русских головных уборов исчезают из повседневной реальности: лексемы, их обозначающие, выходят из употребления, формируя периферию лексической системы. В связи с этим актуальной предстает фиксация элементов тематической парадигмы «головные уборы» с учетом социолингвистических факторов ее формирования, уточнение лингвокультурных представлений о соответствующем фрагменте материальной культуры русского народа. Наряду с регулярными изменениями в моде появляются новые названия головных уборов: язык либо создаёт новую лексическую единицу, либо заимствует ее из другого языка. Поэтому системное изучение наименований головных уборов русского языка должно производиться регулярно, что даёт возможность наиболее полно представить лингвистическое отражение жизненного уклада русского народа, его современной культуры.

До последнего времени область лексико-семантических исследований понятия «головной убор» в большей степени имела этнографический, историко-описательный характер. Лексико-семантическая систематизация номинаций головных уборов как понятийного фрагмента, который содержит многоаспектную лингвокультурологическую информацию, значимую для русской языковой картины мира, определяет **актуальность** настоящего исследования.

Объектом монографического исследования являются языковые единицы, номинирующие понятие «головной убор» в русской языковой картине мира.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Предметом рассмотрения стали лексико-семантические и лингвокультурологические особенности языковых номинаций, репрезентирующих понятие «головной убор».

Основная цель монографической работы состоит в комплексном описании и структурировании лексико-семантического пространства понятия «головной убор» как вербализованного фрагмента языкового мышления; в изучении лексико-семантической специфики и лингвокультурологического потенциала языковых единиц, репрезентирующих данное понятие.

Поставленная цель обусловила необходимость решения следующих **задач**:

- 1) охарактеризовать исследуемое лексико-семантическое пространство;
- 2) установить лексико-семантические особенности языковых единиц – репрезентантов понятия «головной убор»;
- 3) проанализировать системные отношения в изучаемом лексико-семантическом пространстве;
- 4) выявить набор критериев релевантных для формирования лексико-семантического пространства понятия «головной убор»;
- 5) исследовать лингвокультурологическую специфику наименований головных уборов.

Материалом исследования послужили языковые единицы, репрезентирующие понятие «головной убор», извлеченные методом сплошной выборки из различных видов словарей:

- а) из толковых словарей русского языка [Даль 2004; Евгеньева 1999; Ожегов, Шведова 1999; Ушаков 2008 и др.];
- б) этимологических словарей [Крылов 2005; Преображенский 1949; Фасмер 1996; Черных 1994; Цыганенко 1989];
- в) из других специализированных словарей, отражающих системные отношения в русской лексике и фразеологии, в том числе на уровне речевого употребления [Апресян 2000; Балакай 2004; Беловинский 2007; Левиков 2003 и др.], а также энциклопедий, справочников (см. Словари и справочники).

Кроме этого, источниками для данного исследования стали работы по исторической лексикологии и этимологии русского языка; исследования историко-этнографического характера; произведения русской литературы, популярные журналы и эксклюзивные издания из мира моды. Системные связи означаемых предметов, в данном случае головных уборов, позволили класси-

фицировать собранную лексику. Словник составляет 697 наименований, 1340 контекстов иллюстрируют их употребление.

Методологическая база исследования основывается на общефилософском законе единства формы и содержания, в соответствии с которым язык представляется как динамическая, культурно значимая и материальная система.

Общенаучные методологические основы исследования опираются на принципы системности, антропоцентризма и детерминизма, лежащие в основе креативности языка как общественного явления. Принцип системности определяет комплексный подход к описанию объекта исследования и изучение его в системе иных выразителей национальной принадлежности. Принцип антропоцентризма учитывает человеческий фактор в языке в качестве определяющего и доминирующего лингвокультурную специфику системных характеристик понятия «головной убор» в языковой и материальной культуре. Это обусловлено тесным взаимодействием исследуемого понятия с жизнедеятельностью человека.

Частнонаучные методологические принципы диссертационной работы основываются на концепциях лингвокультурной интерпретации языковых и речевых явлений, разработанных Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Антошковой, Г.И. Богиним, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачевым, В.В. Воробьевым, В.Г. Гаком, В.И. Карасиком, Г.П. Нещименко, Г.Г. Слышкиным, Ю.С. Степановым, Ф.Д. Фархутдиновой и др., а также на идеях описания парадигматических свойств лексики (В.П. Абрамов, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Л.А. Введенская, Н.П. Колесников, В.И. Заботкина, А. А. Уфимцева и др.) и их функциональных параметров (С.Х. Битокова, Л.Г. Веденина, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров и др.).

Методы исследования. При выполнении данной работы был использован синхронно-описательный метод, включающий целую систему исследовательских приемов для характеристики явлений языка на определенном этапе его развития. Описательный метод изучения языка позволяет рассмотреть его как структурное целое и определить необходимые единицы для специального изучения. В исследовании такими единицами явились лексемы и их эквиваленты, извлеченные методом сплошной выборки из лексикографических, лингвистических и художественных источников.

Основные положения данной монографии:

1) Лексико-семантическое пространство понятия «головной убор» представляет собой определенный сегмент языко-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

вого сознания, объективно отражающий общекультурные реалии русской языковой картины мира, сформированные в результате жизненного уклада русского народа, его современной культуры. Изучаемое пространство характеризуется сложным структурно-семантическим устройством, различными концептуальными оппозициями, реализующими его моделирование с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, которые комплексно эксплицируют семантическую структуру языкового знака, номинирующего головной убор.

2) Среди номинаций головных уборов, зафиксированных в русской языковой картине мира, частотными оказались лексемы с живой внутренней формой, которая позволяет проследить основные закономерности процесса номинации. Релевантные признаки, на основании которых объективируется и номинируется предмет, входят в семантическую структуру номинаций в качестве различных смысловых приращений (соматический компонент, мыслительно-ассоциативные, образно-метафорические сопоставления, прагматические созначения и др.).

3) Для исследуемых единиц наиболее актуальны гиперонимические семантические связи, принцип дополнительности: к исходному понятию последовательно присоединяются уточнители, образующие различные видовые корреляты. Системные отношения реализуются в полисемии, омонимии, синонимии, антонимии. Наиболее распространено явление синонимии. В одном синонимичном ряду могут функционировать однословные и составные языковые единицы, общеупотребительные и идиолектные, полисемичные и моносемичные, четко мотивированные и ложно мотивированные. Особую лингвистическую природу проявляет антонимия: кроме контрарной антонимии, данному таксону лексики свойственна комплементарная антонимия; бинарное противопоставление основано на логико-понятийных отношениях.

4) Лексика, отражающая наименования головных уборов, коррелирует с такими чертами традиционной русской картины мира, как подвижность, вариативность, незамкнутость, восприимчивость к влияниям со стороны других картин мира. Лексико-семантическая экспликация головных уборов включает в себя не только системно-функциональную репрезентацию данного понятия на разных уровнях языка, но и средства прагматики, социокультурные, национально-культурные репрезентанты данного понятия.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

5) Номинации головных уборов концентрируют в себе национально-культурный код и значимую этно-, лингвокультурологическую информацию, связанную с нравственно- историческими и социокультурными ценностями, формирующими образные и аксиологические характеристики понятия «головной убор» в языковом сознании социума. Лингвокультуремы понятия «головной убор», кроме вербально выраженной, содержат скрытую информацию, которая порождает у представителей лингвокультуры национально-маркированные и ментально окрашенные образы и ассоциации. Головные уборы в данном случае служат опознавательными знаками, оказываются ментальными и социовербальными маркерами определенных сегментов действительности.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые предпринято комплексное лексико-семантическое и лингвокультурологическое исследование понятия «головной убор» в русской языковой картине мира на основе системно-структурной организации его языковых репрезентантов, что позволило, в свою очередь, установить специфические и социально значимые корреляции концептуализации изучаемого понятия.

Теоретическая значимость монографического исследования определяется возможностью использования полученных результатов в теоретических работах, связанных с концептуальной лингвистикой, когнитивной лингвистикой, когнитивной семантикой, лингвокультурологией, лингвоэтнографией. Материалы исследования фиксируют системные отношения между лексическими единицами, репрезентирующими понятие «головной убор» в русской языковой картине мира, и их лингвокультурную специфику. Тем самым вносится определенный вклад в изучение теории языка, отражающей культуру их носителей. Теоретическую ценность имеют выводы, полученные в результате многоаспектного анализа денотативной сферы «головные уборы».

Практическая ценность настоящего исследования определяется многоплановой дидактической и лексикографической востребованностью полученных результатов, которые могут быть реализованы в практике вузовского преподавания, в частности при изучении спецкурсов по русской лексикологии, семасиологии, лингвокультурологии, лексикологии, культуре речи, социолингвистике, теории номинации, когнитивной лингвистике, прикладной коммуникативистике. Фактический материал, репрезентирующий понятие «головной убор», может быть включен в различные лексикографические источники в качестве дополнительной инфор-

мации. Особую информативную значимость и лингвокультурологическую ценность приобретают полученные результаты в практике преподавания русского языка как иностранного.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования неоднократно обсуждались на научно-практических международных, межрегиональных и межвузовских конференциях: Ростовского государственного строительного университета: «Известия Ростовского государственного строительного университета» (2008 – 2012 гг.), Адыгской (Черкесской) международной академии наук (2008 г.), Московского государственного педагогического университета: «Синергетика образования» (2008 г.), Московского государственного открытого университета: «Вестник МГОУ» (2008 г.), Ростовского института иностранных языков: «Актуальные вопросы филологии. Теория и методика преподавания иностранных языков» (2009 г.), Кубанского государственного университета: «Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований» (2009 г.), «Актуальные проблемы современного языкознания и литературоведения» (2009 – 2010 гг.), Донского юридического института: «Личность, речь и юридическая практика» (2009 г.), Вятского государственного гуманитарного университета: «Вестник Вятского государственного гуманитарного университета» (2009 г.), электронного журнала «Гуманитарные и социальные науки» (2011 г.), электронного журнала «Современные проблемы науки и образования» (2012-2013 гг.).

Результаты исследования ежегодно докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета.

ГЛАВА 1. АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ И КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ЯЗЫКА

Попытка осмысления языковой репрезентации понятия «головной убор» не только на традиционном лингвистическом уровне, в частности, изучение лексико-семантических особенностей определенного тематического пласта лексики, но и на уровне установления лингвокультурологической специфики исследуемых языковых единиц, требует, на наш взгляд, более детального рассмотрения некоторых теоретических положений, наиболее значимых для проведенного исследования. В контексте когнитивной и антропоцентрической парадигмы современных исследований таковыми, полагаем, следует признать проблемы лингвокогнитивного изучения культуры как модели языка и языка как модели культуры, проблемы лингвокультурной предопределенности языкового значения. Кроме этого, исходя из титульного наименования работы, считаем необходимым обосновать научные предпочтения в отношении «концепта» и «понятия» и рассмотреть данные лингвистические категории как когнитивные модели объективной реальности.

1.1. Проблемы лингвокогнитивного изучения культуры как модели языка и языка как модели культуры

Изыскания по проблемам культуры становятся значительной составной частью лингвистического поворота в современных гуманитарных и – прежде всего – социальных науках. Язык является главным средством понимания объективного мира и конструирования культуры [Верещагин, Костомаров 1983; Иванова 2003]. Вместе с тем, исследовательский акцент на проблемах языка в рамках культурологических изысканий, сам по себе, предстает интегральной частью более широкого культурологического поворота в современной лингвистической науке. В этой связи отмечается, что язык не отражает мир отдельных независимых объектов, а конструирует, моделирует его [Воробьев 1997]. Культура функционирует по аналогии с языком, а поэтому актуальным оказывается дискурсивное конструирование форм культуры. Критический дискурсивный анализ обеспечивает понимание, методологиче-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

скую базу и механизмы исследования роли языка в процессе конструирования и регулирования мира культуры [Некрасова 2009].

В фокус исследовательского внимания попадают вопросы о том, содержат ли мысль грамматические и лексические категории языка, как это можно изучить и что в этом случае выявляется в природе человеческого мышления относительно оппозиции «универсальное – культурно специфическое». Отправной точкой исследования становится известная гипотеза Сепира – Уорфа: культура через язык оказывает влияние на образ нашего мышления, особенно если дело касается классификации познаваемого в процессе опыта объективного мира [см.: Хайруллин 2011, с. 37 – 38].

Эта идея по-разному и в разное время была сформулирована В. фон Гумбольдтом, Ф. Боасом, Э. Сепиром и Б. Уорфом. В более полной форме ее можно представить, на наш взгляд, следующим образом. Семантические структуры разных языков в фундаментальном плане оказываются несоизмеримыми. Язык, мышление и культура тесно взаимосвязаны, а поэтому можно утверждать, что каждый язык ассоциируется с национальной картиной мира.

Свидетельства данного положения содержатся и в современных междисциплинарных исследованиях: различные языки кодируют объективный мир посредством уникальных семантических концептов, что оказывает влияние на когнитивные процессы в сознании представителей лингвокультурной общности [Крючкова 2009].

Более широкое определение значения – которое инкорпорирует влияние контекста на процесс интерпретации – обеспечивает основания для нового взгляда на явление лингвистической относительности, базирующееся на культурных практиках, социальном взаимодействии, социальном распределении знания и понимания. В современной лингвистике явно обозначается сдвиг от теорий контекстуально не связанного лексического и грамматического значения, лежащих в основании классических изысканий Б. Уорфа, к теориям ситуационного использования языка, разграничивающим универсальные принципы и культурно специфические характеристики языка, которым представители лингвокультурного сообщества пользуются в определенных контекстах [Залевская 1991; Зубкова 2003; Карасик 1996, 2001].

Как представляется, в качестве универсальных принципов можно рассматривать конверсационные максимы Г. Грайса, принципы управления систематикой диалогических ходов, принципы

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

интерациональной вежливости. Прагматические принципы, регулирующие речевое взаимодействие, можно анализировать как фреймовый набор поведенческих тенденций, определяющих речевое поведение в рамках данной культуры. Однако именно культурно специфическое определяет когниции. В связи с этим актуальным оказывается исследование индексальности, которая закрепляет значение в контекстуальном использовании языка.

В антропологических изысканиях последних десятилетий содержится обеспокоенность текущим процессом деконструкции традиционного концепта «культура». Предлагается смещение исследовательского акцента от «культуры» в терминах поведения и артефактов к культуре как системе систем знания, ментальных диспозиций [Кошкарлова 1996, с. 14]. Основная стратегия исследования направлена на таксономические и парадигматические структуры систем категоризации, выявляемых через семантический анализ.

Вместе с тем, антропологи, по большей части, выражают единодушие в том, что культура играет ключевую роль в развитии – как в филогенезе, так и онтогенезе – человечества. Пока антропологи были задействованы в культурных войнах и спорах о тенденциях развития культуры, более широкое научное сообщество не осталось в стороне от острых дискуссий: концепт «культура» стал использоваться для доказательства противоположного тому, что утверждают в антропологии. Данный концепт был «узурпирован» прежде всего когнитивной наукой, которая сосредоточилась на феномене знания как моделей культурно моделируемого здравого смысла [Демьянков 1994, с. 20 – 21]. Подобное знание организуется в виде когнитивных схем, представляющих собой видение отдельных сегментов объективного мира, формируемое в процессе опыта и хранящееся в памяти [Quinn 1997, р. 4].

Хотя антропология исходно внесла значительную лепту в развитие когнитивистики, лишь некоторые представители этой науки (социокультурного направления) уделили значительное внимание проблеме взаимосвязи языка и культуры. Попытаемся проанализировать исследовательские перспективы концепта «культура» в лингвокогнитивной науке, особенно в тех ее сферах, которые рассматривают язык как культурный феномен.

Понятие культуры в рамках нашего исследования необходимо для того, чтобы выявить, как представители данной языковой общности приобретают культурный способ мышления. Мы

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

полагаем, что культура – несмотря на текущее сопротивление этой идее в когнитивной науке – имеет много общего с процессом приобретения языка и социализацией через язык, который характеризует данное сообщество. Размышления над проблемами культуры с перспективой ее взаимодействия с языком поднимают вопрос о высоко интегрированной символической системе общения, культурном знании и поведении.

Разделяемые всеми представителями лингвокультурного сообщества значения не обнаруживаются на поверхности, являются продуктом «означивающих практик» посредством языка. Язык моделирует материальные объекты и социальные практики в качестве значимых и доступных для понимания, структурирует значения, которые могут быть задействованы при определенных обстоятельствах процесса говорения об объектах и практиках. Понять культуру – значит исследовать процесс производства значения в символической форме через языковые «практики означивания», с учетом материальных и институциональных контекстов.

Когнитивная наука представляет собой довольно свободную коалицию лингвистики, психологии и вычислительного моделирования, для которой характерен взгляд на когницию как некий набор ментальных вычислений. Можно с уверенностью сказать, что культура стала доминирующим объектом исследования в когнитивной науке. При этом культура рассматривается как монолитный концепт с неустановленным содержанием – как качество, которое отличает людей от животных. Параллельно с данным взглядом на культуру сложилось представление о языке как универсальной характеристике человечества, обладающей генетической основой. Выражаясь словами С. Линкера, язык – это «инстинкт».

Р. Вильяме замечает (с точки зрения определения языковой манифестации), что концепт «культура» является одним из наиболее сложных. В исследовательской перспективе целесообразнее не задаваться вопросом «Что такое культура?», а сосредоточиться на том, как мы говорим о культуре и для каких целей [Williams 1992, p. 83]. Культура моделируется значениями и повседневной практикой рядовых представителей данной социокультурной общности. Исследователь настаивает на том, что культура понимается только через анализ всех форм сигнификации, в рамках действенных средств и условий производства данных форм [Там же, p. 64 – 65]. Именно оперирование общими лингви-

стическими значениями становится центральным механизмом формирования культуры.

Говорить о том, что два человека принадлежат к одной и той же культуре, – значит говорить о том, что они интерпретируют объективный мир фактически одними и теми же языковыми способами, выражают свои мысли и чувства об этом мире таким образом, что они понимают друг друга. Другими словами, культура зависит от того, как представители лингвокультурного сообщества в значимой форме интерпретируют то, что происходит вокруг них, «чувствуют» объективный мир аналогичным образом.

Лингвисты проявляют стабильную тенденцию рассматривать язык через призму того, что человек знает об объективном мире. Язык, согласно современным лингвистическим представлениям, – это основа, по которой моделируется культура [Шульгин 1998]. В современной лингвистике сложились пять «идеальных типов» понятия «культура». Как нам представляется, эти типы дифференцируются в соответствии со степенью задействованности понятия культуры как релевантного объекта исследования, компонентов культуры при изучении природы языка, значения и мышления. Проанализируем каждый из этих типов в отдельности.

1. Культура как характеристика лингвоэтнического сообщества. В данном аспекте культура предстает наиболее оптимальным способом анализа социальной группы, обладающей общим языком. Люди, говорящие на одном языке, рассматриваются как представители одной социальной группы, для которой характерны социальные барьеры в процессе коммуникации с другими группами, границы, которые подвержены историческим изменениям. Понятие культуры уравнивается с подобными группами [Денисов 2008].

Уникальность культуры находится в прямой зависимости от уникальности языка. В связи с этим признается, что культура исчезает, если исчезает язык. Языки различаются типологически описываемыми моделями. Также существуют лингвистические универсалии, но большая их часть носит условный характер. Грамматическое значение основывается на основе универсального репертуара различий (время, залог, лицо), лексическое значение предстает специфическим в культурном отношении, варьирующимся в пределах отдельного языка или языкового типа. Выявление культурологических характеристик лингвоэтнического сообщества способствует описанию специфики производства языковых форм, описывающих объективный мир.

2. Культура как ментальный модуль. Данный взгляд обнаруживается в направлении генеративной лингвистики, разрабатываемом Н. Хомским: культура структурируется по аналогии с языком, но особым способом. Специфические особенности языка отражаются в его синтаксическом уровне, абстрактное ядро которого (универсальная грамматика) представляет собой ментальный модуль, который также отличается универсальным характером и является врожденным с биологической точки зрения. Синтаксис является автономным от значения.

Само значение, которое «паразитирует» на универсальной концептуальной структуре, также предстает врожденным. Аргумент врожденности, в свою очередь, базируется на проблеме того, как человек приобретает «знание языка», поскольку данное знание является достаточно абстрактным, чтобы его можно было воспринимать прямым способом. Ответ на данный вопрос отыскивается в генетической наследственности.

Некоторые теоретики в эксплицитной форме приложили данную модель к понятию культуры. Психолингвист С. Пинкер, один из выдающихся популяризаторов указанной идеи, утверждает, что все заслуживающие исследовательского интереса характеристики языка являются универсальными и врожденно специфицированы в наших генах, а следовательно, и в деталях универсальной грамматики (фразовых структурах, существительных и глаголах и т.д.) [Pinker 2009, p. 79 – 82]. Любые различия предстают тривиальными вариациями в этой фундаментальной структуре.

Ту же самую линию исследования С. Пинкер задействует и при анализе культуры. Согласно его мнению, этнографические свидетельства лишь на первый взгляд контрастируют с универсальной грамматикой [Там же, p. 411]. Аргументы в пользу универсальности культуры и ее генетических оснований в наиболее исчерпывающем виде содержатся в книге С. Линкера «Как работает разум» («How the mind works»), которая впервые вышла из печати в 1997 г. В данной книге С. Линкер расширяет образ ментальных модулей, дополняя их модулями культуры [Там же, p. 21].

Указанные соображения С. Линкера превратились в магистральную идею когнитивной науки. Хотя взгляды на язык как врожденно специфический ментальный модуль претерпели некоторые изменения, в работах когнитивологов-теоретиков можно обнаружить аргументы того, что универсально и что врожденно в

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

человеке именно в стиле С. Линкера. Например, Р. Джекендофф, который сосредотачивает внимание на проблеме культуры при изучении того, как дети овладевают концептами, признает, что существует универсальная концептуальная структура с врожденным набором концептов и правилами, ограничивающими их содержание.

В процессе овладения ребенком значения слова необходимо, чтобы у него априорно был набор примитивов со специфическим содержанием (например, пространственные концепты, концепты обладания). Способность не только формировать концепты, но и наполнять их определенным содержанием является врожденно предопределенной [Jackendof 1992].

Р. Джекендофф также признает существование модуля или группы модулей, которые специализируются на социальных когнициях. Модуль социальных когниций позволяет детям осваивать культуру [Там же, р. 200]. Несмотря на значительные вариации как среди разных культур, так и в рамках одной культуры, следуя примеру языка, мы должны отыскать базисные принципы, в соответствии с которыми ребенок осваивает культурно специфические конвенции, в условиях которых он живет.

Р. Джекендофф прослеживает эксплицитно представленную аналогию между культурой и языком (в форме хомкианского «внутреннего языка»). Многие универсалии и параметры внешней социальной организации могут быть приложены и к внутренней социальной организации, точно также как многие характеристики языковой коммуникации применимы при анализе ментальной способности человека, формирующей его внутренний язык [Там же, р. 202]. Исследователь детализирует данные универсалии, которые включают некоторые примитивы социальных когниций.

В таком случае закономерно возникает вопрос: чем же ребенок должен овладеть, если все это является врожденным? Не так уж многим. А именно параметрами, в соответствии с которыми осуществляется управление собственностью и правами на собственность в локальной культуре. Кодификация данных параметров образует базис, вокруг которого культура конструирует свой эквивалент правовой системы [Там же, р. 207]. Освоение культуры, следовательно, состоит из выявления особенностей фреймов в процессе культурной реализации и моделировании категорий ситуаций, в которых применяется логика каждого формата языкового взаимодействия.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Суммируя все вышесказанное, можно утверждать, что логика размышлений над феноменом культуры, присущая исследователям-когнитологам (С. Пинкеру, Р. Джекендоффу), в принципе, совпадает с логикой анализа языка, разрабатываемой генеративистами. Так же, как и язык, культура предстает генетически врожденным набором элементов и правил комбинации этих элементов. Уровень универсалий (как культурных, так и лингвистических) обнаруживается именно в данных элементах, а не в соответствующих системах, взятых в целостном виде.

3. Культура как знание. Различия в культурах прослеживаются прежде всего в семантических категориях языка. Язык (языковая семантика, а не универсальная грамматика) выполняет функцию ключа к познанию культуры. Культура, а именно то, что люди должны освоить, дистанцируясь от своего биологического наследия, включает знание.

Культура и язык являются ментальными реальностями. Знание культуры уподобляется знанию языка. Следовательно, описание культуры подобно описанию языка: человек пишет «культурной грамматикой» [Duranti 1997, p. 27]. Значение формируется в индивидуальном мышлении, но структурируется в процессе освоения культурного опыта, который обеспечивает фреймы или схемы для организации и понимания культуры. Культура состоит из компонентов подобных фреймов / схем.

4. Культура как контекст. Культура является базисом специфической в контекстуальном отношении природы языка в условиях реального функционирования. Культура – это все, что заставляет нас дифференцированно использовать язык в разнообразных контекстах, характеризующихся в терминах таких социальных переменных, как гендер, возраст, этническая принадлежность, жанр общения, социальные установки. Для исследователей, работающих в данной перспективе, анализ сосредотачивается на типах деятельности, взаимодействии, в котором данные типы реализуются, на том, как деятельность структурирует окружение и рамки понимания, в которых язык используется и осваивается [Бельчиков 1997; Веденина 2000; Вежбицкая 1999]. В фокусе исследовательского внимания находятся прежде всего культурные контексты. Предлагаются некоторые универсалии для измерения контекстов, которые оказываются релевантными явлениям языковой вариативности. Акцент делается на различиях, обнаруживаемых в данных контекстах [Гак 2001; Красных 1998].

5. Культура как процесс. Данная точка зрения зародилась в последние десятилетия в тех направлениях лингвистики, антропологии и психологии, которые изучают протекающее в естественных условиях речевого взаимодействия поведение индивида с учетом культурного измерения [Крейдлин 1999; Меновщиков 1986; Нешименко 1994].

В данном случае постулируется тот факт, что культура, с одной стороны, предстает как знание, так и традиция мышления; с другой стороны – это совокупность взятых в определенной обстановке объектов, взаимодействий индивидов и система коммуникативного поведения. Естественное культурное окружение формируется людьми, объектами и измененными ландшафтами. Дети, рождаемые в данном окружении, постепенно становятся «культурными» представителями общества, подавляя биологическую наследственность.

Теоретики, разделяющие данную точку зрения на культуру, подчеркивают тот факт, что мышление, значение и культура представляют собой динамические, а не статические явления. Эти явления развиваются в процессе социального взаимодействия с опорой как на культурные факторы, так и мышление. Чтобы понять процесс становления значения – мышления – культуры, необходимо изучать социальное взаимодействие, активно привлекая данные реальных, ситуационно обусловленных случаев [Алефиренко 2002].

Культура, в соответствии с данной точкой зрения, «содержится» частично в мышлении, а частично (ре)конструируется в процессе социального взаимодействия. Ж. Лейв утверждает, что когнитивные иницируются в системе повседневных практик и распределяются среди сознаний, деятельности и культурно организованных установок всех представителей данной лингвокультурной общности [Lave 1988, p. 81]. Большая часть когнитивных актуализуется между индивидами в процессе их взаимодействия [Hutchins 1995]. Лингвисты-антропологи, в добавление, говорят о том, что знание также «размещается» в орудиях труда, которыми пользуются люди [Keller 1996], а поэтому понятие культуры как знания предполагает интерпретацию культуры как предметов.

Проанализировав пять точек зрения, установившихся в современной лингвистической науке относительно такого понятия, как «культура», можно предположить, что когнитивная наука представляет собой модернизацию давних споров относительно психической цельности человечества. Представленные выше точ-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ки зрения на культуру характеризуют разные позиции в данных спорах. В основании данных теоретических позиций можно обнаружить полярные противопоставления, актуальные как для антропологии, так и лингвистики. К таковым, как представляется, можно отнести:

1. Противопоставление между культурой и культурами: культура рассматривается как таковая, вне привязки к конкретной культуре или культурам. В когнитивной науке признаются взгляды на язык как биологический феномен, который «картографирует» восприятие, когниции, эмоции и социальное взаимодействие. Люди, единственные в своем роде, занимают «когнитивную нишу» (Пинкер), в отношении которой язык престаёт относительно последовательным дополнением. В качестве альтернативной точки зрения признается, что люди отличаются от животных благодаря тому, что обладают вариативной символической способностью, которая предопределяет более высокие уровни организации (Я, культура, сознание, исторически развивающиеся системы значений), зависящие от языка. Люди также занимают «культурную нишу», и данные ниши отличаются значительной вариативностью. Факт подверженности культуры к вариациям становится ключом к пониманию уникальности той ниши, которая занимается определенным народом.

2. Противопоставление между концептами культуры как (частично) интегрированного целого и культурой как набором уникальных особенностей. Холистический взгляд на культуру настаивает на присутствии общих тем, моделей и структурных связей между различными социальными сферами. Язык и мышление рассматриваются в нерасторжимом единстве: связи осуществляются в символических системах с привязкой к общим темам социальной и культурной жизни представителей сообщества.

3. Противопоставление между культурой как проявлением ментального и культурой как проявлением материального. Представители когнитивной науки рассматривают культуру либо как ментальный, либо как материальный феномен. Факт сглаживания данного противопоставления отмечается теми исследователями, которые интерпретируют культуру как процесс: культура превосходит и ментальное, и материальное окружение, в котором значения возникают в ситуационном взаимодействии представителей сообщества.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Противопоставление взглядов на культуру антропологов и лингвокогнитологов можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица 1. Культура в понимании антропологов и лингвокогнитологов

Культура в представлении антропологов	Культура в представлении лингвокогнитологов
1. Осваивается в процессе жизнедеятельности, аккумулируется поколениями, обладает специфическим проявлением в определенной социальной группе.	1. Универсальна в своем проявлении, в генетическом плане основывается на ментальных структурах.
2. Предполагает наличие общих ментальных структур: семиотические системы, знание, мысли, верования, ценности, особенности проявления эмоций, культурные модели, когнитивные стили.	2. Предполагает когнитивную архитектуру: способность к символическому мышлению, иерархические уровни, саморефлексивность, способность к пониманию других как обладающих собственными интенциями.
3. Задействует общие модели поведения: поведенческие стили, публичная риторика и т.д.	3. Задействует определенное содержание: универсальную грамматику, культурные модули.
4. Базируется на общих предметах: орудиях труда, технологиях знания и т.д.	4. базируется на универсальных концептуальных структурах, «концептуальных примитивах», базисных концептах.

В свете проблемы культурной коннотации слова-знака представляет интерес лексико-семантическая группа наименований головных уборов. Причиной их частотного и продуктивного использования в повседневной речи является то особое место, которое традиционно занимают эти слова в сознании языковой личности. Еще в глубокой древности начали складываться первые обобщения- символы, конкретизируемые в образе того или иного головного убора. Эти номинации оказались одним из наиболее подвижных тематических пластов лексики. Их когнитивное своеобразие состоит в том, что в них всегда доминирует культурный компонент, выделяясь за счет противопоставления репрезента-

тивного и фигурального значений. Поэтому исследование номинаций головных уборов позволяет интерпретировать феномен культуры одновременно как знание, контекст и процесс употребления языкового знака.

1.2. Лингвокультурная предопределенность языкового значения

Во второй половине XX столетия языковые особенности лингвокультурной общности становятся лингвистической мишенью для разнонаправленных семиотических исследовательских потоков. Языковые знаки, направленные на человека, не являются вмешательством в повседневную жизнь общества, а напротив, призваны для ее поддержания [Мальковская 2005; Слышкин 2000; Смирнова 2008]. При этом значению как знаковому составляющему стала отводиться роль центральной позиции в когнитивной сущности человеческой жизни. Ритуалы, традиции, мифы в этой связи явились неотделимой частью повседневного языкового существования человека.

Значение представляет собой одно из центральных понятий в лингвистике, исследуемых в самых разнообразных аспектах – начиная от формального языковедческого анализа и заканчивая более широкими изысканиями в области социальной семиотики [Апресян 1999; Арутюнова 1988; Васильев 1999]. В соответствии с данными исследованиями значение «размещается» не в конкретном тексте, а проистекает из взаимно конструктивных отношений между текстами и уровнями контекста (локального и глобального). Указанные отношения маркируют не только национальную идентичность представителей лингвокультурной общности, но и своеобразие интерпретации объективной действительности, выявляемое в рамках данной общности.

Согласно воззрениям М.М. Бахтина, пользователи языка «арендуют» значение [Бахтин 2000, с. 327]. Другими словами, речевые произведения говорящего наделяются значением, поскольку он задействует слова, которые «берет» и «отдает» в лингвокультурное сообщество в соответствии с установленными нормами. Значение основывается на групповой жизни. В процессе реализации значения индивид метафизически связан с лингвокультурной общностью, представителем которой он является. М.М. Бахтин отрицает тот факт, что отдельные индивиды порождают речевые высказывания и соответствующие значения. Это отрицание имплицитно содержится в его понимании диалогично-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

сти: высказывание всегда предстает связующим звеном в цепи речевой коммуникации.

Анализируя фундаментальную природу значения в жизни современного человечества, шведский культуролог Дж. Форнас указывает на тот факт, что культура пронизывает все сферы жизнедеятельности общества. Человек является таковым вследствие того, что он понимает и интерпретирует то, что воспринимает в акте перцепции, конструируя символы, которые позволяют размышлять о том, чего нет в текущей объективной действительности, т.е. рефлексировать о прошлом и будущем, исследовать неведомое и размышлять о неизвестном. Обрамляя подобные символические модели в коллективном акте рефлексии, человек конструирует мир, определяет свою специфическую, лингвокультурную позицию в этом мире [Fornas 1995, p. 30 – 31].

Лингвистическое моделирование и интерпретация лингвистического значения относятся к наиболее частотным видам человеческой деятельности. Человек принадлежит к «объясняющим» разумным существам: он делает заключения относительно объективной реальности, культурных ситуаций и о себе самом, таким образом производя концепции о мире, в котором живет и интегральной частью которого является.

Культурную революцию, произошедшую в прошлом столетии, наиболее оптимальным образом можно охарактеризовать как дезинтеграцию связей, которые традиционно объединяли людей и определенные социокультурные сообщества. Можно говорить об исчезновении традиционной системы ценностей. Как представляется, не является совпадением тот факт, что вопрос идентичности – в том числе и лингвокультурной – предстает одной из наиболее обсуждаемых в 1980-1990 гг. языковедческих проблем [Богин 1999; Вежбицкая 1996; Герд 2001; Гришаева 2007]. В указанных разновекторных тенденциях находит отражение затянувшийся кризис концепции лингвистического значения, функционирующего в готовом виде и обладающего относительной речевой стабильностью. Значение начинает рассматриваться во всем многообразии своего проявления, как лингвокультурный смысл человеческой жизни.

Значение, ценности и взгляды находят конкретную форму своего выражения в общественных институтах, социальных отношениях, системе верований, обычаях и традициях, в процессе пользования материальным миром и его объектов. Указанные сферы, взятые в совокупности, формируют культуру, которая, в

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

свою очередь, содержит «карту значений», делающую мир понимаемым для представителей данной культуры. Данная «карта значений» размещается не только в когнитивном сознании людей, но также получает осязаемую материальную форму выражения в тех сферах языковедческой деятельности и поведенческих моделях, адаптацию которых мы можем рассматривать в качестве проявления определенной культуры. Именно через сеть различных карт значений и символов человек приобретает возможность чувствовать, оценивать и понимать объективную реальность.

Факторы времени и места рождения человека оказываются решающими в приобретении системы значений, посредством которой человек учится понимать объективный мир, в котором живет. Интеграция человека в социокультурную общность напрямую связана с процессом овладения системой карт значений той культуры, представителем которой он является. Сталкиваясь с объективным миром, человек в процессе производства значений сам является продуктом значений, социальных отношений, обычаев, т.е., в конечном итоге, культуры.

Культурные феномены характеризуются с интересубъективной точки зрения [Майстренко 2009]. Они задействуют когнитивное сознание более чем одного субъекта культуры. Культурные символы передаются представителям социокультурной общности посредством их объединения друг с другом через определенное содержание значений. Интересубъективность предстает решающим фактором того, что значения приобретают материальные измерения, начинают существовать в материальной форме вне когнитивного сознания представителей лингвокультурной общности [Кулакова 2002, с. 14 – 15].

Однако интересубъективный характер лингвистического значения не означает, что оно является универсальным понятием для всех людей и во все времена. Различные карты значений не обладают в каждой культуре аналогичным весом. Каждая подобная карта манифестирует позицию и точку зрения лингвокультурной общности, которая ее породила. Организация мира значений конструирует повседневную жизнь целых лингвокультурных обществ, концептов их языковой самоидентичности.

В связи с этим в лингвистической науке актуализируются исследования, направленные на анализ языка как практического сознания представителей лингвокультурной общности [Берестнев 2000; Жоль 1990; Кись 2002]. Возможно, в связи со сложностью строения языка, многие лингвистические теории предприняли

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

попытку его рассмотрения в одномерном измерении. Наиболее распространенный взгляд на язык в современной лингвистике заключается в его репрезентации как инструмента, посредством которого говорящий инициирует различные сообщения [Прохоров 1996].

Данная концепция, полагаем, может быть суммирована в следующем виде. Адресант реализует свою интенцию посредством некоторого речевого акта. Слушающий декодирует этот речевой акт. Указанная концепция предполагает, что процесс мышления предшествует акту производства сообщения, речи. При этом мысль, облакаемая в слова, оказывается равной декодируемому смыслу. Язык рассматривается в качестве передающего средства, которое практически не оказывает влияния на то, что может быть передано в речевой реализации.

В лингвистике признается, что язык – это не только средство, которое задействуется в процессе передачи сообщения, но и имманентная лингвокультурная характеристика собеседников [Аванесова, Купцова 2008]. Язык рождается в процессе взаимодействия собеседников, т.е. предстает практическим и intersubjectивным сознанием. Язык и реализуемые через язык значения «схватывают» объективную реальность и ее культурологическую составляющую.

Ю.М. Лотман в этой связи признает функциональный дуализм текстов в системе культуры [Лотман 1999, с. 217]. В культурном измерении общества тексты служат для адекватной передачи уже существующих значений и порождения новых значений. Первая функция реализуется наиболее оптимальным способом, когда коды говорящего и слушающего совпадают и, следовательно, когда тексты обладают максимальной степенью однозначности, недвусмысленности. Вторая функция проистекает из многоголосия.

В этом отношении текст перестает быть пассивным связующим звеном в передаче некоторой постоянной информации между вводом (адресантом) и выводом (адресатом). Ю. Лотман отмечает, что именно вторая функция текстов предстает наиболее плодотворной для изучения пространства культуры [Там же, с. 219]. Анализ второй функции выявляет главную структурную характеристику текста, его внутреннюю гетерогенность, которая отражает соответствующую характеристику национального языка. Порождаемое текстом значение становится продуктом не только текстовой эволюции, но и, в значительной степени, взаимодей-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ствия между языковыми структурами, которое в замкнутом мире текстов является активным культурным фактором, работающей семиотической системой.

Идеи Ю.М. Лотмана относительно двух функций текста тесным образом связаны с различием между «авторитарным» и «внутренне убеждающим» дискурсами, предпринятым М.М. Бахтиным. В добавление к таким понятиям, как однозначность и диалогичность, ассоциируемыми с выделенными Ю. Лотманом двумя текстовыми функциями в культурном пространстве, М.М. Бахтин дает характеристику указанных различий в терминах степени авторитарности, обладающей одним голосом при вступлении в контакт с другим голосом [Бахтин 2000, с. 321]. Понятие авторитарности, как представляется, обладает важными импликациями в отношении социокультурной предопределенности и намеренности значения.

Согласно взглядам М.М. Бахтина, авторитарный дискурс основывается на признании того, что высказывания и реализуемые ими значения являются фиксированными, не подлежащими модификации в процессе контактирования с другими голосами.

Вместо того чтобы функционировать в качестве генератора значения, авторитарный текст «требует нашего беспрекословного подчинения», он не позволяет спонтанной вариации. Очевидно, что тексты, порождаемые лингвокультурной общностью, относятся к авторитарным.

Объективная реальность отражается одновременно как языковым, так и неязыковым способом. Отдельные ее элементы могут функционировать в качестве знаков, другие знаками не являются. В материальной реальности всегда обнаруживаются некоторые сущности и аспекты, которые остаются вне зоны культурологического понимания, языка и значения. В связи с этим объективная действительность конструируется не только посредством языка. Существование действительности независимо от языка, не все, что обнаруживается в действительности, «извлекается» из языка.

Однако из этого не вытекает вывод о том, что реальность дается человеку сама по себе, без вмешательства со стороны языка. Хотя объекты реальности не зависят в обязательном порядке от языка, они получают свои лингвистические значения только в рамках языка. Без лингвистической сигнификации реальность испытывалась, возможно, только как унифицированный культурный континуум. Именно язык осуществляет деление объ-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ективного мира на определенные культурные сущности. Язык наделяет реальность лингвистическими значениями, подразделяя ее на культурные сущности, которые четко дифференцируются друг от друга.

Антрополог Э. Лич, описывая центральное положение языка в акте восприятия объективной реальности, постулирует тот факт, что физическое и социальное окружение воспринимается маленьким ребенком как некий континуум, который не содержит явно выделяемых «предметов». Ребенка учат «накидывать» на данное окружение «дифференцирующую сеть», которая призвана выделять объекты реальности, различать их друг от друга, давать им уникальные номинации. Данный мир предстает репрезентацией языковых категорий, но не наоборот [Лич 2001, с. 34].

Другими словами, реальность сама по себе не членится на значимые элементы – сущности, феномены, события, – но делится на эти элементы в процессе лингвистической практики означивания, осуществляемой человеком. Язык пассивно не отражает реальность, находящуюся за ее культурными рамками. Несмотря на то, что человек наделен чувством различения между тем, что непосредственно заложено в языке, и тем, находится вне культурных рамок языка, знание оказывается возможным только в процессе означивания объектов реальной действительности. Значения объективной реальности априорно не даны человеку, а они культурно воспроизводятся.

В этой связи культуролог С. Холл замечает, что объекты и события в реальном мире не содержат и не предлагают своего интегрального, уникального и действительного значения. Значение – это продукт социальной деятельности, результат лингвистической практики. Мир сотворен для того, чтобы нести значение. Язык и символизация предстают средствами производства значения [Hall 1993, p. 280]. Язык не предоставляет номинаций сущностям, которые существуют независимо от языка, но означивание активным образом производит значение, определенным образом делает мир значимым. В данном смысле язык всегда реализует значение, определенным образом репрезентируя воспринимаемую реальность. Язык придает форму человеческой мысли в не меньшей степени, чем сам человек придает форму языку.

Язык – сфера непрерывного производства. Одним и тем же объектам и событиям могут быть приписаны варьирующиеся в значительной степени значения. Данная действенная возможность языка бесконечно порождать разнообразные значения

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

предстает основой для непрерывных попыток различных языковых возможностей сделать реальность значимой. Язык предстает полем сражения между доминирующими и альтернативными значениями, которые подвергают сомнению друг друга.

Выступая ареной производства множества лингвистических значений, которые время от времени противоречат друг другу, язык является частью практического сознания говорящей личности, пребывания этой личности в объективном мире. Все социальные практики наделены собственными лингвистическими измерениями. Более того, все структуры, производящие значения, обладают материальной, практической составляющей, представляющей их имманентной характеристикой.

Идея о том, что язык, выступая в качестве практического сознания, процесса означивания объективного мира и существования человека в мире, является основополагающей для нашего исследования. Данный подход имеет далеко идущие следствия для того, как мы анализируем формирование лингвистического значения. По своей природе значение является социальным, т.е. intersubjectивным. Если язык – это практическое сознание и деятельность, его значения извлекаются из человеческой практики и деятельности. Таким образом, язык означает объективный мир, делает его культурно значимым. Означивание – это практическая и материальная деятельность, которая задействует средства языка и/ или другие формальные знаки, специфическая составляющая практического сознания.

Выступая в качестве практического сознания, язык играет решающую роль в том, как человек воспринимает действительность, ориентируется в ней, позиционирует себя в отношениях с другими людьми. В связи с этим лингвистические концепты занимают центральную позицию в процессе означивания повседневной реальности. В данной связи П. Бергер и Т. Лукманн

замечают, что язык, используемый в повседневной жизни, непрерывно обеспечивает говорящую личность необходимыми объективациями и устанавливает порядок, в рамках которого они имеют смысл, а повседневная реальность приобретает значимость [Бергер, Лукманн 1995, с. 35 – 36].

Язык централизованным способом участвует в формировании лингвокультурной концепции реальности. Он функционирует во всех сферах и уровнях лингвокультурного сообщества – от наиболее простых до самых сложных. Он определяет условия лингвокультурной активности и самоопределяется условиями этой

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

активности. Выступая таковым, язык одновременно предстает производителем, инструментом и продуктом значения.

Таким образом, язык является активным элементом взаимодействия людей, устанавливая ограничения на значения, определяя жизнь представителей лингвокультурного сообщества посредством сортировки речевых фактов, участвующих в номинациях объектов реальности. Производство нового в языке соотносится с тем, что уже существует в языковой материи: моделирование нового значения взаимосвязано с уже существующими значениями. П. Бергер и Т. Лукман подчеркивают тот факт, что люди видят реальность через те категории, которые использует каждая культура, чтобы сделать возможным восприятие реальности. В данном отношении символические системы занимают центральную позицию. Язык производит ярлыки для объектов, которые являются значимыми в каждой культуре [Там же, с. 85-89]. Наряду с различным язык порождает подобное.

В современной лингвистике постулируется избирательная природа языка в процессе лингвокультурной организации восприятия объективной реальности человеком [Гирц 1997; Мерзлякова 2010; Слышкин 2004]. Все языки включают механизмы, посредством которых определенные элементы либо получают эмфатическое выделение, либо отводятся на задний план. Акт выбора и организации в процессе номинации лингвокультурных ценностей, а также оценочные суждения, соотносимые с данным актом, являются основанием для лингвистического выражения культурного объекта [Гак 2000, с. 55 – 56].

Кроме того, что язык налагает ограничения на речевую активность говорящей личности, он представляет собой производящую систему, в рамках которой порождаются новые категории и новое видение культурной действительности. Центральную роль в данном процессе играет метафора, которая является лингвистическим образом, который производит значения через аналогию, посредством объяснения или интерпретации одной сущности через другую. В лингвокультурологическом измерении языка метафора рассматривается в качестве фундаментального средства означивания объектов реальной действительности. В метафоре предварительно неизвестное объясняется через моделирование параллели между этим неизвестным и тем, что уже знакомо [Битокова 2009, с. 17]. Новая лингвокультурная реалья получает означивание через «старый» словарный фонд языка.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Метафора выступает сущностной формой языка в силу нескольких причин. Одной из них предстает экономия языковых средств и усилий. Метафора также отличается своим концептуальным назначением: способность распознавать аналогии облегчает процесс интерпретации объективного мира. Она способствует адаптации лингвокультурной общности к новым ситуациям без затрат усилий на освоение каждой детали каждого отдельного случая. Исследования Дж. Лакоффа и М. Джонсона показали, что метафоры занимают «фокальную позицию» в процессе понимания объективной реальности [Лакофф, Джонсон 2008, с. 35].

Различные метафоры производят различные интерпретации объекта, нуждающегося в номинации. Поскольку люди посредством языка членят объективную реальность на постигаемые разумом сектора, естественно, что легче описывать новое и априорно знакомое через уже известное. Лингвокультурное моделирование аналогий (и различий) способствует тому, что объективный мир становится постигаемым. Время от времени метафоры также задействуют устаревшие значения.

Лингвистические выражения являются не просто средствами передачи значений от адресанта к адресату, их можно рассматривать в качестве производителей значения во взаимодействии с определенными концептуальными структурами, которыми оперирует адресат. В соответствии с данным теоретическим положением индивидуальные высказывания предстают не столько инструментами, сколько мобилизаторами процесса означивания, своего рода катализаторами. Метафорическая референция на данные катализаторы предполагает тот факт, что формирование значений реализуется с непосредственным участием других элементов ситуации. В коммуникативной ситуации данные элементы «отыскиваются» слушающим в собственных пресуппозициях и концептуальных основаниях общения (которые также обладают лингвистическим характером). Производство значений в процессе означивания можно обозначить как моделирование таких знаков, которые «пробуждают» значения в получателе сообщения.

Другими словами, язык в такой же степени является частью когнитивного сознания человека, в какой он является частью реальной действительности. Поскольку он непосредственно реализуется в лингвистических знаках между собеседниками, то предстает продуктом коллективного социального сознания. Язык и лингвокультурная общность неотделимы друг от друга. Неправомерно говорить о действенном значении, существующем только

для одного представителя данной общности. Вхождение в сферу значений означает вхождение в сферу речевого взаимодействия между представителями данной лингвокультурной общности. Субъективное сознание оказывается в этом случае зависимым от интерсубъективного сознания. Сознание, таким образом, реализуется через язык в условиях коммуникативного взаимодействия посредством языковых знаков.

Между означающим и означаемым языкового знака не обнаруживается естественного подобия. Значение знака традиционно связывается с установленными способами использования языка, т.е. с тем, как язык «вмещивается» в объективную реальность для придания ее элементам определенных значений. Значения порождаются исходя не из имманентных различий, обнаруживаемых в реальности, а из различий, посредством которых язык «схватывает» реальность. Множественность значений непосредственно проявляется в тексте.

Лингвокультурный мир значений не состоит из отчетливо выделяемых объектов, но представляет собой сочетание гибридов, которые в диахроническом плане меняют свою форму выражения. В данном отношении значения являются не столько завершенными продуктами, сколько производством изменений, определяемым множеством факторов. Однако в темпоральной перспективе обнаруживается тенденция стабилизации значения.

В частности, номинации головных уборов являются источником образов и средством их стабильного изменения, закрепления, удерживания повторного воспроизведения. Законами изменения значений в сфере номинаций головных уборов являются общие законы ассоциативных связей. Ассоциации как основной двигатель механизмов мышления участвуют в сотворении новых понятий и значений в сфере головных уборов, поскольку они связывают уже имеющиеся представления о внеязыковых сущностях с теми их свойствами, которые всплывают в сознании в том или ином ракурсе их отображения.

1.3. «Понятие» и «концепт» как когнитивные модели объективной реальности

Естественный язык является одной из высших форм проявления культуры, но и культура своими основополагающими смысловыми характеристиками располагается в сфере языка. Естественный язык можно назвать базовым ядром культуры. Это, конечно, не означает, что язык и культуру можно отождествить.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Недавно возникшая и интенсивно развивающаяся область знания, называемая лингвокультурологией, «ставит перед собой задачу целостного, системного представления единиц языка и культуры в их корреляции и взаимодействии» [Воробьев 1997; Маслова 2004; Тхорик, Фанян 2005].

Языковая продуктивность культуры помещена в зазоре между уже готовым и еще только нарождающимся результатом. Этот зазор связан с традиционным разделением языка на логико-грамматическую совокупность нормативных характеристик (все, что можно назвать правилами или кодексом языка) и живую звучащую речь, с ее ритмами, энергиями, интонациями, с ее конкретной обращенностью к другому. Хотя даже при таком прямолинейном и тривиальном разделении сразу обнаруживаются проблемы, связанные с интуитивно очевидным единством реально функционирующего языка.

Изыскания в сфере парадигмы культурных моделей позволили прийти к заключению, что лингвокультурная специфика когниции необходимым образом и наиболее оптимальным способом раскрывается только через лингвистический анализ, а культурное знание представляет собой сущностный набор пропозиций. В аспекте данного анализа концепт рассматривается как концептуальные абстракции, формируемые между получаемыми органами чувств стимулами и поведенческими реакциями. Данные абстракции, в свою очередь, становятся основой переработки информации [Casson 1983, p. 430]. Н. Квин добавляет, что культурная модель («народная модель», «мыслительная система») представляет собой систему взаимосвязанных идей относительно домена, концепт, который является общим для всех представителей данной лингвокультурной общности [Quinn 1997, p. 4].

К началу 80-х годов прошлого столетия модели в терминах обозначенного выше понимания формулировались в связи с коннективистской теорией ментальных процессов. При этом концепт анализировался – без какой-либо привязки к языку – как конструкт сети ассоциаций, формируемой в результате повторяющегося опыта индивида. Метод изучения концептов не включал лингвистический анализ, предполагал дискурсивный анализ и того, как люди говорят о том или ином домене.

Рассмотрение культурных моделей в качестве «внутренних репрезентаций» неких наборов идей, которые трансформируют сложные когнитивные задачи, способствовало изучению роли этих идей в ментальных процессах обоснования и памяти [Алефи-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ренко 2005; Болдырев 2001]. При этом цель заключалась в том, чтобы определить внешний мир через использование языка, его функции и мотивацию к действию. Анализ психологических характеристик общих для конкретной общности культурных идей позволила сфокусироваться на взаимодействии внешнего мира и «внутренних» взглядов представителей данной общности [Григорьев 2006].

Акцент на когнитивных схемах и рассмотрении культуры как процесса порождения значения, который не всегда имеет лингвистическую природу, позволил исследованиям в данной области «состыковаться» с лингвокогнитивным изучением метафоры [Лаккофф, Джонсон 2008]. В этой связи метафора начинает интерпретироваться как средство постижения одного опыта в терминах другого опыта, обнаружения связности между не соотносящимися событиями, средство обеспечения концептуальных схем, посредством которых люди понимают объективный мир.

Обозначенная выше перспектива изучения культурных моделей также смыкается с антропологическими изысканиями, в которых постулируется, что культура не может быть уравнена с тем, что в языке предстает эксплицитно стабильным [Арутюнов 1989; Герд 2001; Гришаева 2007]. Исследовательский акцент в этом случае делается не на универсалиях, а на процессе сигнификации определенных культурных моделей для определенных форм мышления.

В аналогичном ключе развиваются и антропологические изыскания в области развития детей, в которых показывается, что культурные воззрения об институте родителей играют определенную роль в развитии детского мышления [Harkness 1992; Harkness, Super 1996]. Данная идея, в свою очередь, соотносится с более ранними исследованиями по языковой социализации, в которых утверждается, что, уже начиная с ранних стадий овладения языком ребенком, между языковыми коллективами обнаруживаются яркие различия в том, как происходит социализация в размышлениях об использовании языка в культурно специфических сферах [Ochs 1988].

Исследователей заинтересовали вопросы, связанные с реальным функционированием культурных моделей, почему они предстают оптимальными в мыслительных процессах и помогают представлять когнитивные задачи в качестве «средства навигации» [Frake 1985]. Внимание стало уделяться мотивации человеческого поведения, которое испытывает влияние со стороны

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

культурных моделей, а также ключевым концептам, которые мотивируют широкий поведенческий диапазон [Quinn 1997].

В результате закрепляется представление о культуре как знании, а главная проблема исследования формулируется в виде следующего вопроса: как культурное знание организуется в мыслительном процессе? Исследователи признают, что не всякое знание является лингвистическим, а практика, как и кодифицированное знание, предстает важной частью культуры. То, что является уникальным в данной культуре, получает лингвистическое выражение, универсальным предстает природа концептов, формирующая основания для поведения и практики [Quinn 1997].

Во всех лингвистических изысканиях, осуществляемых в подобном ключе (для которых актуальным является вопрос взаимодействия культуры и языка), указывается, что представители лингвокультурного сообщества обладают общей когнитивной парадигмой, в которой культура манифестируется как набор сложных, с рациональной точки зрения, ментальных феноменов. Данные ментальные феномены имеют форму иерархических правил для конструирования пропозиций, многие из которых воспринимаются как само собой разумеющееся и являются относительно недоступными интроспекции («конститутивные правила»), другие – более выражены и нормативны («регулятивные правила»).

Некоторые антропологи и психологи-культурологи выдвигают серьезные сомнения в отношении интернального характера мысли и того, что знание может быть репрезентировано некоторым набором пропозиций или концептов [Грибанов 1996, с. 27]. В этом случае знание рассматривается не как продукт индивидуального сознания. Будучи задействованной в действии, в повседневных практиках, когниция «распределяется», но не «делится» среди сознаний, деятельности и культурно организованных априорных установок представителей лингвокультурной общности.

Большая часть когниций актуализуется в процессе речевого взаимодействия индивидов и распределяется между ними [Лукашевич 2002, с. 57 – 59]. Знание же локализуется не только в индивидуальном сознании, но также в орудиях труда, которыми пользуются люди [Keller 1996]. Следовательно, единицей анализа в исследовании когниций должны стать как собственно человеческий ресурс, так и материальные ресурсы, окружающие людей в повседневности.

Другим объектом критики теории культурных моделей стали немотивированные основания вопросов о том, для каких целей

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

они изучаются и кому они принадлежат. Большая часть исследований по культурным моделям, действительно, посвящена их содержанию (как атрибута сознания), а не процессу их функционирования. Значительное продвижение в данном направлении отмечается в попытках исследователей рассмотреть структуру культурных моделей в процессе их функционирования, выявить психологические основания того, как культурные модели связаны с выражением эмоций (т.е. как память ассоциируется с эмоциями). Стимулом для подобных исследований стала когнитивная наука.

В результате была представлена как несостоятельная идея о полной зависимости мысли от языка, поскольку главным атрибутом сознания стали признаваться не символы, а концепты. Культурному знанию стал приписываться гетерогенный характер, отсутствие интегративного начала. В этой связи концепт как культурная модель стал рассматриваться с лингвокультурологических позиций.

Активизация научных изысканий в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии способствует непрерывному процессу уточнения, детализации лингвистической специфики концепта, что естественно приводит к появлению новых толкований данного термина. Несмотря на все усилия лингвистов упорядочить, систематизировать теоретическую базу, связанную с концептом, по-прежнему открытыми и дискуссионными остаются многие вопросы; такие, например, как, вопрос о структуре концепта, об особенностях его вербализации, о типологии концептов, о соотношении понятия и концепта, значения и концепта и т.д.

В рамках выполненной работы считаем возможным рассмотреть только проблему соотношения понятия и концепта, поскольку это является принципиально важным для проведенного исследования. И понятие, и концепт – очень сложные, многомерные когнитивные модели объективной реальности, комплексные по своей природе, что предопределяет их некоторую терминологическую «расплывчатость», «неопределенность», «приблизительность». В процессе своего функционирования данные термины претерпели значительные аналитические изменения. Заметим, что уточнение сущности этих конструктов не утратило своей актуальности. До сих пор продолжается процесс осмысления содержания этих терминов, чему, несомненно, способствует комплексная природа их сложной структуры, в которой различимы абстрактные и конкретные, идеальные и материальные составляющие.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

щие и т.д. Объективно и субъективно данные термины с трудом поддаются однозначному дефинированию.

Неоднозначность трактовки этих терминов обусловлена многими обстоятельствами, среди которых, прежде всего, следует назвать междисциплинарную, интегративную природу изучаемых образований. Действительно, и понятие, и концепт активно используются в целом комплексе гуманитарно-социальных наук. Кроме этого, существующий терминологический «разнобой» объясняется разноаспектностью изучаемых явлений (например, как философские явления и как лингвистические явления), наличием многочисленных подходов к их осмыслению. Так, например, в изучении концептов известны подходы, которые отличаются механизмами возникновения и рассмотрения его: философский [Колесов 1999, 2004], интегративный [Ляпин 1997], логический [Артюнова 1999 и школа Логического анализа языка], культурологический [Степанов 1997], психологический [Лихачев 1993] и др.

Общеизвестно, что до определенного времени эти термины воспринимались как эквиваленты, были взаимозаменяемы, что, на наш взгляд, вполне объяснимо и естественно на определенном этапе их функционирования, т.к. заимствованный термин *concept* изначально был переведен как «понятие». В повседневном научном общении термин «концепт» очень часто использовался как синоним термину «понятие». Однако полноправное вхождение «инородного» термина *concept* в лингвистическую среду способствовало определенному расхождению как в понимании, так и в употреблении исследуемых конструкторов.

Попытка некоторых исследователей [например, в работах Ю.С. Степанова] позиционировать данные термины как термины, принадлежащие разным наукам и обслуживающие только их, на наш взгляд, не отражает реальной ситуации их функционирования: «концепт и понятие термины разных наук; второе употребляется, главным образом, в логике и философии, тогда как первое, концепт, является термином в одной отрасли логики – в математической логике, а в последнее время закрепилось также в науке о культуре, в культурологии» [Степанов 1997, с. 30]. Трудно, пожалуй, найти другие термины, которые могли бы конкурировать с терминами «понятие», «концепт» по частотности их использования в научной среде.

В настоящее время большинство лингвистов сошлись во мнении о том, что понятие и концепт по своей природе – явления одного порядка, одного уровня, «сравнимые, но не равнознач-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ные» [Алефиренко 2012, с. 22], а значит, – невзаимозаменяемые. Следовательно, необходимо установить то общее, что объединяет, роднит данные явления, и, соответственно, те различия, на основании которых ученые дифференцируют и разграничивают исследуемые когнитивные модели. По данному вопросу в лингвистике существуют разные точки зрения. Рассмотрим только некоторые из них, наиболее характерные и типичные для общего осмысления таких феноменов, как понятие и концепт.

Концепт и понятия имеют одно и то же происхождение, но разную сферу проявления [Болдырев 2001, с. 37]. Понятие относится к категориальному составу сознания во всей совокупности откристаллизовавшихся языковых форм мысли. Понятие всегда претендует на исчерпывающую полноту определения и описания предмета, оно не терпит многозначности. Понятие тесно связано с логико-грамматическими аспектами языка.

Отличие концепта от понятия связано с «условиями существования в языке» данных терминов. Концепт погружен в стихию звучащей речи, через которую манифестируется все богатство как логического, так и эмоционального состояния человека. Концепт неотделим от апеллятивно-экспрессивной функции человеческого сознания, в то время как понятие тяготеет к экспликативной функции [Воркачев 2007, с. 35-36].

Различие между концептом и понятием заключается в том, что концепт предельно субъектен и в идеале стремится к личностному переходу, он всегда адресован другой личности, даже если этой личностью является сам обладатель концепта [Глинский, Баксанский 2000, с. 21].

Концепт никогда не может избавиться от индивидуальной выразимости предмета своего выражения, для него чужда объективированная фиксированность понятия, собирающего в своем синтетическом единстве целостность понятийно воспроизводимой вещи. Концепт схватывает, но не фиксирует, потому что направлен на понимание, а не на познание. Трансформация понятия осуществима только через концепт, собранный воедино в субъекте, как носителе языка и смысла, а кристаллизация концепта в понятие завершает объективирующий переход в состояние устойчивости смысловой выраженности.

В этом смысле понятийность возникает как предельная высказанность рассматриваемого предмета, она теоретична в современном смысле слова, представляя собой способ структурного манифестирования предмета и, тем самым, предполагая возмож-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ность предсказания его дальнейшего «поведения». Концептуальность в этом аспекте носит характер принципиальной незавершенности как сказываемости [Колесов 1992, с. 32].

Принципиальное различие концепта и понятия связано с фундаментальным процессом означивания и операционального использования уже готовых знаковых значений [Лукашевич 2002, с. 42]. Концепту свойственно придавать значение (означивать), связующее обозначаемое и обозначающее. Утверждать это можно потому, что, как уже говорилось, концепт имеет непосредственное отношение к смыслопорождению и смыслообнаружению. Понятие, напротив, оперирует со значением как со знаком с устойчивым содержанием. Поэтому можно сказать, что концепт обладает интенцией устойчивости, а понятие – статусом устойчивости.

Концепт, конечно же, не является чуждым понятию, ибо оперирует с понятийной совокупностью, призванной определить и описать рассматриваемую вещь. Но концепт, оперируя с понятиями, переконфигурирует саму понятийную сетку, в результате чего обнаруживается, что в ряде понятий форма не соответствует содержанию и объем понятия не в состоянии удержать рвущееся к очередной объективизации содержательное наполнение [Ляпин 1997, с. 15].

Сходство понятия и концепта обнаруживается в исходной укорененности обоих в сфере мысли как устойчивости и структурированности бытия в противовес неопределенно-текущей размытости, которая еще у первых философов называлась материей. Концепт и понятие суть оформляющие начала, придающие, если использовать зрительную метафору, «зримость» исследуемому и обсуждаемому предмету, а если использовать слуховую метафору, то соответственно – артикулированность, и в этом смысле слышимость предмета или вещи [Мерзлякова 2010, с. 19]. Другими словами, и понятие, и концепт – условие «ответной разговорчивости окружающего мира».

Смысловая напряженность в концепте представлена в момент своего осуществления, то есть она явлена актуально, в отличие от понятия, в котором смысл находится в свернутом, потенциальном состоянии [Попова, Стернин 2007, с. 27]. Концепт удерживается как темпоральная структура смысла во всем богатстве его характеристик. Концепт близок к дескриптивной процедуре описания вещи, а понятие – к формально-содержательной процедуре определения, поэтому концепт всегда будет находиться в состоянии интеллектуального движения, ибо он находится в

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

поиске логически непротиворечивых возможностных миров. Всякое формальное грамматически непротиворечивое высказывание имеет право на существование, но его соотнесенность с действительностью, экзистенциальный момент подобного высказывания – это уже не концептуальная, а понятийная форма бытия смысла.

Следовательно, основные параметры, по которым происходит разграничение исследуемых когнитивных моделей объективной реальности, заключены, на наш взгляд, в обобщающих доминантных характеристиках:

- понятие – «продукт научного описания», а концепт «.. существующее в сознании человека чувственно воспринимаемое и переживаемое познание (знание) динамического характера» [Залевская 2000, с. 39].

- «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [Степанов 1997, с. 41], в отличие от понятия, которое «не переживается, это мысль о предметах и явлениях, отражающая их общие и существенные признаки» [Алефиренко 2012, с. 22].

- «*Понятия* – то, о чем люди договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы «иметь общий язык» при обсуждении проблем; *концепты* же существуют сами по себе, их люди **реконструируют**... Иногда референты у терминов *концепт* и *понятие* совпадают» [Прохоров 2008, с. 15].

Существенной оказывается мысль о том, что концепт генетически родственен понятию: «понятие есть приближение к концепту, это явленность концепта в виде одной из его содержательных форм» [Колесов 2004, с. 19 – 20]. На выбор научных предпочтений оказала сильное влияние концепция В.В. Красных, в соответствии с которой «на когнитивном уровне понятия и концепты обнаруживают ряд общих черт, поскольку являются результатом осмысления и концептуализации окружающего мира» [Красных 2008, с. 146]. Определенные расхождения между понятиями и концептами автор видит в том, что «первые (*понятия* – выделено нами) с большей вероятностью позволяют обнаружить внутри себя и выявлять различные классы, роды, виды, подвиды» [Там же, с. 146]; принципиальное расхождение, по мнению В.В. Красных, заключено на образно-аксиологическом, эмоциональном уровне.

Концепт наиболее сложен, чем понятие; имеет многослойную структуру, принципиально отличается от последнего своим статусом: концепты являются «основной ячейкой культуры в ментальном мире человека» [Степанов 1997, с. 40-41].

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Такой подход к концепту отражен в исследованиях Ю.С. Степанова [2001], Н.Д. Арутюновой [1999], А. Вежбицкой [1999] и др. Лингвисты видят в концепте многослойную структуру смысла, связанную в синхронном и диахронном плане с устойчивыми языковыми структурами.

Ю.С. Степанов выделяет в концепте:

- «буквальный смысл» или «внутреннюю форму»;
- «пассивный», «исторический» слой;
- новейший, актуальный и активный слой концепта;
- многослойную структуру, генетически обусловленную

своим происхождением от некоторого гипотетически реконструируемого прообраза – концепт как исторически сложившееся напластование смыслов, как эволюционно-семиотический ряд;

- мета-позицию – «парение» над словами и вещами;
- границу его познания – «сверху» – сферой абстрактных определений, «снизу» – сферой индивидуального опыта, но в конечном итоге «мы можем довести свое описание (концепта) лишь до определенной черты, за которой лежит некая духовная реальность, которая не описывается, но лишь переживается» [Степанов 1997, с. 76].

Таким образом, содержание концепта многомерно и многопланово, именно поэтому он с таким трудом поддается определению; а понятие, напротив, – «открыто для определения» [Алефиренко 2012, с. 24]. Для проведенного диссертационного исследования рабочим можно считать толкование понятия как «оформленная в слове или словосочетании *мысль о классе предметов*» [Матвеева 2003, с. 240 – курсивом выделено нами], понятие – «мыслительное содержание языкового знака» [Кобозева 2000, с. 47].

Несмотря на «простоту» и лаконичность приведенных определений, отметим, что понятие как категория мышления и как лингвистическая категория представляет собой достаточно сложную многокомпонентную когнитивную модель объективной реальности, поскольку содержательно соединяет в себе все мыслительные операции (единицы мышления), связанные с тем или иным языковым знаком, и весь объем лексического значения с дополнительными компонентами (синтез денотации и коннотации). В то же время понятие как универсальная категория обладает удивительной терминологической «нагруженностью», в том числе по частотности и регулярности воспроизведения данного

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

термина в дискурсе разной направленности, что в свою очередь создает впечатление его «расплывчатости».

Важным достижением современного языкознания является выделение двух основных направлений – когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, что также повлияло на интерпретацию концепта. При когнитивном подходе в интерпретации концепта на первый план выступает проблема соотношения языка и сознания [например, в работах Е.С. Кубряковой, И.А. Стернина, А.П. Бабушкина и др.], при лингвокультурологическом подходе концепт рассматривается в рамках диады «язык – культура» [например, в работах Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, С.Г. Воркачева, В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина, Ю.С. Степанова и др.]. Вслед за Ю.Е. Прохоровым считаем, что лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы не являются взаимоисключающими, а, наоборот, пересекаются и дополняют друг друга: «концепт как ментальное образование в сознании индивида есть выход на концептосферу социума, т. е. в конечном счете, на культуру, а концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида» [Прохоров 2008, с. 24]. Действительно, интерес к изучению механизмов языковой концептуализации и категоризации мира приводит в конечном счете к объединению лингвокультурологической и когнитивной парадигмы на единой методологической базе, основой которой является национальная картина мира и ее языковая реализация – языковая картина мира. Именно поэтому полагаем, что любое лингвокультурологическое исследование есть одновременно и когнитивное исследование.

Суммируя наиболее конструктивные идеи отечественных и зарубежных лингвистов, актуальные современные воззрения на термин «концепт», полагаем, что обобщенно можно заключить следующее: концепт – это когнитивная модель, призванная соединить культуру, сознание и язык, так как он принадлежит сознанию, детерминирован культурой и опредмечивается в языке; концепт как ментальная единица обязательно содержит ценностный компонент, ценностные составляющие. Концепт содержит в себе понятие, и, соответственно, концепт содержательно богаче понятия. «Понятие же – лишь один из модусов концепта (его сторона, ипостась, аспект) [Алефиренко 2012, с. 24], что вовсе не свидетельствует о «бедности» содержания понятия. И в то же самое время поддерживаем позицию В.А. Масловой по вопросу соотношения исследуемых явлений: «между концептами и поня-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

тиями нет непроходимой грани: при определенных условиях понятия могут переходить в концепты» [Маслова 2004, с. 29].

Исходя из данных теоретических предпосылок, считаем, что в нашем диссертационном исследовании «головной убор» корректнее и целесообразнее квалифицировать именно как понятие (что, собственно говоря, и обозначено в титульном наименовании), входящее в состав более сложного ментального образования «одежда», которое, на наш взгляд, может быть обозначено как концепт. Головные уборы объективно являются только определенной частью комплексного лингвокультурологического концепта «одежда». Для нас понятие «головной убор» – это тот «пучок» представлений, сведений и знаний разного характера (историографического, этнографического, культурологического и др.), которые сопровождают слова, номинирующие различные головные уборы. Считаем, что в сознании большинства носителей русского языка «головной убор» существует именно в виде понятия.

Теоретической регламентации требует понятие «пространство», которое встречается в диссертационной работе с уточняющим релевантным признаком «лексико-семантическое» и, по сути, покрывает собой вербализацию исследуемого понятия. Так как пространственные параметры в действительности многоплановы и разнообразны, нас, естественно, интересует только рассматриваемая проблематика: семантическое пространство. Пространство, на наш взгляд, это тоже своеобразная универсальная категория в науке, о чем свидетельствует современный научный дискурс, в котором наметилась определенная устойчивая динамика его рассмотрения. Пространство структурирует и объективную реальность, и бытие человека, в связи с чем актуализируется понятие «пространственной организации», предусматривающей интегрированный взгляд на описываемую область. Полагаем, что наиболее исчерпывающим и обобщающим оказывается рабочее определение (как сам автор позиционирует его), предложенное Ю.Е. Прохоровым в монографическом исследовании «В поисках концепта»: «семантическое пространство – совокупность базовых понятий отдельных составляющих языковой картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия и определяющей национально- культурную специфику построения и реализации ассоциативно- вербальной сети ее языковых личностей» [Прохоров 2008, с. 102]. Предложенная манифестация семантического пространства послужила методологической основой проведенного

исследования, соответствует его задачам и вполне исчерпывает нашу позицию по данному вопросу.

Выводы по первой главе

1. Изменившийся в конце XX века взгляд на язык, получивший антропоцентрическую направленность, обусловил постановку триады «человек – язык – культура» в центр современных лингвистических исследований, где данная проблематика активно разрабатывается в рамках когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Когнитивный и лингвокультурологический подходы, интегрирующие достижения не только смежных лингвистических, но и комплекса других гуманитарных наук, представляются весьма перспективными в плане выявления культурно значимой информации при анализе понятия «головной убор».

В рамках проведенного исследования потребовалось теоретическое осмысление самого понятия «культура» и некоторых ее проблем в перспективе взаимодействия с языком.

Проанализированные пять «идеальных типов» понятия «культура», характерных для современных исследований (культура как характеристика лингвоэтнического сообщества, как ментальный модуль, как знание, как контекст, как процесс), дифференцируются на основании подхода к культуре как релевантному объекту исследования в соответствии с представлением компонентов культуры при изучении природы языка, значения и мышления. Таким образом, все известные лингвистические направления в осмыслении феномена культуры фактически зависят от понимания самой ее сущности и определяются системой научных понятий об объекте.

2. Содержательный аспект лингвокультурной предопределенности языкового значения сводится к следующему. Значению как знаковому составляющему в настоящее время отводится роль центральной позиции в когнитивной сущности человеческой жизни. В процессе развития лингвистической мысли важнейшая лингвистическая категория «значение» получала различные интерпретации, исследовалась в самых разнообразных аспектах, претерпевала значительные изменения в сущностном своем понимании. Вся история научного изучения языка, по сути, представляет собой последовательные этапы познания языкового значения. Современная концепция лингвистического значения включает в себя все многообразие его проявления, в том числе и лингвокультурный смысл человеческой жизни. Для нашего иссле-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

дования основополагающей является идея о том, что язык выступает в качестве практического сознания, процесса означивания объективного мира и существования человека в мире, участвует в формировании лингвокультурной концепции реальности.

Именно язык осуществляет деление объективного мира на определенные культурные сущности, которые четко дифференцируются. Язык наделяет реальность лингвистическими значениями. Фактически значение как продукт социальной деятельности, как результат лингвистической практики по своей природе интерсубъективно. Производство нового в языке соотносится с тем, что уже существует в языковой материи: моделирование нового значения взаимосвязано с уже существующими значениями.

3. Лингвокультурология осмысливается нами как динамичная исследовательская парадигма, позволяющая многосторонне обозревать реальный мир «движущимся», изменяющимся. В этом ракурсе изучаемое понятие «головной убор» предстает в качестве номинативных языковых знаков, участвующих в создании языковой картины мира. Данное понятие играет роль связующего звена между бытовым и научным мировидением и миропониманием, отражая склонность русского народа постигать и воспроизводить внеязыковую действительность в мерах сознания.

Лингвокультурологический подход предполагает особый тип объяснения, в котором языковые явления «прописываются» в культурном пространстве и интерпретируются через парадигмы и категории культуры. Актуализация данного подхода в современных лингвистических исследованиях вызвана, в частности, тем, что в конце XX века социальные стимулы общественного развития стали сменяться культурными. Язык осознается как часть человеческого бытия, а не только как «структура» с ее ограниченным набором «функций».

4. Такие категории, как «понятие», «концепт», до сих пор нуждаются в теоретическом осмыслении, несмотря на многочисленные продуктивные научные исследования последних десятилетий, представляющие диапазон от стратификационно независимой функциональной сущности до синонимирования (и даже идентификации). Наиболее обоснованным считаем известный постулат о целостном, системном взаимодействии единиц языка и культуры и их корреляции. Несмотря на родство, близость указанных исходных лингвистических категорий, «концепт» и «понятие», на наш взгляд, имеют некоторые дифференцирующие отличия по различным основаниям.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

5. В свете обозначенных выше теоретических положений описание понятия «головной убор» рассматривается как процесс когнитивной и лингвокультурологической интерпретации репрезентирующих его лексических единиц. Выбранный ракурс описания соответствующей лексики эксплицирует представления о головном уборе не только как о материальной ценности, но и как о духовной основе жизни русского народа. Головной убор, наряду с другими базовыми понятиями народного мировидения, соединяет по сути материальное и духовное, бытовое и сакральное, индивидуальное и социальное, этическое и эстетическое.

ГЛАВА 2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПОНЯТИЯ «ГОЛОВНОЙ УБОР»

В монографии предпринята попытка описания лексического массива номинаций головных уборов по самым разным основаниям с учетом различных манифестаций, выявленных в русской языковой картине мира. Обработка фактического материала показала, что целесообразно и рационально представить изучаемое лексико-семантическое пространство с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов, которые структурируют и моделируют понятие «головной убор» в целом по семантическим, функциональным параметрам с учетом лингвокультурологической специфики.

Наиболее очевидными и релевантными для данного понятия оказываются семантические компоненты, которые эксплицитно и имплицитно представлены в семантической структуре практически любой номинации головных уборов: тендерный признак, возрастные показатели представителей культурного сообщества, климатические условия, модные тенденции, национально-ментальные особенности и др.

Данные параметры, как правило, находят отражение в словарных дефинициях названий головных уборов, т.е. входят в сигнификат толкуемых лексических единиц. Более того, структурирование исследуемого языкового материала с учетом указанных семантических множителей координирует в целом с существующим традиционным подходом к стратификационному описанию таксона «одежда», неременной составляющей частью которого и является лексико-тематический класс номинативных единиц головных уборов.

«Головной убор» квалифицируется как одежда, надеваемая на голову, т.е. семантическим показателем является часть тела, на которую надевают ту или иную вещь (в данном случае – это голова): «Головной убор – общее название вещей, служащих одеждой для головы» [Ушаков 2008, с. 1093; Ожегов 1984, с. 712]. Сознание коллективного номинанта соотносит данные предметы с определенной частью тела (с головой). Головной убор рассматривается как семантический инвариант для всех названий рассматриваемой лексики. Устаревшая лексема «убор» как «наряд, одеяние, убранство» зафиксирована в толковых словарях только в составе словосочетания «головной убор». Следовательно, критерием отбора лексических единиц изучаемого понятия

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

послужило наличие у них семантического признака «одежда», который эксплицирован словом-дескриптором «головной». Референтами служат все предметы, подводимые под соответствующее понятие.

Анализ языкового материала показывает, что в представленных лексических единицах, номинирующих разнообразие головных уборов и фактически формирующих лексико-семантическое пространство понятия «головной убор», отражается первичное функциональное назначение данных предметов. Выбор именно данного тематического класса в какой-то степени обусловлен и субъективной переносной мотивацией, присутствующей в семантической структуре слова «голова»: головной – «главный, основной, ведущий» и т. д.

При характеристике языкового материала в качестве опорного нами используется понятие «номинация» – именование, обладающее закрепленной позицией в лексической системе [Арутюнова 2002]. Вслед за В.Н. Телия номинацию понимаем в более широкой трактовке термина как значимую языковую единицу, которая характеризуется номинативной функцией, т.е. «служит для называния и вычленения фрагментов действительности и формирования соответствующих понятий о них в форме слова, сочетания слов, фразеологизма и предложения» [Телия 1990, с. 336].

В определении типа той или иной лексической номинации считаем целесообразным придерживаться критериев разграничения, предложенных В.Г. Гаком [1977], т.е. различать прямые (первичные) номинации как основное средство выражения некоторого значения и косвенные (вторичные) номинации как дополнительное (второстепенное, побочное, вспомогательное) средство выражения этого значения.

Понятие «номинация» по своей логической структуре в нашей работе соотносено с понятиями «лексема», «название», «наименование», что позволяет без существенных смысловых различий использовать данные обозначения.

2.1. Номинации головных уборов как ментально-семиотические конструкторы языкового сознания

Головные уборы, сменяя друг друга на протяжении столетий, «запечатлели» ценные сведения, отражающие историю, быт, этнографию, культуру того или иного народа. Некоторые обозначения головных уборов, будучи видовыми наименованиями, обнаруживают родовую семантику в своей внутренней форме и в определительной структуре. Функцию родового понятия, бесспорно, выполняет лексема «головной убор». Но поскольку, на наш взгляд, ее семантический коэффициент оказывается расплывчатым для дифференциации всех существующих в языке видовых и подвидовых номинаций головных уборов в силу своей обобщенности, абстрактности; постольку возникает необходимость выделения видовых понятий, также выполняющих родовые функции. Полагаем, что среди видовых номинаций головных уборов некоторые потенции к этому проявляют лексемы **шапка**, **шляпа** как основные репрезентанты понятия «головной убор» в лексической системе языка.

В сознании носителей русского языка *головной убор* прежде всего ассоциируется с *шапкой*. Сигнификативный слой значения слова *шапка* репрезентирует общий существенный признак – «*покрышка*», наиболее характерный для обозначения разновидностей номинирующих объектов: «*Шапка* – общее название покрышки на голову, особо мягкой или теплой: шапка круглая, татарка, казачья, мужичья, кучерская, шапка-треух и прочее.» [Даль 2007, с. 279].

Для проведенного исследования существенным оказывается тот факт, что головной убор возник как материальная вещь, но впоследствии приобрел статус символа. Головной убор как принадлежность индивиду позволяет человеку вложить во внешнее содержание глубокий внутренний смысл, базирующийся на его личностных особенностях в соответствии с культурной, национальной, религиозной принадлежностью. Головной убор как весьма важная и многозначная деталь туалета олицетворял целые эпохи, символизировал о многом: о социальном статусе, сословной принадлежности, об имущественном положении, образованности, о знании этикетных правил, возрасте, модных тенденциях, об эстетическом вкусе, о стилевом разнообразии и т.д.

Следует признать, что, несмотря на прежнюю актуальность и востребованность головных уборов в гардеробе мужчин и женщин, в современном обществе данная деталь туалета не выпол-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

няет той социальной нагрузки и не играет той социальной роли, которую выполняла исторически. Все новые номинации как разновидности современных головных уборов обусловлены своим появлением исключительно в соответствии с модными тенденциями под определенным влиянием различных культурных контактов.

«На первый взгляд маловажная история моды на шляпы.» [Буровик 1991, с. 8], оказывается, может дать «важную и интересную пищу» для размышления лингвистам. Изучение лексико-семантических особенностей номинаций головных уборов и названий различных их деталей, лингвокультурологического их потенциала позволяет восстановить давно забытые смыслы и символику для наиболее полного понимания самого процесса номинации, для установления адекватного объема семантического значения.

Во все времена *шляпа* являлась классическим головным убором как для мужчин, так и для женщин; как для людей среднего возраста, так для старшего поколения. *Шляпой* (от немецкого слова «Schlappe») [Фасмер 2004, Т.IV, с. 456] называют головной убор, сохраняющий устойчивую форму и изготавливаемый из широкого набора материалов: фетра (тонкого войлока, получаемого валкой, заячьего, лисьего и прочего пуха), велюра, бархата, парчи, кожи: «Шляпа – мужская головная покрывка, из твердого припаса; кожаная, бумажная, валяная, поярковая, соломенная и пр.» [Даль 2007, с. 281].

Анализ семантической структуры *шляпы* и *шапки* показывает, что, кроме общего опорного значения «головной убор», данные лексемы имеют существенные дифференцирующие отличия. Для *шляпы* основным семантическим показателем является наличие тульи (за счет которой она сохраняет устойчивую форму) и наличие полей;

для *шапки* характерны два семантических критерия – «мягкая, теплая». Семантические различия нашли отражение и на уровне фразеологии – в народе говорили: «*шапку ломать*» – мягкая форма, а «*шляпу снимать*» – жесткая форма.

На сегодняшний день данные лексемы претерпели несущественные семантические сдвиги в своем сущностном понимании. Бесконечно меняются формы головных уборов, исходный материал, расцветки, способ изготовления и многое другое, что свидетельствует о постоянном развитии мира моды как одного из показателей культурных, психологических и социальных изменений

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

общества, и что способствует появлению новых номинаций. Эти самые «покрышки» у разных народов получили свои наименования, обслуживающие понятийную сферу «головные уборы», и представляют обширный лексикон в современном русском языке.

В языковой картине мира отмечается особая антропогенная роль головного убора в самовыражении личности. Так, например, чем выше был мужской головной убор, тем более высокое положение занимал её хозяин. Среди головных уборов бедного населения Руси с раннего периода преобладали *войлочные колпаки*, зимой – с узкой опушкой из дешёвого меха: «мягкий конусообразный головной убор» [Ожегов, Шведова 1994, с. 279]. Совершенно очевидно, что существует семантическая связь между словом «кол» – «толстая заостренная палка» [Ожегов, Шведова 1994, с. 276] и вышеназванной лексемой. Следовательно, можно предположить, что при выборе номинации головного убора важную роль сыграл ассоциативно- зрительный образ предмета, который нашел отражение в его форме.

Колпак – одна из самых древних на Руси форм головного мужского убора: «Колпа – вероятно, зад головы, и колпак, шапка» [Даль 2007, с. 153]. Этимологическую связь обнаруживаем там же: «Колиак (татар. – шапка), спальная либо домоседная шапочка, с острою лопастью; *колпаки* вяжутся или ткнутся обычно глухим бочонком, со спуском в оба конца на нет.» [Там же]. Исследователь приводит такой пример: «Надавай ему в колпу-то! – дай подзатыльника», обращая внимание на морфемную близость слов: «колпа» и «колпак». На наш взгляд, семантическая близость обеих номинаций очень прозрачна, но недостаточно мотивирована, что отмечает и сам Владимир Иванович в начале своей статьи пометой: «вероятно.».

Одним из первых известных и знаменитых *колпаков* был *фригийский колпак* – головной убор в виде конуса, верхушка которого была загнута вперед. Именно этот колпак и стал символом свободы в античные времена. Во времена Римской империи существовал один обычай: во время праздника в честь бога Сатурна хозяева и рабы становились равными. В этот день все надевали *пилеусы* – войлочные колпаки греческого образца.

Позднее от такой традиции отказались, и *пилеусы* стали надевать только рабочие. Римским рабам не разрешалось ходить с покрытой головой, а если кому-то и удавалось освободиться, то он носил маленький *колпак*, именуемый «шапкой свободы». Интересно заметить, что именно отсюда и пошли латинские выраже-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ния: «*pilleum redimere*» – получить свободу и «*servos ad pileum vocare*» – призывать рабов к восстанию, обещая им свободу» [Буровик 1991, с. 9]. Возможно, что последующий обычай снимать шляпу в знак приветствия начался именно с античных времен и означает: «Я ваш раб и готов Вам служить». Отметим некоторые сдвиги в семантической структуре анализируемого словосочетания в сторону позитивации значения.

Колпаки демонстрировали имущественное положение своих владельцев: крестьянин носил на голове «самодельный *валенок*» [Буровик 1991, с. 20], «*гречневик, срезок*» [Яковенко 1993, с. 438] или *колпак* из грубой шерсти, который украшал лентами в праздничный день; у состоятельных людей *колпаки* были *атласные, меховые*, украшенные драгоценностями. В каждой деревне обязательно были свои «*шаповалы*» – люди, занимавшиеся шапочным ремеслом. Номинации *гречневик, срезок, валенок* содержат пейоративную оценочную коннотацию, характеризующую данные предметы по разным объективным и субъективным показателям (напр., по использованному материалу, по социальному положению владельца). На наш взгляд, номинация *колпак* содержит только внешний формальный признак – «конус», а дополнительные семантические корреляты (*атласный, меховой, шерстяной, самодельный, войлочный, фригийский* и т.д.) выполняют определенную смысловую нагрузку в дифференциации разновидностей колпаков, так как указывают на сословную принадлежность и имущественное положение.

В старину слово *колпак* считалось бранным, его использовали при характеристике глуповатого и беззаботного человека. Кроме того, до сих пор можно услышать выражение с негативной коннотацией: «*Его околпачили*» – обманули. Лексема *колпак* явилась продуктивно производной для многих слов, словосочетаний и выражений, в семантике которых присутствует прагматично оценочный компонент, напр.: *колпачок, колпачный, колпачить, колпаковая печь* (спец.) [Ожегов, Шведова 1994, с. 279]; *шутовской колпак / дурацкий колпак*, который следовало носить только придворным шутам.

Отмечаем различные производные словоупотребления с оценочной коннотацией: *ночной колпак; поставить под стеклянный колпак* (полностью оградить кого-либо от окружающей среды), *быть под колпаком у кого-либо* (быть под чьим-либо постоянным надзором), *жить (как) под стеклянным колпаком* (о чьей-либо жизни в полной отчужденности, оторванности от окружаю-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

щей среды), *накрывать / накрыть колпаком кого-либо, нарядить в колпак* (подчинять себе, крайне просто обманывать, околпачивать, одурачивать кого-либо) [Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, с. 285287].

Колпаки в XIV веке носили и женщины в качестве *шапочки*, длинные концы которой они нередко обматывали вокруг головы. А на Дону казачки носили *колпаки* вместо платков. Со временем *колпаки* поменяли свой вид и назначение. Он мог *служить шапочкой для сна* или *для ношения дома*. Такие шапочки обычно вязались или шились в виде «трубы», которая с двух сторон постепенно сужалась и заострялась. Затем одну половину складывали с другой и получали *двойной колпак*.

Ассоциативно-зрительные образы легли в основу многих номинаций головных уборов, в частности среди мужских головных уборов встречаются: *двухуголка, треух, треуголка, малахай, котелок, цилиндр, картуз, шлем* и т.д. Номинации *треух, треуголка* (название зафиксировано в XVII в.) содержат в своей семантике числовой компонент 3 (три), указывающий на внешнее количество элементов или частей, из которых состоит данный головной убор. Соответственно, у *двухуголки* таких компонентов – 2 (два).

Заостренная спереди *треуголка* имеет три угла, один из которых как бы рассекает встречный поток воздуха, тем самым ветру становится труднее сорвать ее с головы. В эпоху рококо данную шляпу носили и женщины, а в XVII и XVIII веках она стала частью военной униформы. В конце XVIII века ее вытеснила двухугольная шляпа – *двухуголка*, поля которой загнуты в два угла. В настоящее время *двухуголка* пользуется самой широкой популярностью у женщин и известна в мире моды под названием *маркиза*, которое является достаточно прозрачным и мотивированным и подчеркивает семантическую связь данного головного убора с французенками, отдавшими предпочтение именно этой форме шляпки.

Шапка *малахай* отличалась тем, что имела 4 (четыре) уха. Следует согласиться с О.Р. Ростовым в том, что в рассматриваемых лексемах «не последнюю роль играет соматический компонент» [Ростов 2006, с. 90]. Лопасты шапки названы по той части тела, которая является, по определению В.И. Даля, «орудием слуха»: они закрывают собой уши человека, защищая их от холода. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в языковом сознании людей данные внеязыковые предметы функционально соотносились с соответствующей частью человеческого тела. Хотя,

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

возможно, при номинации важную роль сыграли и ассоциативно-зрительные образы предмета, например, «лопасти шапки, опущенные вниз, напомнили коллективному номинанту висящие уши какого-то животного» [Ростов 2006, с. 90].

Большое распространение в дружинной среде получили так называемые *мурmolки*: «высокая шапка с плоской тульей, заметно сужающаяся кверху» [Кирсанова 1989, с. 151]. *Мурmolки* были из сукна, бархата или парчи, вяленые или меховые, иногда имели отвороты и украшались лисьими хвостами или серебряным наколочником. Лексему *мурmolка* нередко связывают с *ерmolкой*, похожей по форме шапкой, которую носили в России до XIX века. Однако в академическом «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой отмечены семантические сдвиги в толковании указанного слова: «*мурmolка* – старинная меховая или бархатная шапка с плоской тульей» [СРЯ 1999, Т. II, с. 312], а «*ерmolка* – маленькая круглая шапочка без околыша, из мягкой материи, плотно прилегающая к голове» [СРЯ 1999, Т. I, с. 466].

Сопоставление двух определений выявляет единственную семантическую близость в способе изготовления данных предметов: «мягкий материал». Другой исследователь, А.В. Терещенко, отмечает лексико-фонетический вариант вышеуказанной номинации – *мурмонки*. Так, по его словам, *мурмонки* унизывали «жемчугом, сверху прикрепляли кисти с дорогими камнями» [Терещенко 2008, с. 81]. «*Мурмонки* были высокие, с плоской тульей и к голове шире; делались без бархата и парчи, и вместо мехового околыша имели меховую с отворотами лопасть, которая в двух местах у тульи пристегивалась пуговицами на петлях» [Там же, с. 82].

Особую символическую роль в сознании носителей русского языка, бесспорно, играет *шапка-ушанка*, которая может быть квалифицирована как один из основных ментально-семиотических конструктов формирования языкового сознания ввиду «долговечности» своего существования, социальной востребованности и полифункциональности (распространенный бытовой артефакт, форменный знак военных, полиции и т.д.). Несмотря на то, что существует расхожее традиционное мнение о русском происхождении *шапки-ушанки*, исторические факты в некоторой степени опровергают бытовое представление о ее происхождении.

Первые *шапки-ушанки*, по мнению ученых, появились в VI веке до нашей эры. Эти головные уборы были придуманы скифами – кочевыми племенами, жившими в степях. Для надежной за-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

щиты от ветра у *скифских шапок* имелись длинные «уши», которые можно было обвязывать вокруг шеи наподобие современного шарфа [Ракитина, Кнушевицкая 2008, с. 35]. Только в XIX веке у *шапки-ушанки* появились тесемки для завязывания. Первыми подшивать их стали жители прибалтийских стран, что делало *ушанку* намного более удобной при ношении. В таком виде данный головной убор быстро распространился сначала среди рабочих города Петербурга, а затем и по всей России.

Шапки-ушанки были широко распространены на Руси и до сих пор актуальны в мужском гардеробе. Не случайно, что в западном мире *ушанка* является составной частью стереотипного «образа русского», ментальной составляющей облика русского человека, своеобразным символом (например, в голливудском кинематографе, на карикатурах и т. п.). Примечательно, что схожие головные уборы распространены не только в России, но и в Китае, Корее, Монголии. *Ушанки* нередко носят также в Канаде, где они выступают и как элемент зимнего обмундирования некоторых вооружённых формирований. Однако *шапка-ушанка* по-прежнему является одним из символов России. И если в России данная номинация чаще всего сохраняет мелиоративную окраску в разных контекстах, то в сознании представителей Запада этот головной убор, как правило, коннотирует пейоративно.

Гиперо-гипонимические отношения в составе микросистемы номинаций с категориальной семьей «шапка» обусловлены теми разновидностями животных, из меха которых традиционно изготавливают головные изделия, дифференцирующие родовое понятие «шапка»: *шапка из енота; шапка из норки; шапка из лисы / лисицы; шапка из песца; шапка из бобра; шапка из кролика* и т. д. Наряду с данными генитивными определениями в языке функционируют и агентивные определения: *норковая шапка, лисья шапка, песцовая шапка, бобровая шапка, кроличья шапка, енотовая шапка* и т. д. Очевидно, что специфицирующее определение (генитивное или агентивное) конкретно указывает на мех животного.

Только в XX веке люди научились делать искусственный мех. Головные уборы из такого меха гораздо легче и дешевле, чем из натурального. Так появились номинации, в которых обязательно присутствовал маркирующий признак – искусственный мех: *шапка из искусственного меха; кепка / кепи из искусственного меха; ушанка из искусственного меха; шляпа / шляпка из искусственного меха; берет из искусственного меха* и т. д. Данные

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

номинации также представлены в языке в большей степени генитивными определениями, что, безусловно, не исключало появления в речи агентивных номинаций: *искусственная меховая шапка; искусственный меховой берет; искусственная меховая кепка* и т.д.

Среди многих разновидностей шапок особое место занимает *соболиная шапка*, которую в старину именовали *горлатной*. Номинация *горлатная шапка* появилась от названия пушного зверя – *горлатка*, у которого душка «означилась» иной шерстью. Само слово *горлатный* означало «дошлый» – так говорили о звере, который полинял или по возрасту «дошел» [Даль 2007, с. 48]. Мех от душек или горла пушных зверей (лис, куниц и соболей) использовали для изготовления таких шапок [Терещенко 2008, с. 81]. Делали эти головные уборы вышиной почти в аршин: вверху шире, а к голове уже. Некоторые к этой *шапке* прикрепляли пушистое высокое перо на дорогой застежке, усыпанной камнями. У других *шапок* верх был парчовый или бархатный, а низ – соболий или рысий.

Именно по *горлатным шапкам* можно было узнать боярскую верхушку, родовитых бояр. *Шапку* эту бояре «не ломали» даже перед самим царем, а дома ей было определено почетное место – «болванчик», нарядно расписанный иконописцами и считавшийся украшением в доме. *Горлатная шапка* как ментальный маркер родовитости исторически символизировал о сословной принадлежности, о социальном положении, знатности, достатке и т.д. ее владельца. Частично перечисленные прагматические созначения присутствуют и в семантической структуре номинаций *соболиная шапка, пыжиковая шапка, ондатровая шапка*, поскольку данные названия аксиологически маркированы – «ценный мех редких зверей, соответственно дорогой». Только состоятельные люди могут позволить себе носить *шапки* из дорогого меха, из дорогих тканей и украшать их драгоценными камнями, вышивкой и другими изделиями. По такой аксиологической шкале социально «ранжировались» обладатели соболиных, пыжиковых, ондатровых шапок.

Присвоение объекту аксиологического свойства «престиж», непосредственно связанного с социальным положением в обществе, происходит в результате постепенного изменения общественного мнения, а иногда и воздействуя на него. В этом отношении показателен небезызвестный рассказ В. Войновича «*Шапка*»: «...по решению правления Литфонда писателям будут шить шапки соответственно рангу. Выдающимся писателям – пыжико-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

вые, известным – ондатровые, видным – из сурка.. А нам с тобой кролик как раз по чину» [Войнович 2004, с. 389]. Сатирический прием, используемый автором в данном произведении, только подтверждает реальность тех правил жизни, которые свойственны любому общественному периоду. По меху *шапки*, действительно, можно безошибочно определить уровень достатка того или иного человека, социальный статус ее хозяина. Знаменитая русская пословица «*По Сеньке и шапка, по Фоме и колпак*», выдержавшая испытание временем, подтверждает данную аксиому.

Появление новых атрибутов моды на протяжении всей истории ее развития всегда влекло за собой появление новых номинаций головных уборов. В конце XIX в. изменился социально-ролевой статус мужчины, его костюм становится визитной карточкой. «*По одежке встречают...*» – гласит знаменитая пословица, которая в то время становится особенно актуальной для каждого человека. В форме шляп появилось большее разнообразие: «с узкой тульей и высокой конической головкой, с расходящейся кверху тульей, пуховые, войлочные.» [Захаржевская 2007, с. 158]. Хотя Россия, как и вся Европа, придерживалась французской и английской моды, индивидуальность и психология человека, национальные свойства его души сказывались в пристрастии к одним или другим формам головного убора.

Так появился в нашей действительности *цилиндр* – символ английской буржуазной революции. В номинации отчетливо просматривается ассоциативный образ геометрического тела – цилиндра, что и зафиксировано в самом названии. «*Цилиндр не внушал европейским монархам добрых чувств*» [Буровик 1991, с. 18], по всей видимости, из-за символической его составляющей.

В XIX веке появился новый головной убор, у которого были узкие и ровные поля и жесткая тулья, похожая на круглый котелок. По сходству с предметом посуды такая шляпа и получила метафорическое наименование – *котелок*. Сравним, *котелок*: «1. Небольшой металлический сосуд для еды, для варки пищи над огнем» и «2. Жесткая мужская шляпа с маленькими полями и округлым верхом» [Ожегов, Шведова 1994, с. 295]. На наш взгляд, такой способ номинации является наиболее продуктивным в сознании коллективного номинанта. *Котелок* вошел в моду в то время, когда *цилиндр* перестал быть основным элементом одежды «для выхода в свет». *Котелок* представляет собой определенный компромисс между *цилиндром* и *фетровой шляпой*.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Шляпа из фетра является самой популярной демисезонной шляпой. В Средние века этот материал представлял собой плотную материю, которую изготавливали из отходов шерсти и меха. С тех пор *фетровые шляпы* стали повседневным обязательным головным убором, и показаться на улице без *фетровой шляпы* считалось нарушением закона, недопустимым. Существовал целый установленный порядок поведения, этикетных правил, которые диктовали обладателям *фетровых шляп*, как их следует носить, перед кем и когда снимать. Украшать перьями *фетровую шляпу* имели право только аристократы, а за особые заслуги даровалось право вообще не обнажать головы – не снимать шляпу перед самим королем. Однако великолепная *фетровая шляпа* имела большой недостаток – из-за широких полей было трудно различать, что происходит вокруг.

Шляпы так же, как и шапки, сохраняли устойчивую тенденцию символа, формирующего языковое сознание номинантов.

Практически любой семантический коррелирующий признак в номинации шляп указывал на индивидуальную принадлежность по разным характерологическим принципам. Так, например, еще в средние века была известна *соломенная шляпа*, которую носили преимущественно крестьяне для защиты от солнца вплоть до XVI века. Сплетенная из соломы *шляпа* была очень хрупкая, и ее легко было помять или даже сломать, к тому же солома – абсолютно водопроницаемый материал. Недаром в народе говорится: «*Соломиной не подопрешь хоромины*». Выбор материала зависел от имущественного положения. С XVIII века данная номинация освобождается от такой семантической зависимости, поскольку *соломенная шляпа* становится модным элементом костюма и мужчин, и женщин. Аксиологические измерения моды, вкуса, предпочтений повлияли на прагматическую составляющую этой номинации в сторону позитивации.

Для многочисленных разновидностей шляп и соответствующих им номинаций так же, как и для названий шапок, основным является образно-ассоциативный, образно-мыслительный принцип номинирования. На основе метафорического переноса появились такие номинации-метафоры: *шляпа-шлем*, почти не имеющая полей и плотно охватывающая голову, закрывая даже уши; *шляпа-шар* – шляпа в виде шара, без полей; *шляпа-таблетка* – небольшая шляпка, напоминающая таблетку или коробочку от таблеток; *шляпка-колокольчик* – аккуратный головной убор с округлой головкой и небольшими опущенными вниз полями, про-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

должающими линию тульи. *Шляпка-колокольчик* имеет и другое название – *клоше*, которое происходит от французского слова «cloche» – колокол [Скакун 2003, с. 304]. Этот головной убор вошел в моду еще в начале 20-х годов XX века и до сих пор является символом элегантности и вкуса.

Одной из разновидностей *клоше* является *глубокий клош* или *клош с широкими полями*. Этот головной убор представляет собой шляпу с опущенными большими полями, которая выглядит как колокол и может быть плоской, средней глубины, глубокой или даже выпуклой.

Семантически с *клоше* связана номинация, имеющая отличительный релевантный признак, – *шляпа с широкими полями*. Данная языковая реалья маркируется так носителями языка по причине широких полей, наклоненных спереди и сзади и раскачивающихся при ходьбе. Интересно заметить, что желание классифицировать внешне одинаковые головные уборы побуждает людей создавать различные номинации, тем самым подчеркивая их особенности. Номинация описательного характера *шляпа с широкими полями* активно функционирует в языке, выполняя родовую функцию.

Существует еще одна разновидность *клоше*, которая называется *флэппер* – шляпа со свисающими полями. Данная лексема заимствована из английского языка, где «flap» – «отвисающий кусок чего-либо, пола, фалда, отворот» [Мюллер, Боянус 2001, с. 219]. Номинация *флэппер* чаще всего употребляется для большого мягкого *клоше*, поля которого имеют равную ширину по всему контуру и свисают неравномерными волнами.

В номинациях-метафорах семантическим маркером оказывается прежде всего форма по аналогии с различными ассоциативными образами (образ шара, таблетки, шлема, колокола и т.д.).

Полисемантические лексемы *шляпа*, *шапка* оказываются основными репрезентантами понятия «головной убор», лексемами-классификаторами, вокруг которых группируются различные их разновидности. В семантический объем указанных лексем входит общий интегративный признак – «головной убор», и дифференцирующий признак по тендерному основанию – «мужской / женский». Другие релевантные признаки, на основании которых объективируется предмет и, соответственно, номинируется, входят в семантическую структуру номинаций в качестве дополнительных смысловых приращений: это может быть и соматический компо-

нент, наиболее характерный для номинаций головных уборов; это и мыслительно-ассоциативные, образно-метафорические сопоставления и др. Кроме этого, понятийный рисунок номинаций головных уборов содержит и целый спектр когнитивных смыслов, формирующих комплексно языковое сознание на уровне культурных, исторических, лингвокультурологических знаний.

2.2. Универсальность как отличительный семантический маркер понятия «головной убор»

Определяющим образом на составе лексики мужских и женских головных уборов сказалось новое модное направление «уни-секс», позволяющее унифицировать социальное положение мужчин и женщин в современном обществе. В последнее время наметилась устойчивая тенденция к функциональной универсальности всех существующих головных уборов.

Стиль «унисекс» предлагает одни и те же виды головных уборов для представителей разных полов и поэтому для некоторых названий тендерный принцип выявляется только при наличии определения «мужской» – «женский»: *мужская шляпа – женская шляпа, мужская шапка – женская шапка, мужская кепка – женская кепка, мужской берет – женский берет, капор мужской – капор женский, мужское канотье – женское канотье, мужская панамма – женская панамма* и т. д.

Принцип универсальности оказывается весьма эффективным при моделировании лексико-семантического пространства головных уборов, поскольку он позволяет учесть важные социальные категории для исследуемого лексического пласта, которые практически в любом обществе позиционируются как универсальные: возраст представителей лингвокультуры, климатические условия (сезонные особенности для ношения одежды), модные тенденции (стиль в одежде) и др.

Исследование показало, что семантический маркер «универсальность» в самом широком его понимании потенциально присущ многим номинациям, репрезентирующим понятие «головной убор». В последнее время наметилась устойчивая тенденция к универсальности всех существующих головных уборов. Так, *бейсболки, кепки* носят не только спортсмены, но и дети, взрослые, пожилые люди и даже президенты великих держав. Использование других головных уборов полностью зависит от вкусовых предпочтений представителей всех возрастных групп.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Например, современный универсальный головной убор – *бандана* имеет вид косынки или платка большого размера. Данная лексема является типичным американизмом, который в переводе с английского звучит как «повязывать» (*bandage*) [Мюллер, Боянус 2001, с. 40]. В состав традиционного костюма американского подростка обязательно входит данный атрибут, однако, благодаря взаимовлиянию лингвокультур в России также появился подобный головной убор. Традиционно *банданы* изготавливаются из разноцветной ткани с узорами, повязываются как на лоб, так и вокруг шеи (*шейный платок*). В настоящее время *бандана* является модным аксессуаром одежды не только молодежи, но и взрослых людей. Так, мужчины завязывают ее узлом на лбу, женщины – вокруг талии поверх бикини, вокруг запястий, просто заправляют в джинсы. Нередко на *банданах* изображается символика различных музыкальных групп, кожаные *банданы* являются символом байкеров (любители мотоциклов), а *банданы* со значимым рисунком принадлежат неформалам или футбольным фанатам.

Интересна синонимическая близость данного американизма с исконно русской лексемой – *повязка*. Семантическое сходство обеих номинаций связано лишь со способом ношения данного головного убора, а именно – повязывание вокруг головы. Что касается других релевантных признаков, то прежде всего следует отметить, что *бандана* представляет собой косынку или платок большого размера, а *повязка* – «кусочек ткани» [Ожегов, Шведова 1994, с. 520].

Универсальными можно считать номинации *капор* и *капюшон*. Лексема *капор* происходит от нидерландского слова «*kapen*» – шапка [Фасмер 2004, Т. II, с. 184]. Первоначально данный головной убор вошел в употребление в XIX веке как женский и девичий головной убор для улицы: «имел форму довольно глубокой, закрывавшей лицо корзинки с завязками, отделанной оборками, мехом» [Беловинский 2007, с. 265].

Капюшон заимствован из французского языка и обозначает «откидной головной убор, прикрепляемый к вороту верхней одежды (обычно составляющий единое целое с плащом, курткой и т.п.)» [Крысин 2007, с. 336]. В настоящее время люди всех возрастов используют этот удобный головной убор для облегчения ношения в холодное время года предметов одежды, так как в нем одном совмещаются функции шарфа и шапки. Разновидностью

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

капюшона является плоская шапочка с шейным или головным платком.

Лексемы, репрезентирующие **детские головные уборы**, не имеют никаких семантических отличий от производящих слов – обозначений взрослых головных уборов, кроме уменьшенного размера и различных релевантных признаков: яркие цвета, аппликации в виде животных и насекомых, забавные рисунки и надписи, именно поэтому они могут быть квалифицированы как универсальные.

Наименования современных детских головных уборов обычно представлены в языке следующими лексическими единицами: *чепчик, шапочка, косыночка, беретик, кепочка, испанка* и т. д. В рассмотренных номинациях следует выделить одну очевидную общую особенность словообразования – наличие уменьшительно-ласкательных суффиксов *-чк-, -чик- (-ик-)*. Данная словообразовательная особенность подчеркивает особую семантическую связь между морфемой и лексическим значением самого слова – маленький размер и ласковое отношение, что логично соотносится с прагматическим отношением к самому субъекту – дети.

По своему прагматическому значению номинации детских головных уборов близки к так называемым диминутивам, прагматический слой значения которых указывает на то, что «говорящий испытывает положительные эмоции, когда думает о каком-то предмете или – в связи с этим предметом – о своем адресате» [Апресян 1995, с. 145]. Так, в словаре С.И. Ожегова: «*чепчик* – то же, что чепец. *Детский чепчик*» [Ожегов, Шведова 1994, с. 868]. Детский *чепчик* по форме напоминает популярный головной убор у европейских мужчин XI века – кожаную *шотландскую шапочку*.

Интересные наблюдения связаны с номинацией *испанка*, которая вступает в отношения омонимии с единицами, относящимися к другой понятийной сфере. Данная лексема образована при помощи эпонимической деривации по названию страны – Испания. Номинация *испанка* как головной убор не зафиксирована многими лексикографическими изданиями, что свидетельствует об отсутствии общепринятого толкования и, соответственно, словоупотребления.

Наибольший лингвистический интерес представляют **номинации молодежных головных уборов**, в семантике которых обнаруживаются различные системные закономерности тематической парадигмы. К наименованиям молодежных головных

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

уборов традиционно относят: *кепка, бейсболка, панама, петушок, менингитка, повязка, капор, бандана, пилотка, наушники, пидорка, капюшон* и многие другие.

Необходимо отметить, что в современном мире молодежь одевается так, как ей нравится, черпая вдохновения в любых уголках света, иногда в прошлом, а зачастую и в своем собственном воображении. Появление новых артефактов напрямую зависит от культурного развития того или иного подростка, молодого человека. Например, в начале XX века, в годы военных действий, наиболее кокетливая молодежь надевала строченные из брезента защитного цвета *шляпы* с полями и на ремешке под подбородком. Примечательно, что теперь такие шляпы существуют в комплексной форме войск, охраняющих южные границы.

Девушки носили *платочки* и *береты* вплоть до 1935 года, а зимой – *вязанные шапочки* с помпонами и *вязанные береты*. В 30-х годах особенно модны были *вязанные береты* из синели («бархатистый шнурок для бахромы, вышивания» [Ожегов, Шведова 1994, с. 707], бумажных ниток, из шелка с серебряной и золотой ниткой (мишуры). Юноши же носили *кепки* и *кожаные шлемы*, а в 30-х годах появилась мода на *капитанки* – шапки с большим лакированным козырьком [Захаржевская 2007, с. 219].

Обращают на себя внимание лексемы, образованные путем метафорического переноса. Эти номинации основаны на зрительном восприятии предмета, указывающего на внешнюю форму головного убора. К ним относятся *наушники* и *петушок*. Обозначение зимнего головного убора *наушники*, с одной стороны, происходит от внешнего сходства с прибором для слушания. Отмечая особенности покроя рассмотренного головного убора, эта номинация также объективирует определенный объем сведений, связанных с процессом производства предмета для головы, однако «отображает не конкретное действие, совершаемое человеком при изготовлении вещи, а тот образ, который возникает в сознании при зрительном восприятии данного предмета» [Ростов 2006, с. 90] .

С другой стороны, не исключено, что сама номинация происходит от той части тела, которая представляет собой уши человека. Можно предположить, что в сознании номинанта данный внеязыковой предмет соотносится с этой частью тела человека. Значит, в рассмотренной лексеме не последнюю роль играет соматический компонент. *Наушники* как реальный объект действительности появился в России в 60-х годах XX века из США, где в

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

свою очередь был чрезвычайно популярен среди подростков – тинейджеров.

Вербализация межпредметных ассоциаций, связанных со зрительным восприятием вещи, предопределяет номинативное отождествление двух или нескольких предметов речи. Достаточно наглядно об этом свидетельствует лексема *петушок*, обозначающая вязаную шапку, верхняя часть которой напоминает гребень петуха.

Другие номинации, на наш взгляд, основаны на мыслительно-ассоциативных сопоставлениях. В данную словарную группу входят номинации, «отражающие сопоставление конкретного предмета одежды с тем или иным мыслимым в качестве реально-го объектом действительности» [Ростов 2006, с. 91]. Имеются в виду некоторые метонимические номинации, например, *менингитка*. Слово обозначает «широкий шерстяной налобник, заменяющий собой шапочку». Анализ его внутренней формы дает основание полагать, «что в данном случае основная функция головного убора нашла свое обратное отражение. Коллективный номинант рассматривает данный головной убор не столько как средство защиты от менингита – болезни головного мозга, сколько как бесполезную или даже вредную с этой точки зрения вещь» [Там же]. Частое ношение такой шапочки может привести человека к серьезному заболеванию, а именно к менингиту.

Что же касается грубого просторечного слова – *пидорка*, входящего в состав молодежного сленга в качестве названия головного убора, то необходимо отметить одну отличительную особенность. Вероятно, при мыслительно-ассоциативном восприятии данной реалии у коллективного номинанта возникает образ парня с нетрадиционной ориентацией, так как данная шапочка носится именно представителями мужского пола. В словаре молодежного сленга зафиксировано: «забавный головной убор причудливой формы» [Левиков 2003, с. 339]. Доподлинно известно, что мужские шапки всегда отличались от женских обычным фасоном и простотой форм. Полагаем, именно потому при номинации предмета учитывался «опасный» контраст – женственность лица и мальчишеские формы тела.

Значительная часть номинаций головных уборов образована по русским словообразовательным моделям и с помощью русских словообразовательных средств от иноязычного корня. В данную словарную группу входят: *кепка, бейсболка, капор, бандана и капюшон*.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Кепка является, на наш взгляд, самым распространенным головным убором среди молодежи. Этот «мягкий мужской головной убор с козырьком» [Ожегов, Шведова 1994, с. 267] пришел к нам из Америки (англ. *cap* – кепка) [Мюллер, Боянус 2001, с. 75] как символ свободы и независимости от каких-либо стилей и направлений моды. Интересно, что прототипом *кепки* послужил *цилиндр*. Оказывается, чтобы удобнее было ездить на лошади, поля цилиндра сделали просто уже, высокая тулья служила некоторого рода защитой при падении. Примерно в это же время в военной форме австрийских пехотинцев появились *цилиндры* со срезанными полями по бокам, к которым крепился ремень, плотно прилегающий к подбородку.

Такое крепление удерживало шляпу от падения при быстрой ходьбе, беге или резких поворотах головы. Данный головной убор получил наименование – *кивер* как военный головной убор. «В XVIII веке высокие, слегка расширяющиеся кверху меховые *кивера* со *шлыком*, или *выкидом* (длинным матерчатым верхом-колпаком), налево и двойным шнуром справа, дважды перехваченным бантами, носили гусары» [Беловинский 2008, с. 278].

Через некоторое время убрали и те поля, которые прикрывали шею солдата. Так появился *козырек*, защищавший лицо от солнца и изготавливаемый из кожи, покрытой лаком. Сам *кивер* украшался гербом, кокардой, шнуром с кистями, *султаном* (украшением в виде перьев или конских волос). Тем не менее, *кивер* был довольно неудобен из-за своих больших размеров. Примечательно, что именно по причине наличия свободного места внутри данного головного убора солдаты приспособили его для хранения пищи. Так, нагруженный едой, он становился гораздо тяжелее, и в нем было трудно не только идти, но и поворачивать голову.

Кивера производили только из кожи, поэтому они вдобавок еще были и жесткими. В конце XIX века данный головной убор стали изготавливать из шерсти и полотна. Изменила свою форму и *тулья*: она стала гораздо ниже и наклонилась вперед к прямому козырьку. Так появился головной убор, уже сильно отличавшийся от самого *кивера* и получивший во Франции наименование – *кепи*: «Высокая сужающаяся кверху форменная фуражка с маленьким донышком и козырьком» [Ожегов, Шведова 1994, с. 267]. Лексема *кепи* представляет собой интернационализм, вошедший в русский язык из французского. В России номинация *кепи* очень быстро трансформировалась по продуктивной словообразовательной модели, характерной для разговорной речи, в *кепку* и

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

стало одним из самых любимых головных уборов «простых» людей.

По русской словообразовательной модели образована и лексема *бейсболка* (англ. baseball – бейсбол+к+а), которая представляет собой, с одной стороны, головной убор молодежи, а с другой, – спортивный элемент костюма. Интересно, что первоначально этот убор носили только бейсболисты, которые раньше выступали в соломенных шляпах – *канотье* и жокейских *кепках*. В 1954 году компания «New Era» представила американским бейсболистам для защиты от солнца кепки с козырьком. В 1970-х и 1980-х годах *бейсболка* стала очень популярной, потому что болельщики надевали ее в знак приверженности к той или иной команде. Кроме того, каждое последующее десятилетие характеризуется интенсивностью появления разнообразных *бейсболок*, отличающихся только некоторыми релевантными признаками (цвет, материал, фасон, аксессуары, форма козырька: круглый // прямоугольный, прямой // загнутый внутрь). В русском же языке обе номинации – *кепка* и *бейсболка* представляют собой родственные понятия и вербализуются с помощью суффикса существительных женского рода -к- (а).

От иноязычного корня, но по русским словообразовательным моделям и с помощью русских словообразовательных средств образована номинация *пилотка* (*пилот+к+а*). На каждом историческом этапе лексика, номинирующая в том числе и головные уборы, манифестирует конкретные объекты реальной действительности, которые присущи данному обществу. Так, например, в советское время появилась детская организация – пионерия, где каждый подросток был обязан носить форменный головной убор – *пилотку*. Сама же лексема производна от слова *пилот* – «специалист, управляющий летательным аппаратом» [Ожегов, Шведова 1994, с. 508]. Первоначально головной убор такой формы носили только летчики в первую мировую войну. Сама же реалья появилась, вероятно, из-за того, что *фуражка* или *кожаный шлем* при обслуживании лётной техники были совсем неудобны.

Прототипом *пилотки* послужил *глэн герри* – кельтский головной убор, который использовали шотландские военные еще в средневековье. Любопытен и еще один факт внешнего сходства между форменной *шапочкой* советских пионеров и *фригийским колпаком*, который носили фригийцы – одна из народностей Малой Азии, играющая важную роль в античной истории. Во времена французской революции, в конце XVIII века, костюмы начали

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

изготавливать по античным образцам, и *фригийская шляпа*, принесенная в Париж революционно настроенными марсельцами (жителями города Марсель во Франции), стала отличительным знаком левой партии якобинцев. С той поры *фригийский колпак* в зарубежной и русской литературе стал синонимом стремления к свободе народа, что, вероятно, и послужило основным мотивом при выборе головного убора советских школьников.

С полисемантической номинацией «пионер» напрямую связано появление головного убора, который получил название *шапка пионера*. Сравним: *пионер* – 1) человек, который одним из первых пришел и поселился в новой стране, местности; 2) (перен.) человек, который положил начало чему-нибудь новому в области науки, культуры; 3) член детской организации в СССР и ряда детских организаций в некоторых других странах [Ожегов, Шведова 1994, с. 508].

Итак, согласно первым двум значениям, *пионер* означает «первый во всем». *Шапку пионера* носили еще в 1797 году в русской армии, в особой пионерской части. Интересно, что на головах у всех родов войск были тогда красивые, высокие *кивера, каски, треуголки*, а у пионеров – небольшая *шапочка*. Это объяснялось неудобством работы для пионеров в высоких головных уборах. На макушке же самой *шапки пионера* крепился оловянный шарик для того, чтобы не поранить руки во время работы об острие, которое обычно находилось на военных головных уборах. В настоящее время в представлении молодежи номинация *пилотка* ассоциируется исключительно только с современными веяниями моды и не имеет никакого отношения к «первопроходцам», не имеет никакой связи с форменным элементом летчиков или пионеров.

В современном обществе функционируют новые названия молодежных головных уборов: "*Фантомаска*" (*вязаная шапка*), "*Херр-Майор*" (*шлем*), "*Зимний*" (*шлем*), "*Север*" (*шапка*), "*Умка*" (*шапка*), "*Малахай*" (*шапка*), "*Зверобой*" (*шапка*) и другие. Желание коллективного номинанта маркировать и дифференцировать свои изделия по принципу ономастической лексики находит отражение в данных номинациях, которые вторичны и мотивированы по своей семантической структуре. В акте мотивированной номинации за основу берется один или несколько наиболее заметных признаков вещи, некая особенность, характеризующая тот или иной предмет. Такая особенность в лингвистической литературе определяется как мотивировочный признак.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

В качестве примера рассмотрим лексемы *малахай* и "*Малахай*" (*шапка*). Мотивированность внутренней формы вновь образованного слова зависит от ее соотносительности с лексическим значением производящего. Легко установить принцип образования номинации "*Малахай*" (*шапка*), если доподлинно известно, что прототипом ее послужила распространенная в Сибири зимняя меховая шапка с наушниками и задником до плеч – *малахай*. Следовательно, можно предположить, что в основу современного наименования лег отличительный релевантный признак, наиболее яркий и бросающийся для данного объекта, а оставшиеся второстепенные, несущественные признаки были отсечены коллективным номинантом.

Интересна с точки зрения семантики и другая номинация – «*Умка*» (*шапка*). Современным носителям русской лингвокультуры хорошо известен мультипликационный персонаж, медвежонок по имени Умка, проживающий на крайней точке нашей планеты. Полагаем, что именно этот мотивировочный признак, а именно – жизнь детского персонажа в Антарктиде – лег в основу появления вторичной номинации зимнего головного убора для подростков.

Номинация «*Зверобой*» (*шапка*), безусловно, связана с именем знаменитого литературного персонажа Зверобоя С.Ф. Купера. Однако, по нашему мнению, мотивировочным признаком здесь является не столько сам герой, сколько его не менее известный головной убор, представляющий собой зимнюю меховую *шапку* со свисающим сзади хвостом убитого животного. Данная *шапка* в одноименном художественном произведении олицетворяет власть и силу над всеми живыми существами, обитающими на нашей планете.

Совершенно очевидно, что данные подвидовые номинации молодежных головных уборов содержат прагматически оценочный компонент в своем содержании, который возник на основе актуальной или потенциальной семы исходного значения, поскольку данные номинации вторичны по своей лингвистической природе.

Кроме этого, эмотивный компонент в семантике некоторых анализируемых слов (например, «*Север*», «*Зимний*», «*Малахай*», «*Умка*») отражает национальное стереотипное мышление, обусловленное национальной действительностью, в частности, связанной с суровыми климатическими условиями, в которых проживает большая часть населения нашей страны.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Данные номинации, имеющие прозрачную внутреннюю мотивацию, содержат целый прагматический слой в структуре своего значения, который может быть представлен следующими общекатегориальными семемами: холод, мороз, стужа, вьюга, сильный ветер и т.д. Таким образом, в данных конкретных словах сигнификативное значение «преобладает» над денотативным значением, хотя в лингвистике традиционно принято считать, что у слов, которые относятся к конкретной лексике (а номинации головных уборов, бесспорно, относятся именно к конкретной лексике) денотативный слой преобладает над сигнификативным. При очевидном тяготении к полюсу конкретности денотат данных лексем ассоциирует собой некий образ зимнего головного убора как эталонного представителя соответствующей категории предметов.

Не меньший лингвистический интерес вызывают появившиеся в последнее время в языке молодежи такие номинации, как:

- *камилавка* (первоначально – высокий цилиндрический с расширением кверху головной убор православных священников) – любой головной убор [Большой словарь молодежного сленга 2003, с. 189 – далее БСМС];

- *комель* (первоначально – прилегающая к корню часть дерева (также волоса, рога, пера) – любой головной убор [БСМС 2003, с. 213];

- *покрышка* (первоначально – предмет, которым покрывают что-нибудь) – любой головной убор [БСМС 2003, с. 354];

- *цилиндр* – любой головной убор [БСМС 2003, с. 509];

- *балаклава* (первоначально – головной убор, закрывающий голову целиком, оставляя небольшую прорезь для лица; получил наименование от названия города Балаклава в Крыму, где во время Крымской войны находилась база англо-французских войск, которые пытались защитить себя от непогоды при помощи так называемых *балаклав*) – надеваемая на лицо шапка с прорезями для глаз, используемая сотрудниками спецназа или преступниками, не желающими показывать свои лица [БСМС 2003, с. 25];

- *еврейка* (первоначально – женщина еврейской национальности) – шапка рэппера [БСМС 2003, с. 128];

- *бестолковка, кепчура, кэп, кепарь* (прост.) – кепка [БСМС 2003, с. 36, с. 774];

- *кепарик* – шапка, кепка, бейсболка, панاما [БСМС 2003, с. 196];

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

- *гермак, шлемак, скафандр* – мотоциклетный шлем [БСМС 2003, с. 87, с. 418, с. 921];
- *сорбонна* (первоначально – ряд университетов во Франции, один из крупнейших университетских центров мира) – меховая шапка [БСМС 2003, с. 426];
- *фура, фургон* – фуражка (путем сокращения основы лексемы *фуражка* появляется иная номинация, не имеющая ничего общего с крытым автомобилем для перевозки грузов) [БСМС 2003, с. 489];
- *хаератник* и его синонимические номинации *хайральник, хайратник, хатник* – повязка на волосы [БСМС 2003, с. 493, с. 497].

Языковая «карнавализация», о которой в последнее время так много и часто пишут лингвисты, находит свое выражение и на уровне, казалось бы, давно устоявшегося лексического пласта, к которому, несомненно, относятся номинации головных уборов. Перечисленные лексемы в высокой степени экспрессивны, эпатажны, эмоционально и информативно нагружены. Появление данных номинаций обусловлено неформальным молодежным общением, диктуется общей системой их ценностей и демонстрирует определенный образовательный уровень подрастающего поколения.

Некоторые лексемы появились в молодежном сленге не только путем переосмысления первичных номинаций, существующих в тезаурусе носителей русского языка, но и путем создания собственных номинаций по существующим словообразовательным моделям. К таким словам относятся: *бестолковка* (бестолков(ый)+к+а), *келчура* (кепк(а)+чур+а), *кепарик* (кепк(а)+рик), *гермак* (Герман(ия)+к), *шлемак* (шлем+а+к), *лужковка* (Лужков+к+а), *хаератник, хайральник, хайратник, хатник* (от английского слова hair – волосы +ник).

Семантический анализ данных номинаций позволяет сделать вывод, что все они созданы путем переосмысления уже существующих в русском языке лексических единиц. Так, лексемы *балаклава, камлавка, комель, Сорбонна*, на наш взгляд, подчеркивают разносторонний уровень развития молодого номинанта. Особый интерес представляет номинация *сорбонна* как головной убор. Вероятно, первоначальное значение этого слова – знаменитый университет во Франции – породило зрительную ассоциацию с высокой меховой шапкой, представляющей собой заметный элемент одежды для окружающих людей. Не меньший интерес

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

вызывает лексема *балаклага* – вторичная номинация от уже существующего названия головного убора, защищающего лицо от непогоды при помощи небольших прорезей. Отличительный мотивирующий признак – прорези для глаз – лег в основу образования лексемы *балаклага* в молодежном сленге.

Выбор вторичной номинации, на наш взгляд, обусловлен в некоторой степени «индивидуальной картиной мира». В данном случае речь идет о познании действительности и воздействии на неё молодого подрастающего поколения. Различные номинации молодежных головных уборов, функционирующие в разговорной речи, в принципе соответствуют производным жизненным социально-ролевым ситуациям (например, *шлемак, еврейка, лужок, балаклава* и т.д.). Внутренняя мотивация данных номинаций не оторвана от внешнего, результативного уровня и сознательно нацелена на живую разговорную среду. Подбор необходимых лингвистических единиц в данной ситуации стремится к точному соответствию единых важнейших констант мысле-речевого процесса: образ речи / образ смысла.

В системе языка вторично номинируются, как правило, именно те реальные объекты действительности, которые достаточно востребованы сообществом. Такая широкая, объемная понятийная сфера «одежда» в целом, и головные уборы в частности, как полисистема, обслуживающая эту область жизни, безусловно, подвержена в большей степени появлению в ней вторичных номинаций. Приведенные примеры подтверждают данную аксиому.

Лингвистов интересует прежде всего не количество появившихся номинаций, а характер семантических изменений. В этой связи заметим, что многие вторичные номинации головных уборов появились в разговорной речи. Слова и словосочетания как факты устной речи, выполняющие роль вторичной номинации различных объектов реальной действительности, в современной лингвистике называют прагмасинонимами, поскольку их появление можно объяснить на уровне речевого акта и в терминах интеракционных и прагмасемантических характеристик (например, *покрышка, кепарь, бестолковка, фура*).

Феномен разговорной речи, изучение которого было начато в начале XX века В.И. Чернышевым, Л.П. Якубинским, Б.Н. Лариным и др., в наши дни привлекает к себе все большее внимание лингвистов. Однако проблема вторичной номинации в разговорной речи до сих пор остается нерешенной. В сфере разговорной

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

лексики представлен весьма значительный массив слов, в том числе и для обозначения различных головных уборов, не описанный со стороны его возникновения и особенностей функционирования.

Проблему выбора слова как процесс логично связать с различными операциями. Например, с уровнем внутренней подготовки носителей языка: опираясь на знание родного языка как системы, анализируются дифференциально-семантические признаки лексем и её потенциальные прагматические возможности.

2.3. Лингвистические и экстралингвистические параметры языковой парадигмы понятия «головной убор»

Языковая репрезентация понятия «головной убор» манифестирует о наличии в собственно информирующих множествах номинаций достаточно сильного влияния на деятельность языковой личности прагматического фактора. Присущая языку кумулятивная функция определяет возможность накопления и отражения прагматической информации в любом слове языка. Лексические единицы, имеющие прагматический компонент значения, в отличие от слов с нулевой прагматикой, имеют более сложную, двучленную структуру, включающую модальную рамку; единицы, имеющие прагматический компонент значения, не только понимают, но и переживают, выполняя одновременно коммуникативную и оценочную функции. Категория оценки, по сути, является организующим началом, выражающим сущность прагматики.

Как показало исследование, номинации головных уборов безразличны ко многим аксиологически оценочным категориям: «плохой / хороший», «красивый / некрасивый», «качественный / некачественный», «дорогой / дешевый», «удобный / неудобный», «новый (модный) / устаревший», «традиционный / необычный», «свой (отечественный) / чужой (импортный)», «классический / стильный», «простой / замысловатый, вычурный, эпатажный» и многие другие оценочные оттенки по шкале «мелиоративность / пейоративность». Дефиниционно-лексикографическая репрезентация значения лексических единиц, номинирующих понятие «головной убор», не является единственно возможной. Коммуникативный подход предоставил возможность лингвистам интерпретировать значения языковых единиц с учетом их реального функционирования.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Номинации головных уборов содержат в своей семантике не только лексическое значение, но и «лексический фон», который включает разного рода дополнительные созначения: эмоционально-оценочные, экспрессивные, стилистические. В лингвистических трудах чаще всего говорится о нерасторжимости семантики и прагматики, хотя, безусловно, оба аспекта неотделимы от контекстных (синтагматических) условий своей реализации, поскольку являются тремя ипостасями одной сущности – языкового знака. Различие в концептуальных фокусах семантики и прагматики состоит в том, что семантика обращена к внешнему миру как объекту познания и описания, а прагматика к тем элементам этого мира, которые связаны с деятельностью человека, а значит – с оценкой информации о мире. Прагматика по своей сути оценочна и субъективна.

Головные уборы как артефакты материальной культуры не просто созданы человеком, они принадлежат непосредственно ему и как вещь, и как социально-культурный объект. Антропогенная роль головного убора предопределяет его характерологическую функцию, в соответствии с которой в названиях головных уборов эксплицитно и имплицитно присутствуют разного рода прагматические созначения, актуализирующиеся в определенном контексте и характеризующие внешний облик и внутренний мир человека-обладателя того или иного головного убора. Коннотация полисемантическая и зависит от контекста. Кроме этого, коннотативно-оценочный компонент в семантической структуре значений исследуемых номинаций связан с имплицитными смыслами, значимыми для сознания носителей русского языка.

Так, например, головные уборы для молодежи связаны с семантическими маркерами: «модный / ультрамодный фасон», «стильный дизайн» и др. Для людей среднего или старшего поколения при выборе того или иного головного убора, как правило, не последнюю роль играет его качество, функциональность, стоимость и другие показатели; таким образом, прагматические созначения могут быть связаны со значимыми семантическими множителями: «удобный», «качественный», «дорогой», «дешевый» и т.д. В коллективном сознании номинанта даже закрепилось определенное негативное отношение к непокрытой голове людей пожилого возраста. Вероятно, это связано с тем, что ношение шляпы для многих ассоциируется с признаком старости или отсутствием здоровья.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Во многих номинациях, на наш взгляд, присутствует семантический маркер, по которому носители русского языка могут узурально ранжировать все головные уборы по принципу: «красивый / некрасивый» (головной убор), что, несомненно, делегирует данную оппозицию к субъективизму. Иными словами, например, все существующие наименования *зимних шапок* будут укладываться в прагматическую оппозицию с, безусловно, субъективным показателем вкусовых предпочтений номинанта. Однако, с другой стороны, эти же номинации вступают в те отношения, в которых, несомненно, присутствует и объективная оценка данных меховых изделий, например: «качественный (добротный) / некачественный»; «дорогой / дешевый» и т.д. Так, само понятие «качественный» означает «очень хороший, высокий по качеству» [Ожегов, Шведова 1994, с. 265].

Не менее прагматически важным оказывается показатель цены (стоимости) головного убора. Общепринятое расхожее мнение «качественный» – значит «дорогой» (и, наоборот), к сожалению, не всегда соответствует действительности. Хотя, как правило, такая внутренняя семантическая зависимость данных характерологических компонентов логична и оправдана в семантическом содержании любой номинации головных уборов, тем более для изделий из меха, поскольку потенциально они дольше должны служить людям.

Для лексико-семантической характеристики тематической группы головных уборов значимую роль играют такие социальные категории, как «статус», «престиж», «мода». В Новом объяснительном словаре синонимов русского языка [Апресян 2000, с. 2-3] престиж объясняется как свойство, которым объект наделяется на основании сложившейся в обществе в данный момент меняющейся со временем иерархии ценностей. Все престижное обладает в глазах общества особой значимостью и вызывает желание попасть в ее орбиту, потому что причастность к престижному сама по себе повышает социальный статус человека. Бесспорно, прагматика номинаций головных уборов связана с данными социальными категориями, и оценочные компоненты по указанным параметрам могут имплицитно и эксплицитно присутствовать в семантическом объеме изучаемых названий.

Отметим еще одну аксиологическую оппозицию, которая существенна и важна для головных уборов: «хороший / плохой», в которую вступают практически все номинации головных уборов. Данная оппозиция сочетает в себе субъективную и объективную

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

оценку номинанта, так как представляет собой достаточно широкий спектр характеристик предмета, который имеет ярко выраженные семантические множители, например: хороший – это, может быть, одновременно и качественный, и добротный, и дорогой, и красивый и т.д. Лексемы головных уборов приобретают многие прагматические значения исключительно в оценочном контексте, передающем мнение либо одного номинанта, либо какого-то целого коллектива. В словарных статьях, как правило, такие прагматические пометы отсутствуют.

Прагматическо-аксиологический компонент содержит в своей семантике названия модных головных уборов. Понятие «мода» для исследуемого лексико-семантического пространства оказывается достаточно лингвистически и информативно существенным и значимым по многим причинам. Мода является той отправной, исходной точкой отсчета для появления новых изделий и, соответственно, их номинаций. Модные тенденции, наличие различных стилей в мире моды являются существенным внелингвистическим фактором для возможной классификации головных уборов. Как известно, для моды каждого десятилетия XX века актуальны свои стили в одежде (макростили, микростили), последовательно сменявшие друг друга. На основании этого можно сделать вывод о том, что лексика, отражающая модные тенденции и номинирующая стилевые разновидности, репрезентирует все те изменения, которые непосредственно связаны с деятельностью человека. Головной убор является одним из наиболее чутких показателей перемен в жизни конкретного человека и жизни общества в целом.

Мода на головные уборы возвращается. Мода XXI века настойчиво заявляет о возврате к корням и ретро-идеям. Называть дизайнерские «находки» только общепринятыми родовыми номинациями (*шляпы, кепи, береты и т.д.*) нецелесообразно, поскольку семантический объем для них оказывается «пустым». Семантическое уточнение, дополнение вносят названия, связанные с фасонами, например, *севилья, берсалино* и др. Современные модные шляпы становятся визитной карточкой своего дизайнера, для него важны все детали, именно поэтому в семантический объем новых изделий каждый из них стремится включить наиболее полную информацию об объекте, дифференцирующую и отличительную: например, *шляпы из прозрачного цветного винила* (название техноткани), *шляпки из пальмовых черешков, шляпы с равномерно загнутыми по всей окружности полями, шляпы с де-*

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

коративной отделкой в виде венков, букетиков или муляжных фруктов; русские шапки-ушанки из шелка, вискозы и полиэтилена и т.д.

Мода как социальная категория связана с понятиями вкуса, вкусовых предпочтений; личносно ориентирована, субъективна, потенциально содержит в себе прагматическую составляющую. Мода на головные уборы позволяет настоящим мастерам «самовыражаться», творить, фантазировать и т.д. Зачастую многие новые «фантазии» современных дизайнеров не номинированы, а существуют в языковом сознании описательно, например, *шляпки с опущенными полями в стиле 30-х годов*, созданные знаменитым дизайнером Соней Рикель; *шикарные шляпы, украшенные цветами и перьями*, представил итальянец Джон Галлиано, работающий для дома «Dior»; *мягкие комфортные кепи с большими козырьками* предложил британец Антонио Берарди, а его соотечественник Жюльен Мак Дональд – такие же *мягкие комфортные береты*.

В оппозиции «авангардные / модные головные уборы» возможны и дополнительные семантические множители, например: «модные головные уборы в данном сезоне» (сам убор может быть и устаревшим); семы «вычурные», «нетрадиционные», «эпатажные» могут быть связаны с определенным направлением в искусстве, то есть, авангардные, а также с использованием отдельных модных деталей. Например, Александр Мак Куин – известный неординарный дизайнер, недавно предложил дамам носить *военный кивер с плюмажем и металлическим черепом вместо кокарды*, а Аркадиус – современный итальянский модельер и дизайнер – для осенне-зимней коллекции этого года подготовил модели, напоминающие *перевернутые тарелки с украшениями в виде металлических прутьев или веток кораллов*. Кому-то такие головные уборы кажутся изысканными, красивыми; другим – вычурными, нелепыми.

Практически любой семантический маркер, появляющийся в контекстуальной характеристике головных уборов (например: *модный, стильный, экстрамодный, авангардный, экстравагантный, эксклюзивный, вычурный, замысловатый, неординарный, «попсовый»* и т. д.), содержит прагматически оценочную коннотацию, которая по восприятию номинантов оказывается весьма субъективной и ситуативно, контекстуально может быть как положительной, так и отрицательной. Решающими оказываются вкусовые предпочтения носителей лингвокультуры.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Исследование показало, что, внешне прозрачная внутренняя мотивация номинации «головной убор», на самом деле имеет сложную смысловую структуру, понятный рисунок которой включает как собственно языковые, так и экстралингвистические характеристики, имеющие различные языковые манифестации. Экстралингвистическое параметрирование лексико-семантического пространства понятия «головной убор» позволяет учесть семантические маркеры, значимые для репрезентации исследуемых языковых единиц.

Экстралингвистические факторы активно участвуют в процессе формирования и структурирования изучаемого лексико-семантического пространства. Основополагающими оказываются многие внелингвистические категории, которые существенным образом влияют на появление новых номинаций для обозначения различных видов головных уборов: например, гендер, возрастные предпочтения социума, климатические условия, функциональное назначение, модные тенденции, принцип универсальности и др.

В настоящее время российская гуманитарная наука активно приобщилась к идеям тендерной лингвистики, и прочно утвердилось мнение, что тендерный подход к языковому материалу является полезным познавательным и социальным конструктом. Вслед за многими исследователями в области тендерной лингвистики полагаем, что гендер действительно является базовым измерением социальной структуры общества и полностью соответствует современному антропоцентрическому подходу к языку лингвистики [Горошко 2003; Кирилина 2005; Ласкова 2001; Холод 1997 и др.].

Традиционно в русской лингвокультуре головные уборы по тендерному признаку делились на мужские и женские. В лексике головных уборов тендерный семантический признак формально не выражен, но может быть представлен в семантике номинаций головных уборов. Так, к наименованиям мужских головных уборов традиционно относят следующие лексические единицы: *шапка, шапка-ушанка, шляпа, фуражка, картуз, кепи, кепка, бейсболка, каскетка, ермолка (мурмолка), колпак, гречневик, малахай, боливар, цилиндр, шапокляк, котелок, треух, кипа, тэм (тэм-о-шентер), тафья, тубетейка, чалма, брыль, точенка, кивер, канотье, матлот* и многие другие.

Исследование показало, что женские головные уборы представлены лексическими единицами, функционирующими в русском языке: *шляпа, шляпка, шляпа-шар; шляпа-шлем; шляпа-*

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

таблетка; шляпа-тюрбан; калабрийская шляпа; тирольская шляпа; охотничья шляпа; шляпа-форейтор; шляпа-зюйдвестка; шляпа «а-ля Шанель», шляпа «а-ля Рембрандт» / шляпа «а-ля Рубенс»; чепец, капор, капот, чепец-эннин, чепец-турэ, куафюр, ток, шляпа-клоше, шляпа-колокольчик, флэппер (флеппер), болеро, бретон, томи; платок, плат, шаль, полушалок, косынка и т. д. Дифференциация разновидностей женских шляп и соответственно их номинаций основана на таких показателях, как форма женской шляпы, наличие или отсутствие у нее полей, а также размер и форма самих полей. Процесс номинирования новых артефактов зависит от указанных внелингвистических параметров.

Гендерный подход позволяет выявить особенности мужских и женских стереотипных представлений о мире в целом и о мире моды в частности. Для мужского мира моды первостепенным оказывается социально-имущественный статус головного убора и его индивидуально-личностное начало. Для женского мира моды значимыми оказываются: красота головного убора, его эстетическое начало, наличие или отсутствие различных деталей. Хотя в истории женской одежды головной убор – это не только украшение, но и дань традиции (замужняя женщина должна была полностью закрывать волосы).

Номинации головных уборов с учетом климатических условий могут быть представлены несколькими подклассами: зимние головные уборы (*меховые шапки, ушанки, теплые платки, вязаные шапочки, шаль и т.д.*); летние головные уборы (*легкие платки и косынки, соломенные шляпы, панамы, летние кепки, бейсболки и т.д.*); демисезонные головные уборы (*шляпа из фетра, фуражка, кепка, косынка, мужская шляпа, женская шляпа и т.д.*); внесезонные / универсальные головные уборы (*бандана, берет, пилотка, чепец, капюшон и др.*).

Совершенно очевидно, что представленная сезонная оппозиция не является взаимоисключающей, а, наоборот, пересекается с типологией головных уборов по тендерному признаку и по принципу универсальности, фактически дополняет лексико-семантическую характеристику изучаемых номинаций. Еще одна особенность заключается в том, что один и тот же головной убор может быть представлен в каждой подгруппе (и даже в нескольких оппозициях), например, *капюшон, шапка, шляпа, косынка и др.*

Климатические условия оказываются дифференцирующими внелингвистическими факторами, влияющими на процесс языко-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

вой репрезентации. Хотя, например, семантическое определение «демисезонный» – «о верхней одежде, тканях: предназначенный для носки весной или осенью» [Ожегов, Шведова 1994, с. 155] – не всегда соответствует указанным временам года в разных районах России. Например, на юге и в центральной части России *шляпы* из легкой ткани совершенно нормально ассоциируются с осенним или весенним временем года, тогда как в Сибири или на Крайнем севере ношение таких головных уборов считается крайне абсурдным и невозможным из-за значительной разницы между температурными режимами в данных областях.

Понятийный рисунок номинаций летних головных уборов (*платки, косынки, шляпы, панамы, кепки, бейсболки*) включает общую сему, характерную именно для них – защита от солнца (учет функционального назначения), что соответственно влияет на выбор необходимого материала, хорошо пропускающего воздух. Несмотря на функциональную схожесть данных реалий, они также обладают отличительными релевантными признаками по указанным параметрам (цвет, фасон, размер, форма, наличие или отсутствие дополнительных аксессуаров и др.), что, безусловно, влечет за собой появление видовых названий, уточняющих новые разновидности летних головных уборов, бесконечно появляющихся в мире моды.

С учетом стилевой оппозиции и модных тенденций головные уборы можно представить практически теми же тематическими группами, что и лексику одежды в целом: классические головные уборы, спортивные головные уборы, романтические головные уборы, фольклорные (национальные, народные) головные уборы, авангардные головные уборы, модные головные уборы.

Следует отметить, что то или иное название стиля (классика, спорт, фольклор и т.д.) данного таксона лексики может быть выражено как эксплицитно, так и имплицитно. Структурная организация словосочетаний, эксплицирующих стилевую принадлежность, соответствует классической и наиболее номинативно значимой модели двусоставных наименований: к исходному понятию последовательно присоединяются уточнители, как правило, прилагательные, образующие различные видовые корреляты: *классическая шляпа, романтический берет, авангардная шапка* и т.п. Однако обычно принадлежность головного убора к определенному стилю выражена имплицитно, то есть через внутреннюю семантику рассматриваемой лексемы.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

К номинациям головных уборов классического стиля обычно относят *шляпу, цилиндр, котелок* и т.д. Все эти головные уборы чаще всего встречаются в одежде интеллигентных людей, предпочитающих простоту, строгость и элегантность.

К номинациям головных уборов, репрезентирующих спортивный стиль относят: *бейсболку, кепку, канотье, хоккейную каску, каску для скэйтбордистов, наушники, шлем для велосипедистов / для парашютистов / для мотоциклистов / для боксеров / для фехтовальщиков, жокейскую шапочку, лыжную шапочку, резиновую шапочку (для пловцов)* и т.п.

Многие головные уборы спортивного стиля в то же время могут быть отнесены и к наименованиям форменных головных уборов, так как являются обязательными атрибутами униформы в некоторых видах спорта. Интересно, что только некоторые из них являются первичными наименованиями (*бейсболка, кепка, наушники*), остальные же появились в результате уже существующих реалий. Например, *спортивный шлем / каска* имеют постоянный мотивировочный признак – защита от удара, который лег в основу образования вторичной номинации от *военного шлема / каски*. Так, *мотоциклетный шлем* – это средство защиты при езде на мотоцикле. Помимо защитных функций от удара, шлем предохраняет голову от ветра, воды и пыли. Однако красивый шлем еще способен создать определенный имидж, наравне с одеждой и модными аксессуарами.

Маленький размер *шапочки* для детей или подростков лег в основу в качестве первичного мотивирующего признака для образования номинаций: *лыжная шапочка, резиновая шапочка*.

К названиям головных уборов романтического стиля можно отнести следующие наименования: *соломенная шляпка, берет, шляпа с широкими полями, шляпа с вуалью, клоше, ток, флэппер, болеро, бретон* и т.д. Критерием для отбора данных лексических единиц послужило наличие у них особенных семантических признаков; в частности романтических аксессуаров, придающих образу эмоционально-возвышенный, мечтательный вид. Это разнообразные бантики, ленты, букетики, цветочки, вуали и т.д.

Для исследуемого лексического пласта важными семантическими маркерами оказываются следующие экстралингвистические параметры:

– форма предмета (*колпак, котелок, цилиндр; шляпа: шар, таблетка, колокол, колесо, пирожок; шлем, треуголка /треух, пилотка* и т.д.);

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

- размер (*кипа, косынка / шаль / полушалок; лыжная шапочка, спортивная шапочка, ермолка, тюбетейка* и т.д.);
- фасон (*севилья, берсалино, капор, чепец, панاما, шляпа: с полями, с широкими / узкими полями, без полей, а-ля Шанель; шапка-ушанка, фуражка* и т.д.);
- материал для изготовления головного убора (*шляпа: матерчатая, соломенная, фетровая, кожаная, замшевая, велюровая, бархатная; шапка: соболиная, норковая, кроличья, вязаная и др.; платок: шерстяной, полотняный, шелковый, пуховый* и др. ткани);
- цветовая гамма (бесконечное многообразие всей цветовой палитры, рисунков, орнаментов, существующих в мире моды и в природе);
- способ изготовления (например, вязаный, тканый, валянный из шерсти, фабричный / индивидуальный и т.д.);
- способ ношения (например, *повязка, шаль, накидка, фата, вуаль, венок; платок: головной, носовой, шейный, поясной* и т.д.);
- место производства головного убора (например, *платок: оренбургский, павло-посадский, турецкий, индийский* и т.д.).

Заметим, что каждый из указанных маркеров позволяет выделить в семантической структуре лексической единицы ряд характерных признаков объекта номинации; и в то же самое время может выполнять классифицирующую функцию. Классификация головных уборов с учетом данных семантических маркеров происходит по принципу выделения одного из них в качестве главного, стержневого показателя (например, форма); но это не означает вовсе, что все другие дополнительные показатели исключены из семантической структуры языкового знака. А как раз, наоборот, они все одновременно могут быть отражены в семантике одной из номинаций (см. таблицу № 2).

2.4. Лексико-семантические особенности языковых единиц – репрезентантов понятия «головной убор»

Одной из важнейших предпосылок проведенного исследования является признание постулата о системном устройстве естественного языка. Считаем, что обоснование принципа системности (как и обзор исследований, касающихся разработки основных аспектов изучения языка как системы) представляется излишним в работе, поскольку этот основополагающий принцип

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

структурной лингвистики, обоснованный Ф. де Соссюром, давно уже стал классикой языкознания. Общеизвестно, что разнообразные связи слов представлены несколькими основными видами: внутрисловные семантические связи (полисемия); семантические связи между словами внутри их совокупностей, т.е. на уровне лексической системы (синонимические, антонимические, омонимические, гиперо-гипонимические и т.п.); семантические связи слов на уровне всей языковой системы (сочетаемость слов).

Наши наблюдения дают основание полагать, что языковые репрезентанты исследуемого понятия логично вписываются в общеязыковую парадигму существующих системных семантических связей. Так, например, номинациям головных уборов свойственна категориальная многозначность как собственно лингвистическое явление, обусловленное общеязыковыми ресурсами. Как правило, полисемантическими оказываются номинации-топонимы: *кубанка, панама, балаклава, Сорбонна, бретон* и т.п., но отмечены и другие полисемантические лексемы, например, *бандана, болеро, шапка, шляпа* и т.д., в которых лексико-семантические варианты выделились вследствие метонимического переноса. В результате метафорического переноса появились наименования, вербализующие различные формы головных уборов: *цилиндр, котелок, наушники, петушок, пирожок, таблетка, колесо, шар, шлем* и т.д. Бесспорно, что номинации- метафоры нагружены прагматически оценочной коннотацией.

Метафорически мотивированные значения имеют выраженную эксплицированную связь с исходным значением слова. Аналогии, основанные на метафоре, дают нам возможность увидеть предмет. «Метафора не только формирует представление об объекте, она также предопределяет способ и стиль мышления о нем» [Арутюнова 1990, с. 14]. Образно-ассоциативный комплекс понятия «головной убор» отражает стереотипное представление для данного национально- языкового коллектива.

В работе отмечены отдельные лексико-фонетические, орфографические варианты лексем, номинирующих головные уборы: *мурмонка – мурмолка – ермолка; ток – тока; клош – клоше; диадема – диадима, томи – томми, флелпер – флэппер, хаератник – хайратник, куколь – кукуль, скуфья – скуфия, корона – коруна, картуз – карпуз и др.*

Для исследуемого лексико-семантического пространства характерно явление синонимии. В диссертации отмечены многочисленные синонимичные ряды, например, *колпак – гречневик – сре-*

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

зок – валенок; плат – платок – канаватка – убрус – подубрусник – повязка – покрывало; повойник – повой – повоец; кокошник – кокуй – кокошко; цилиндр – шапокляк – камилавка; перевязка – чело – челка; капот – капор – чепец – чепчик; полушалок – полушал; кепи – кепка – кепарь – кепчура – кеп – бестолковка – лужковка – лужок – конфедератка; хаератник – хайратник – хайральник; бретон – томми; чалма – тюрбан; пилотка – гленгерри; менингитка – пидорка – фантомаска; фуражка – фуражная шапка – фура – фургон – картуз; треух – треуголка; капюшон – куколь; соломенная шляпа – канотье – матлот – жирарди – сомбреро; бескозырка – матроска; шлем – шлемон – шлемофон; вуаль – вуалетка; баскская шапка – берет и т.д.

Как видно из примеров, лингвистическая природа синонимичных рядов и синонимичных пар различна. Одной из причин синонимии эквивалентов номинаций головных уборов является существование и функционирование исконных и заимствованных номинаций (напр., *соломенная шляпа – канотье – матлот – жирарди – сомбреро*). Другие многочисленные ряды номинаций-синонимов включают различные исконно русские названия, появление которых обусловлено историческими и этимологическими факторами (напр., *колпак – гречневик – срезок – валенок; плат – платок – канаватка – убрус – подубрусник – повязка – покрывало; повойник – повой – повоец; кокошник – кокуй – кокошко*).

Особое место в изучаемом пространстве занимают стилистические синонимы и их просторечные варианты (напр., *кепи – кепка – кепарь – кепчура – кеп – бестолковка; менингитка – пидорка; фантомаска – балаклава; фуражка – фуражная шапка – фура – фургон – картуз*). Такие синонимичные ряды можно квалифицировать как прагматические синонимы, отличающиеся коннотативными приращениями в семантическом содержании. Наличие таких синонимических рядов (напр.: *покрышка, бестолковка, фура, кепка*) позволяет не только точнее (в понятийном смысле) номинировать явление, но и выразить определенное к нему отношение.

Полагаем, что к синонимам-вариантам следует отнести различные структурные модификации, функционирующие в речи, как правило, в результате стремления к экономии языковых средств (напр., *кепка – кеп, фуражка – фура, платок – плат, кокошник – кокуй*). В качестве примера функциональных синонимов приведем номинации: *венец – венок – корона – диадема – стемма – бандо*.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Семантическая и функциональная природа некоторых синонимичных пар позволяет сделать вывод о том, что их можно квалифицировать в качестве синонимов-эквивалентов (напр., *пилотка – глен-герри, чалма – тюрбан, цилиндр – шапокляк, платок – канаватка – убрус*), поскольку не обнаружены существенные семантические отличия.

В одном синонимичном ряду могут функционировать однословные и составные языковые единицы, общеупотребительные и идиолектные, полисемичные и моносемичные, четко мотивированные и ложно мотивированные (*фуражка – фуражная шапка, соломенная шляпа – сомбреро, баскская шапка – берет, шапка – комель, шапка – еврейка, кепка – бестолковка, шлем – гермак, шапка – умка и др.*).

Несмотря на наличие достаточно большого количества синонимов, на наш взгляд, проблема синонимии в изучаемой сфере не является остро дискуссионной и не отличается от других своеобразием, хотя, безусловно, имеет некоторую специфику, обусловленную лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Появление синонимов-названий головных уборов поддержано словообразовательными языковыми ресурсами. Наиболее эффективным для данной сферы оказался суффиксально-префиксальный способ образования новых номинаций (например, *покрыш-к-а, под-убрус-ник, бес-kozyр-к-а, матрос-к-а, шлем-о-фон, кеп-к-а, каскет-к-а и др.*). Очень продуктивная в рассматриваемой сфере модель двусоставных наименований – генитивных и агентивных (например, *охотничья шляпа – шляпа лесничего, лесника, охотника; лоцманская шляпа – зюйдвестка* и подобные им) рассматривается нами как вариантность (в этом случае – это лексические варианты), в работе отмечены и морфологосинтаксические варианты, построенные по принципу: *форейторская шляпа – шляпа форейтора, соболиная шапка – шапка из соболя, фетровая шляпа – шляпа из фетра* и т.п.

В результате исследования номинаций головных уборов мы пришли к выводу, что заимствование иноязычных наименований одежды – один из продуктивных способов формирования таксона данной лексики. Большинство актуальных наименований являются собственно лексическими заимствованиями (*капор, диадема, кепи, берет, капюшон, бейсболка, бандана и др.*). Кроме того, семантический способ словообразования является также продук-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

тивным способом номинации в сфере головных уборов (*наушники, бескозырка, повязка и т.д.*).

При анализе фактического материала было выявлено, что некоторые лексемы вступают в омонимичные отношения с единицами языка, относящимися к другим понятийным сферам (например, *испанка, султан, капот* и др.). Так, *испанка* – I. Особая, тяжелая форма гриппа. II. Детская летняя шапочка четырехугольной формы. III. Испанская партия [Введенская, Колесников 1995, с. 228]. Номинация *султан* образовалась вследствие омонимии при явной семантической мотивированности двух слов: 1. Султан – (турецк. *sultan*) – титул монархов в некоторых мусульманских странах. 2. Султан – (турецк. *sultan*) – украшение в виде вертикального пучка перьев или конских волос на головных уборах, а также на головах лошадей [Колесников 1995, с. 553].

Весьма специфично и своеобразно для изучаемого таксона лексики явление антонимии. Несмотря на то, что данная тематическая группа включает прежде всего предметные лексические единицы, исследуемые номинации вступают в антонимичные отношения, которые не всегда соотносимы с общеязыковой антонимией. Считаем, что в антонимичной парадигме наиболее существенными оказываются связи языковых единиц, обусловленные логико-понятийными отношениями, которые характерны для лексики головных уборов.

Принцип бинарного противопоставления представлен в регулярных оппозициях по различным экстралингвистическим основаниям. Например, по тендерному признаку оппозиция: мужской / женский головной убор – квалифицируется нами как противопоставление. Аналогично могут быть рассмотрены и другие оппозиции: летний / зимний головной убор, исторические номинации / современные названия, классический / авангардный, модный стиль; изделия из натурального меха / изделия из искусственного меха, меховой / вязаный; повседневный, будничной / праздничной, нарядной, выходной, парадной; щегольской, пижонский / элегантный, изысканный, изящный и т.д. Считаем, что такие противоположные оппозиции могут быть квалифицированы как эквивалентные.

Кроме логико-понятийных антонимов, в изучаемой сфере встречаются и общеязыковые антонимичные пары: высокая шапка / низкая, большая / маленькая, широкая / узкая, детский головной убор / взрослый, импортный / отечественный, новый / старый, активная / пассивная лексика головных уборов и др. Про-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

типоволожные семантические маркеры могут присутствовать в толкованиях лексем.

Основным и наиболее характерным признаком изучаемого лексико-семантического пространства является парадигматическая организация, основанная на гиперо-гипонимических отношениях. Каждая из номинаций в свою очередь имеет разветвленную подвидовую гиперо-гипонимическую структуру, в которую включены различные названия, функционирующие в данной лексической группе. Суммируя основные сведения, полученные в результате изучения исследуемого лексико-семантического пространства, можно условно представить гиперо-гипонимическую связь репрезентантов головных уборов, которые номинируют их разновидности. Например, **фуражка** → *картуз – каскетка – капитанка – бескозырка – кепка – кепи – бейсболка – лужковка*; **шапка** → *покрышка – ушанка – мурmolка – ерmolка – малахай – волосник – треух – треуголка – «умка» – «север» – «зверобой»* – многочисленные составные номинации-меховые разновидности; **платок** → *покрывало – повязка – убрус – подубрусник – косынка – шаль – полушалок – бандана – перевязка – лента* и т.д. Критерием для включения в тот или иной эндоцентрический ряд выбран семный показатель, который присутствует в толковании данных лексических единиц.

Анализ семантической структуры отдельных лексем показал, что в толковании многих номинаций головных уборов присутствует только общеродовой обобщенный семантический маркер «головной убор» (например, *колпак, капюшон, каска, шлем* и др.). Особенно это характерно для современных переносных наименований молодежных головных уборов. Структурная организация родо-видовых номинаций с базовой семьей «шляпа» включает не только видовые корреляты-уточнители (прилагательные) по классической номинативно значимой модели: *калабрийская шляпа, тирольская, охотничья, фореиторская, лоцманская, ковбойская, широкополая, матерчатая* и др. Многие видовые разновидности, отличающиеся друг от друга по самым разным показателям, получили свои однословные названия и функционируют в языке как отдельные номинации: **шляпа** – *боливар, цилиндр, шапокляк, камилавка, котелок, кивер, канотье, жирарди, матлот, сомбреро, панама, клоше, флэппер, ток, болеро, бретон, томи, зюйдвестка* и др. Для многозначных лексем, безусловно, необходим контекст (*цилиндр, котелок*). А некоторые номинации встречаются только в составе приложений к исходному понятию: **шляпа** – *шар, коло-*

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

кол, шлем, таблетка, тюрбан, колесо, фореитор, «а-ля Шанель», «а-ля Рубенс», «а-ля Рембрандт» и др., что в свою очередь одно-значно ориентирует культурное сообщество.

Лексическая сочетаемость изучаемых номинаций имеет определенную специфику. Наиболее многочисленны сочетания конкретных существительных, именующих разновидности головных уборов, с качественными прилагательными, которые с самых разных сторон характеризуют эти предметы. По этому параметру наблюдается практически полное совпадение с характеристикой предметов одежды в целом. Несколько сужены возможности сочетания данных лексем с глаголами, обслуживающими сферу одежды, в силу определенной специфики именуемого предмета (например, *одеть / надеть, носить / износить, снять / сбросить, оставить / забыть, отремонтировать / отреставрировать, почистить / постирать, обновить, купить / получить в подарок, повесить, менять, заказать, ходить* и т.д.), но и эти ограничения незначительны и принципиально несущественны.

Отметим еще одну функционально-семантическую особенность на синтагматическом уровне, характерную для исследуемого пространства. На наш взгляд, синтагматические связи изучаемых лексем очевидно коррелируют с прагматикой и фактически отражают представления русского народа о понятии «головной убор». Названия головных уборов не просто именуют тот или иной объект, а в большей степени характеризуют его.

Так, например, лексема *шляпа* контекстуально приобретает разное значение. В одном контексте – «*снимаю шляпу*» – зафиксированы два восприятия и отношения к этому предмету: 1) прямое этикетное значение при приветствии; 2) знак особого восхищения, уважения, почтения, благодарности при оценке каких-то действий. Кроме этого, зафиксировано и прямо противоположное представление: «*эх, ты шляпа*», «*прошляпить*» – в значении «упустить что-то важное», «пропустить»; так говорят незадачливому человеку. Лексема *шляпа* в таком контексте приобретает пейоративную оценку.

Наиболее ярко и самобытно звучат и другие контекстуальные употребления, сформированные под влиянием различных субъективных и объективных ценностей:

– «*напялить шляпу*» – в значении «выделиться», «не идет человеку, не соответствует ситуации»;

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

– не просто надеть шапку, шляпу, а «*облачиться*», «*натянуть*»; «*таскать*», «*нахлобучить*» один и тот же головной убор; «*стягивать, стаскивать*» головной убор;

– «*обнажить голову*», «*расхаживать в шляпе*» – «*важничать*»;

– «*шляпу сними*» – в значении «не делай умное лицо», поскольку шляпа в сознании людей ассоциируется с интеллигентным, умным человеком.

Отрицательные коннотации приобретают и другие головные уборы: *ушанка* – деревенский символ; ношение *платка* выразительно именуется «*Дуня, Дунька*», «*Маруся*», «*Фекла*», «*деревня*», «*колхоз, колхозница*». Хотя в последнее время в соответствии с ретро- модными тенденциями отмечается определенный семантический сдвиг, который выражается в признании каких-то головных уборов модными, ультрасовременными (к примеру, та же шапка-ушанка, новый способ ношения платка).

В работе отмечены многие прагматические приращения, которые приобретают и сами названия головных уборов (напр., номинации молодежных уборов), и их словообразовательные гнезда с переносным значением (напр., *прийти к шапочному разбору, шляпных дел мастер, быть под колпаком, околпачить, покрывать* и т.д.). Полагаем, что появление дополнительных, нередко отрицательных, коннотаций в определенных контекстах мотивировано отношением людей к головному убору как к важной, главной (головной) составляющей любого наряда; более того, в языковом сознании до сих пор актуально старинное представление о непокрытой голове, связанное и со здоровьем (голову и ноги всегда рекомендуется держать в тепле), и с ритуальными обычаями, обрядами.

Даже способ ношения головного убора в сознании носителей русского языка выполняет определенную характерологическую функцию, с помощью которой раскрывается внутренний мир человека. Например, *надвинутый на лоб* головной убор может символизировать о разном: уход в свои мысли, скрытность, уединение, желание быть неузнаваемым и т.д. *Надетая шапка набекрень* – «с наклоном набок, сдвинув на одно ухо» [Ушаков 2008, с. 479] – и в сознании носителей русского языка предстает совершенно другой тип человека: легкомысленного, бесшабашного, прометчивого и т. д.

В языке находят свое выражение системы ценностных ориентаций, лежащие в основе различных культур, поэтому фразео-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

логический уровень языка, связанный с наивной картиной мира, как нельзя лучше отражает «стереотипы народного самосознания» [Телия 1996]. Ассоциации, связанные с головным убором, очень богаты, об этом свидетельствуют пословицы и поговорки, в которых присутствуют разновидности головных уборов. Единицы русской фразеологии демонстрируют самое разное отношение к головному убору в соответствии с народными традициями. Через образность родного языка человек неосознанно впитывает национальные формы культуры. Образность вслед за В.Н. Телия понимаем как «особый макрокомпонент семантики, формально проявляющийся во внутренней или внешней форме значения» и обуславливающий семы эмоций [Телия 1996, с. 24].

Некоторые фразеологизмы, пословицы и поговорки отражают шутовое, ироничное отношение к головному убору, носят разговорный оттенок:

- *шапку в охапку* (быстро собраться, уйти);
- *шапочное / шляпочное знакомство* (неблизкое), *шапочно знакомство не пойдет в потомство*;
- *с шапкой по кругу* (о сборе средств), *со шляпой в руке можно пройти по всей стране*;
- *аршин с шапкой* (о человеке маленького роста, о несовершеннолетнем);
- *к шапочному разбору / к шапкам* (прийти к концу, опоздать);
- *греха шляпой не покроешь*;
- *дело в шляпе* (об успешном завершении какого-либо дела); *дело в шляпе, от жеребья: слажено, готово, кончено*;
- *повесил шляпу* (расположился надолго);
- *под шляпку заглядывать* (нетактичное отношение к женщине);
- *женщина везде оставляет шляпу, а мужчина – голову*;
- *гол, да в шляпе, – тот же шляхта*;
- *шапка на нем так копыл копылом и торчит*;
- *шапочка в две денежки – и та набекрень* и др.

Нередко встречаются устойчивые выражения с пейоративной оценкой, выражающей уничижительное, пренебрежительное отношение и различные отрицательные коннотации, которые наделены особыми концептуальными признаками:

- *свинья в ермолке* (о человеке с низкими помыслами, оскорбительная характеристика невежественного и непорядочного человека);

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

- *ломать шапку* (заискивать, унижаться, устар. – кланяться с оттенком подобострастия);
- *получить по шапке;*
- *на воре шапка горит;*
- *под красную шапку /под красной шапкой* (устар. – служить в армии);
- *по Сеньке и шапка* (по заслугам);
- *нам ненавистны тиранов короны; терновый венец* (страдание);
- *говорить сквозь шляпу – нести чушь;*
- *в голове нет – в шапку не накидаешь;*
- *шапку выиграл, а кафтан проиграл;*
- *цари дерутся, у народа шапки летят;*
- *бабы бранятся, так платки с головы валяются;*
- *носить две шляпы – работать на двух хозяев;*
- *дурака узнаешь по красной шапке* (о несоответствии внешнего и внутреннего мира) и др.

Значимость головного убора, граничащая с восторгом, восхищением, отражена во многих паремиологических сочетаниях:

- *если у человека есть голова, то должна быть и шляпа;*
- *шляпа есть самый быстрый способ заставить говорить о себе;*
- *женщину в шляпке забыть нельзя;*
- *шляпных дел мастер* (высокая оценка мастерства);
- *в брюхе солома, а шапка с заломом;*
- *шапка в рубль, а щи без круп;*
- *без рубля – как без шапки;*
- *шапочка с ушами – молодчик с кудрями;*
- *считай баба осень с сентября по шапкам и по лаптям;*
- *без жены – как без шапки;*
- *мы врагов шапками закидаем* (отмечены различные контекстуальные смыслы: с одной стороны, шапка символизирует смелость, бесстрашие, храбрость воинов; а с другой – бравада, основанная на количественном преимуществе по принципу: храбрый хвалит себя штыком, а трус – языком);
- *кричали женщины «ура!», и в воздух чепчики бросали;*
- *женщина из ничего может сделать три вещи: семейную сцену, салат и ...шляпку* и др.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Фразеологически оформленное представление русского народа, отражающее специфику его миропонимания, на наш взгляд, наиболее точно отражено в тех поговорках, которые передают своеобразный лингвокультурологический «портрет» головного убора, например:

- *надень красивую шляпу на умную голову;*
- *по шапке встречаются;*
- *в шляпе, но без штанов; без порток, а в шляпе;*
- *не купил батька шапку: пусть уши мерзнут;*
- *джентельмена делает шляпа;*
- *пронести шляпу на ухо (щеголять);*
- *поменял шляпу – и образ мыслей поменял;*
- *хороша алая лента, когда на молодую надета* и др.

Отношение русских людей к головному убору коррелирует по важнейшим семантическим показателям с другими лингвокультурами. Отмечаем особое отношение к данным реалиям в английской и французской лингвокультурах. Например, в английской лингвокультуре:

- *if you want to succeed wear a hat – если вы хотите преуспеть – наденьте шляпу;*
- *my home is where my hat – мой дом там, где моя шляпа;*
- *eat one's hat – съесть свою шляпу (настоять на чем-либо);*

во французской лингвокультуре:

- *un bon chapeau est inestimable – у хорошей шляпы нет цены;*
- *femme sans chapeau – est comme la Tour Eiffel sans fin – женщина без шляпы – все равно что Эйфелева башня без наконечника;*
- *grand privilege noble frangais – etre dans le chapeau en presence du roi*
- *величайшая привилегия французского дворянина – находиться в шляпе в присутствии короля* и др.

Смысловые приращения, выявленные в идиомах и пословично-поговорочном фонде (в так называемом провербиальном пространстве), можно считать универсальными и характерными для языковой репрезентации понятия «головной убор».

Выводы по второй главе

1. Головной убор всегда являлся знаком эпохи, социальной среды, моды; отражал исторические и культурные реалии, что и обусловило его особую символическую роль в языке. Как одна из самых «говорящих» деталей одежды головной убор исторически символизировал о социальном статусе, сословной принадлежности, об имущественном положении, образованности, о знании этикетных правил, возрасте, модных тенденциях, об эстетическом вкусе, о стилевом разнообразии и т.д.

2. Анализ собранного эмпирического материала показал, что наиболее целесообразным и рациональным оказывается его структурирование по различным основаниям, которые учитывают лексико-семантические и лингвокультурологические параметры изучаемого понятия. Наиболее релевантными оказываются семантические компоненты, которые эксплицитно и имплицитно представлены в лексико-семантической структуре номинаций головных уборов: тендерный признак, возрастные показатели представителей культурного сообщества, климатические условия, модные тенденции, национально-ментальные особенности и др., поскольку они учитывают структурно-семантическую составляющую исследуемого понятия.

3. Основными репрезентантами понятия «головной убор» признаны видовые номинации *шляпа*, *шапка*, выполняющие родовую функцию и потенциально тяготеющие к родовым лексемам-классификаторам, вокруг которых группируются многочисленные подвидовые наименования. В семантический объем указанных лексем входит общий интегративный признак – «головной убор» и дифференцирующий тендерный признак – «мужской / женский». Другие релевантные признаки, на основании которых объективируется предмет и, соответственно, номинируется, входят в семантическую структуру номинаций в качестве дополнительных смысловых приращений.

4. Процесс номинирования головных уборов основан преимущественно на образно-метафорических сопоставлениях, на образно-мыслительных ассоциациях, в которых определяющую роль играет соматический компонент.

5. В последнее время наметилась устойчивая тенденция к функциональной универсальности всех существующих головных уборов. Универсальность оказывается отличительным семантическим маркером понятия «головной убор», поскольку позволяет представить значимые социальные категории для исследуемого

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

лексического пласта, которые практически в любом обществе позиционируются как универсальные: «статус», «престиж», «мода».

6. Понятийный рисунок номинации «головной убор» имеет сложную смысловую структуру, которая включает как собственно языковые, так и экстралингвистические характеристики, имеющие различные языковые манифестации. Внелингвистические основания (форма, материал, размер, цвет, фасон, функциональное назначение, способ ношения, способ изготовления и др.) способствуют процессу формирования изучаемого лексико-семантического пространства, поскольку появление новых номинаций обусловлено указанными категориями. Экстралингвистическое параметрирование понятия «головной убор» позволяет учесть существенные семантические маркеры, значимые для репрезентации исследуемых языковых единиц.

7. Лексико-семантическое пространство связано с идеей системности лексики, реализующей понятие «головной убор», отражающей системность знаний человека об объективном мире. Языковые репрезентанты исследуемого понятия логично вписываются в общеязыковую парадигму существующих системных семантических связей. Лексемы, репрезентирующие понятие «головной убор», вступают в отношения полисемии, омонимии, синонимии, антонимии. Особую лингвистическую природу имеет явление антонимии в исследуемом пространстве: бинарное противопоставление основано на логико-понятийных отношениях, свойственных данному таксону лексики. Наиболее распространено явление синонимии. В одном синонимичном ряду могут функционировать однословные и составные языковые единицы, употребительные и идиолектные, полисемичные и моносемичные, четко мотивированные и ложно мотивированные.

8. Основной принцип структурно-семантической организации исследуемых единиц – родо-видовой; принцип дополнительности: к исходному понятию последовательно присоединяются уточнители, образующие различные видовые корреляты.

9. Названиям головных уборов свойственна прагматическая «заряженность» имени, которая обусловлена оценочной функцией, характерной для данных номинаций. «Лексический фон» наименований головных уборов включает разного рода дополнительные коннотативные созначения: эмоционально-оценочные, аксиологически оценочные, экспрессивные, стилистические и др.

10. Антропогенная роль головного убора предопределяет его характерологическую функцию, в соответствии с которой в

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

названиях головных уборов эксплицитно и имплицитно присутствуют прагматические компоненты, характеризующие внешний облик и внутренний мир человека – обладателя того или иного головного убора, актуализирующиеся контекстуально.

ГЛАВА 3. ПОНЯТИЕ «ГОЛОВНОЙ УБОР» В АСПЕКТЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Языковая картина мира – это «выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых номинаций изображение всего существующего как целостного и много-частного мира в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность, и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов.» [Шведова 1999, с. 15]. Это определение, на наш взгляд, четко выражает антропоцентризм языка: в нем подчеркивается творческий характер и динамизм языка, обусловленный осознанной деятельностью человека.

Несомненный научный интерес представляют наименования различных артефактов, созданных самим человеком для своего пользования в процессе эволюционного развития, в том числе сегментирующих сферу головных уборов. Описание номинаций головных уборов с позиций лингвистической антропологии вполне оправданы, поскольку, будучи непосредственно связанной с историей, бытом, культурой народа, данная лексика представляет собой ценный источник для лингвокультурологического изучения.

Лингвокультурология исходит из признания того факта, что три феномена – язык, менталитет и культура – органически связаны между собой, предполагают друг друга, ни один из них не может быть исключен и ни один из них не может быть признан доминантным. Лингвокультурная область научных поисков, ориентированная на выявление характера связей и отношений между языком, этнической ментальностью и культурой, становится сегодня перспективной.

3.1. Номинации головных уборов с национально-культурным компонентом

Анализ собранного эмпирического материала показал, что в составе данного тематического пласта лексики функционирует большое количество наименований, в структуре которых возможно вычленить национальный, культурный компонент значения путем синхронической реконструкции конечного словообразовательного акта, даже не прибегая к глубокому этимологическому анализу. На наш взгляд, именно лексические единицы такого рода представляют собой лингвокультуремы в их классическом по-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

нимании – единицы, чья двойственная природа позволяет рассматривать их и как факты языка, и как факты культуры.

Интерес исследователей к лексическим единицам с национально-культурным компонентом в семантике выражается в появлении большого количества терминов для их обозначения: безэквивалентная, неполно-эквивалентная лексика [Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.С. Мамонтов], реалии [С. Влахов, В.В. Ощепкова, Г.Д. Томахин, С. Флорин], лакуны [В.А. Муравьев, Ю.А. Сорокин], фоновая лексика [Ю.А. Воробьев, В.В. Ощепкова, Г. Д. Томахин] и др. В ходе разработки лингвокультурологической категориальной базы возникла необходимость выделения комплексной межуровневой единицы. Под этой единицей мы вслед за большинством авторов понимаем лингвокультурему (термин был введен В.В. Воробьевым) и полагаем, что и безэквивалентная, и коннотативная, и фоновая лексика могут быть объединены одним этим понятием, поскольку это двусторонняя единица, обладающая не только неким лингвистическим значением, но и национально-культурной маркированностью.

Следовательно, в применении к некоторым номинациям головных уборов вполне правомерно использование термина «лингвокультурема». В отличие от слова и лексико-семантического варианта слова как собственно языковых единиц, лингвокультурема включает в себя не только сегменты языка, языкового значения, но и культуры – внеязыкового смысла. Лингвокультурема, будучи комплексной межуровневой единицей, представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического содержания.

Лингвокультуремы в лексико-семантическом пространстве головных уборов могут быть представлены в двух направлениях: социально-историческом и социально-культурном. Лингвокультуремы социально-исторической направленности включают единицы языка, маркированные национально-культурным кодом, например, *шапка Мономаха*, *Казанская шапка*, *корона Российской империи*; *корона*, *венец* как символы власти, *буденовка* и т.д. В нее могут быть включены и другие совокупности номинаций, например, названия головных уборов в контексте национального костюма и др. Рассмотрим некоторые из них.

Великие князья и русские цари венчались на царство *шапкой Мономаха*, ставшей символом самодержавия в России. Не исключено, что *шапка Мономаха* представляет собой дар хана Узбека московским князьям (Юрию Даниловичу или Ивану Калите)

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

либо изготовлена по их заказу восточными мастерами. По мнению искусствоведа Г.Ф. Валеевой-Сулеймановой, «шапка Мономаха до того, как попала к русским князьям, была женской, принадлежала знатной татарской особе» [электронный ресурс: <http://ru.wikipedia.org/wiki>].

Номинация *шапка Мономаха* закрепилась в языке как символ власти, теряя первоначальный смысл имени ее владельца и приобретая обобщенный характер царствования на престоле. Сам головной убор состоит из восьми золотых пластинок, увенчан «яблоком» с четырьмя камнями: рубином, жемчугом, голубым и желтым яхонтами (так в старину называли сапфиры) и крестом, и в прямом смысле тяжелый. Однако в сознании носителей русского языка закрепился переносный образ – «тяжела ты, шапка Мономаха» – метафорический смысл выражения о тяжелом бремени выполняемых обязанностей.

Особый статус *шапки Мономаха* диктовал ее использование до конца XVII века при становлении на престол всех русских государей. Этот головной убор всегда принадлежал старшему в роде, остальные довольствовались *зубчатыми обручами* или *обручами с трилистниками*. *Шапку Мономаха* надевали только в день венчания на царство, в дальнейшем цари пользовались личным головным убором – *венцом*. Иван V был последним русским царём, которого венчали на царство *шапкой Мономаха* в 1682 году. Пётр I был коронован вместе со старшим братом Иваном V специально изготовленной «шапкой второго наряда», которая полностью повторяла форму и убранство исторической *шапки Мономаха*. Петр I венчание на царство заменил коронацией. Вместо *царского венца* на голову самодержца возлагалась *императорская корона*, а *шапку Мономаха* несли впереди процессии.

Другим, не менее культурно значимым головным убором является *Казанская шапка*. *Шапка Казанская* – золотой филигранный венец, изготовленный приблизительно в 1553 году для Ивана Грозного сразу после покорения и присоединения Казанского ханства к Русскому государству. Можно сделать вывод, что и *шапка Мономаха*, и *шапка Казанская* представляют собой образцы татарской культуры и попали к русским царям от татарских ханов. Отметим, что и другие царские регалии, вплоть до XVIII века, были созданы иноземными мастерами, работавшими в Кремлевских мастерских, или же были непосредственно иностранного производства. Удивительной работы *венец* украшен крупным желтым сапфиром в 90 каратов, золотая тулья декорирована мелким цве-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

точным черневым орнаментом, исполненным в «восточном» стиле. Рядами к ней прикреплены резные кокошники – «городки», очень распространённые в русской архитектуре и прикладном искусстве. В центре каждого «городка» – крупный драгоценный камень или большая жемчужина.

Самым древним символом власти считается *венок*. Этот головной убор сплетали из ветвей, листьев или цветов и украшали головы полководцев, победителей спортивных игр, участников пиров и жертвоприношений, ораторов, жрецов и сановников. Кроме того, определенными растениями в *венке* обозначались род занятий, общественное положение и сан. Так, архонт, представитель высшей выборной должности в древних Афинах, являлся к народу в *миртовом венке*, а храбрый воин мог рассчитывать на *венок из дубовых или оливковых листьев*. Победившего в играх или знаменитого актера ждали *венки из лавра, плюща, сосны, маслины и золота*.

Однако *венок* не всегда был символом признания заслуг, поощрения, наградой. Например, обманщикам и доносчикам надевался на голову *венок из мирики* – растения, известного под названием «медвежья лапа». Осужденные за какие-либо преступления против властей должны были переносить назначенное телесное наказание в венках из колючего кустарника – терновника. Отсюда и появилось выражение «*терновый венок*» [Супрун, Филановский 1990, с. 149].

Прославленных поэтов увенчивали *лавровым венцом*. Так, лексема «лауреат» произошла от латинского «laurea», обозначающего «лавровое дерево», а «laureatus» по латыни – «увенчанный лаврами». Во времена Римской империи лавр символизировал мощь, победу и мир [Буровик 1991, с. 27].

На Руси *венок* являлся обрядовым предметом, изготавливаемым из цветов, трав, вечнозеленых растений, веток, хвои, солом, бумаги и т. п. *Венок* как элемент убранства участников обрядов или домашних животных, жилых и хозяйственных построек чаще всего представлял собой оберег от нечистой силы, сглаза.

Использование *венка* в ритуалах было связано с пониманием *венка* как круга, близкого по форме с другими имеющими отверстие предметами (кольцо, обруч, калач). Существовали даже такие обрядовые действия, как процеживание молока сквозь *венок*, протаскивание через него больного, подсматривание сквозь *венок*, умывание из *венка*, брошенного на воду, и т.п. В обрядах и играх весенне-летнего цикла *венки* служили обязательным голов-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ным украшением девушек [Электронный ресурс: <http://swarog.ru/o/oberegis.php>].

В Древнем Риме существовала строжайшая регламентация по части награждения *венками* или *венцами*: *corona castrensis* – *золотой венок* первого человека, ворвавшегося в неприятельский лагерь; *corona classica* – *золотой венок* командующего флотилией, которому удавалось уничтожить вражеские корабли; *corona obsidionalis* – *венец*, которым удостоивался освободивший город от неприятельской осады; *corona civica* – *венок из дубовых листьев* за спасение соотечественника на войне и т. д. [Буровик 1991, с. 27]. Действительно, по-латыни «венок» – *corona*, но это и «венец» [Крысин 2007, с. 399].

В русском же языке лексемы *венец*, *венок* семантически отличаются от лексемы *корона*. В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующее толкование номинации *венок* – «сплетенные в кольцо листья, цветы» [Ожегов, Шведова 1994, с. 70]. Здесь же обнаруживаем определение лексемы *венец*: «1. То же, что венок (устар.). 2. перен. Успешное завершение чего-н. как награда за труды, старания (высок.). 3. Драгоценный головной убор, корона. 4. В церковном обряде венчания: головное украшение в виде короны, которое шаферы держат над головами вступающих в брак. 5. Ореол, светлый ободок вокруг небесного светила. 6. Нимб, ореол (во 2 знач.). 7. В деревянном срубе: звено из четырех бревен в связи» [Ожегов, Шведова 1994, с. 70].

Корона: «1. Золотой или серебряный венец, украшенный резьбой и драгоценными камнями, – одна из монархических регалий. 2. Ореол вокруг небесного светила (спец.) [Ожегов, Шведова 1994, с. 291]. Итак, только номинация *венец* содержит в некоторых толкованиях одинаковый семантический множитель, что и лексема *корона*.

Со временем *венец* королей, императоров и царей видоизменился. Так, уже Юстиниан (482-565) сменил *диадему* на *стемму* – золотой обруч, унизанный жемчугом. Преемники Юстиниана пошли еще дальше: над *стеммой* появился крест, а на щеки спустились две подвески из жемчуга и драгоценных камней. *Стемму* подложили тканью, и державный головной убор стал напоминать *шапку*. Постепенно *царская* (или *королевская*) *корона* обрела особый статус. Ею венчали на царство, ее именем освещалась абсолютная власть, скреплялись договоры и объявлялись войны.

Обладательницей первой русской *короны*, сделанной по западноевропейскому образцу, стала жена Петра I – Екатерина I,

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

которая была объявлена императрицей и короновалась в 1724 году. Однако, судя по памятникам живописи и письменным памятникам, *корона* существовала еще в XVII веке и походила на древневаряжскую круглую шапку с меховой опушкой, верхушка которой представляла собой маленькую корону и над нею крест, сама же шапка была украшена эмалированными золотыми пластинами. Кроме того, *корона* царицы вместо меха была окружена настоящим *венцом* и имела *убрус* [Готтенрот 2009, с. 365].

Лексема *корона* имеет лексико-фонетический вариант «*ко-руна*» с 1613 года, по словам М. Фасмера, и сама по себе является заимствованием от латинского слова «*corona*» – венок [Фасмер 2004, Т. II, с. 334]. Так, новый царский головной убор был из позолоченного серебра и украшал его замечательный «рубин, купленный еще при царе Алексее Михайловиче в Пекине послом Николаем Спафарием – ученым, дипломатом, писателем» [Буровик 1991, с. 32]. В XVIII веке российские императрицы, казалось, состязались одна с другой в демонстрации баснословной роскоши, в том числе и в *коронах*. Например, Екатерине II количество драгоценных камней в *короне* показалось недостаточным, и в ней появилось 58 очень крупных и 4878 небольших бриллиантов, большой рубин и 75 жемчужин. *Корона* отяжелела настолько, что на торжественные церемонии царице подавали другую, более легкую, «выходную», как ее называли [Супрун, Филановский 1990, с. 151].

Рассматривая головные уборы, маркированные национально-культурным компонентом, нельзя обойти вниманием знаменитую русскую *будёновку*, так как именно она служит символом борьбы за свободу и за переустройство общества на началах социальной справедливости. *Будёновка* в своем экстралингвистическом содержании обладает несколькими специфическими этнокультурными составляющими: легендарная историческая личность полководца, маршала Советского Союза С.М. Будённого; Первая Конная армия, красноармейцы; гражданская война; сукно, особая форма.

В словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой находим следующее определение лексемы *будёновка* – «красноармейский суконный головной убор в виде шлема (в 1 знач.) с красной звездой». Здесь же: «*будёновец* – в годы гражданской войны: боец Первой Конной армии С.М. Будённого» [Ожегов, Шведова 1994, с. 58]. Можно сделать вывод, что обе номинации являются персонимами,

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

так как образованы от имени личности, повлиявшей на их употребление.

Красноармейский шлем получил название «*богатырка*» за свой былинный облик в первое время своего существования. В дальнейшем его стали называть по именам военачальников М.В. Фрунзе и С.М. Будённого: «*фрунзевка*» и «*будёновка*», и лишь последнее закрепилось и вошло в словари русского языка. *Будёновки* шили из сукна, а специальные отвороты делали этот головной убор удобным и теплым. Цвет звезды на *шлеме* (тоже суконной) отличал род войск.

Будёновка сохранялась в Красной Армии до начала Великой Отечественной войны.

Наше внимание привлёк головной убор в контексте национального костюма как отдельная самостоятельная область народного искусства с огромным художественно-образным потенциалом. Самобытные таланты с любовью веками создавали, берегли и обогащали народный костюм, в котором головной убор был главной деталью. Именно в головном уборе стремились воплотить национальные особенности костюма. В качестве примера рассмотрим некоторые разновидности женских головных уборов, исторически характерных для быта русских людей.

Для русской крестьянки головной убор – это не просто одежда, это определенный символ ее семейного, социального, имущественного положения; это средство для утверждения своей роли в жизни в целом и в своей деревне в частности, это способ самовыражения и своих представлений о красоте. *Кокошник, позатыльник, повойник (повой, повоец), кичка, кичка-сорока, настоящая сорока, сорока-сбруга, рогатая кичка, "копыто" (средняя часть кички), повязка, перевязка, лента, почелок, венец, коруна, налобник, похватки, осицы, крылышки, заушники, шамшура* и т.д. Практически каждая номинация маркирована национально-культурными компонентами, которые в комплексе создают самобытную специфическую историко-культурную и лингвистическую картину определенного отрезка времени.

Каждая лексема имеет сложный семантический рисунок, который включает в себя и форму, и цвет, и ткань, и разнообразные детали, и функциональное предназначение (повод и способ носить головной убор) и т.д. Не менее важны художественный смысл и художественный образ головного убора, органично влетающиеся в семантическую структуру названия.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Так, например, девичьи головные уборы, как правило, были воздушными, легкими, ажурными, открытыми в отличие от плотных, замысловатых женских головных уборов. Это символизировало не только художественный смысл, олицетворением которого являлась свобода незамужней женщины (такая желанная и невозвратная для замужней женщины!); но и определенный художественный образ, соответствующий древнему славянскому обычаю, по которому ходить с непокрытой головой (простоволосой) замужней женщине считалось позором, тяжким грехом.

Известно, что, в отличие от мужчин и девушек, замужняя женщина не только «на людях» не могла показаться с непокрытой головой, но также и среди своих домашних должна была ходить в головном уборе. По народным поверьям, волосы обладают колдовской магической силой, именно поэтому их необходимо обязательно закрывать. Не случайно в фольклорных, а позднее в литературных источниках ведьмы и колдуньи часто изображались с распущенными волосами, которые они освобождали из-под покрыва перед началом какого-нибудь магического действия. Самым большим позором для женщины древней Руси было насильственное публичное обнажение ее головы.

С глубокой древности было принято набрасывать поверх головного убора *платно* из куска ткани. Как правило, это было тонкое полотно или легкие шелковые ткани. *Повой*, в свою очередь (позже появились его синонимические номинации – *повойник*, *повоец*), известен в истории головных уборов как «мягкая шапочка из ткани, которую надевали сразу после венчания» [Захаржевская 2007, с. 284].

Существует русская народная поговорка: «*Стала двухвосткой – под повой ушла*». Интересно, что в XIX веке, да и в начале XX века обычной прической для девушек была одна коса, спускающаяся по спине. В косу вплетали яркую ленту, а иногда и колокольчики. Замужние женщины заплетали волосы в две косы, прятали их под головной убор. Таким образом, если «коса под повой ушла» – значит, девушка вышла замуж. Однако в словаре Д.Н. Ушакова отмечаем семантические сдвиги в толковании указанного слова: *повойник* – «головной убор у крестьянок, прежде обычно у замужних, в виде платка, повитого вокруг головы» [Ушаков 2008, с. 710]. Сопоставление двух определений выявляет значительные семантические расхождения (шапочка или платок?), но неизменной остается семантическая доминанта: «старинный головной убор женщины».

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

В Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера обнаруживаем еще одно из значений: *повой* – «растение, выюнок полевой» [Фасмер 2004, Т. II, с. 294]. Полагаем, что семантическая нить многозначности данной лексемы связана с его внутренней прозрачной мотивацией: «то, что повито». Внутренней семантической мотивацией обусловлены многие номинации женских головных уборов: *подубрусник* – головной убор, который находится под убрусом; *покрывало* – кусок ткани в форме вытянутого прямоугольника, которым в средние века замужние женщины повязывали голову → «покрывали голову»; *повязка* – кусок ткани, повязываемый на что-нибудь → «повязать» и др.

Заметим, что название головного убора *подубрусник* в специальной литературе по истории народного костюма не встречается в качестве синонима названию *повой*, хотя исследование показало, что депотативно-сигнификативная природа данных исторических реалий одинакова. В данном случае в семантическую структуру анализируемых лексем входят, как минимум, два важнейших историко-культурных факта, связанных с народными обычаями – магия волос, непокрытая голова, которые обладают некоторой объяснительной силой для появления новых номинаций – различных подвидов и разновидностей тендерного родового понятия «женский головной убор».

В Толковом словаре современного русского языка Д. Н. Ушакова *убрус* трактуется как «платок, полотенце» [Ушаков 2008, с. 1093]. С точки зрения когниции как процесса познания данное толкование оказывается концептуально пустым. Совершенно очевидно, что в такой трактовке отсутствует несколько семантических составляющих для современного его понимания. Отметим, прежде всего, дифференцирующий признак: это не просто платок, а женский головной. Более того, это прообраз платка – фактически это кусок ткани, которым покрывали голову замужней женщины *сверх повоя*.

Головной убор, именуемый *сорокой*, имел довольно сложную конструкцию. Так, в словаре В. И. Даля находим: *сорока с повоем* – «род кички, на челе пониже, а с боков повыше, иногда по такому *волоснику* только повязывается шитая *ширинка*»; *сорока саженая* – «убрана шитьем, низаньем, даже камнями либо жемчугом»; *крылатая* или *с крылом*: волосы стягиваются *сдерихой* на затылке, *сорока* прикрепляется сзади *крыльями*, лопастями, иногда спереди жемчужная *подвязь*, на самой сороке, она же *очелы*, *челышек* или *копытце*» [Даль 1980, Т. IV, с. 274-275].

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

М. Фасмер полагает, что данное зооморфное наименование имеет ясное происхождение, то есть оно является производным от названия птицы – сороки – из-за сходства с сорочьим хвостом и расцветкой перьев. Главный аргумент в пользу родства головного убора и известной птицы – это наличие у первого крыльев и хвоста. Не случайно один из видов *сорок* называли *крылатыми*. Возможно, существует и другая версия происхождения данного названия, связанная с этимологической близостью между лексемами *сорока* и *сорочка* («рубаша, рубашка: женская, кисейная манишка, до пояса...») [Даль 2007, с. 257]. Таким образом, можно предположить, что *сорока* понималась носителями данной лингвокультуры как одежда для головы. Кроме того, необходимо заметить, что не все *сороки* внешне напоминали птицу.

Сороки отличались и по цвету, и по своей конструкции (наличие/отсутствие крыльев, хвоста). На Руси со времен язычества почитался культ птицы. Например, курицу и утку считали символом замужней женщины. Так, в день свадьбы молодые ели жареную курицу как залог будущей плодовитости супруги, а после бракосочетания женщине надевали на голову *сороку* с целью защиты ее от злых духов и рождения большого потомства.

Кроме того, «древний славянский костюм имел так называемое ярусное разделение» [Антошенкова, 1996, с. 59]. Головные уборы, по ее словам, были связаны с солнцем, небом, и поэтому характер орнамента у них отличался от орнамента рубах. На головных уборах наблюдались солнечные знаки, а птица как раз таковым и была. Вполне возможно, что элемент в орнаменте оказал влияние на название всего убора в целом. Тем более, что в качестве дополнительных аксессуаров к головному убору часто использовали птичьи перья и пух.

Ношение *сороки* напрямую зависело от различных жизненных ситуаций. Будничная сорока молодой женщины не имела сплошной золотой вышивки, а после родов или в великий пост она отделялась украшениями и приобретала особое значение. *Сорока* была более распространена на юге, чем на севере России; слово это считается общерусским. По словам Е.В. Ухмылиной, у нижегородских крестьян *сорока* традиционно надевалась на волосник, но имела другую, чем у южан форму: «оборки с небольшими отростками по бокам передней части», эти оборки назывались «рога», отсюда и название – *сорока с рогами* [Ухмылина 1975, Т. I, с. 78].

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

В отличие от сороки, *кокошник* по своему происхождению считается севернорусским головным убором. «*Вот тебе кокуй, с ним и ликуй!*» – гласит древнерусская пословица. Синонимичные номинации *кокошник, кокуй, кокошко* представляют собой «народный головной убор русских женщин, в виде опухала или округлого щита вокруг головы» [Даль 2007, с. 151].

По словам В.И. Даля, *кику* и *сороку* носят только замужние женщины, а *кокошник* носят и девушки. Последний состоит из *начельника* (от слова «чело» – лоб) – «девичья головная повязка, лента с *поднизями* (жемчужная или бисерная сетка)», *донца* – dna головного убора и *волосника* – «род шапочки, иногда простеганной, надеваемой бабами под повой или платок» [Даль 1979, Т. II, с. 135]. Следует обратить внимание, что в номинации данных ре-алий не последнюю роль сыграл соматический компонент, кото-рый выражает их первичное функциональное назначение – ноше-ние на голове.

Кокошники по своему внешнему виду отличались разнооб-разием форм в каждой губернии. Более зажиточные девушки из-готавливали *кокошники* из парчи, бархата, шелка на твердом кар-касе, на подкладке из холста, а украшали жемчугом, шитьем зо-лотой и серебряной нитью. При малом достатке семьи шили *бусо-вые кокошники* – с бисером и вставками из цветного стекла, фольги. Русский головной убор – *кокошник* напоминает по форме другой европейский убор – *арселе*, получивший популярность у женщин в XIV веке во Франции и Англии.

Примечательна этимология лексемы *кокошник*. Так, М. Фасмер считает, что она является производным от *кокошь* – кури-ца, петух [Фасмер 2004, Т. II, с. 284]. Действительно, существует некоторое зрительное сходство между данным видом головного убора и куриным гребнем. Главная особенность *кокошника* – два рога, соединенных «князьком», которые и образуют своеобразный гребень, внутри которого часто прячутся волосы, собранные на макушке головы [Антошенкова 1994 (а), с. 61].

Многие исследователи, в отличие от В.И. Даля, указывают на то, что *кокошник* носят только замужние женщины, надевая его сразу после бракосочетания [Захаржевская 2007; Ожегов 1996]. Очевидно, что данный головной убор относится к глубокой древности, так как, по словам Г. С. Масловой, существуют свиде-тельства, что артефакт типа *кокошника* был найден в погребении VII века на территории Тамбовской области, а также на древней глиняной статуе на территории Киевщины [Антошенкова 1996, с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

61]. «В деревне их народ одевался особенно щеголевато: *кички* у женщин все были в золоте, а рукава на рубашках – точные коймы турецкой шали» [Гоголь 1980, с. 332].

«*Кичка*, или *кика*, – старинный русский головной убор замужней женщины, который в отличие от девичьего *венца* полностью скрывал волосы» [Кирсанова 1989, с. 118]. Вместе с *сорокой* и *позатыльнем кичка* была составной частью сложного головного убора.

Примечательно, что головной убор замужней женщины мог включать в себя до двенадцати элементов и достигать веса пяти килограммов! А сверху он покрывался еще платком или шалью.

По словам В.И. Даля, *кичка* – «бабий головной убор, с рогами, род повойника (сорока без рогов, а кокошник с высоким передом)» [Даль 2007, с. 145]. Действительно, *кички*, как *кокошники* и *сороки*, были разными по форме, цветовой гамме, что давало представление о возрасте женщины и месте ее рождения. До появления ребенка женщины носили очень яркие *кички*, а в старости – с простейшими орнаментами. Особенно нарядно украшались головные уборы жительниц северных районов России, однако, такие уборы стоили необычайно дорого. Вероятно, поэтому и высмеивает Н.В. Гоголь народ в платоновской деревеньке, потому как при общей нищете «*кички* все в золоте» были невозможны.

Кичка в древнерусском языке означала «волосы» [Фасмер 2004, Т. II, с. 231]. Следовательно, в данной номинации тоже содержится соматический компонент. *Волосником* назывались разные виды головных уборов. Так, по свидетельству В.И. Даля, вышитые *кокошники* и *кички с рогами* именовались в некоторых районах России *волосником* [Даль 1979, Т. II, с. 107].

В конце XVII века русские девушки вокруг головы носили *перевязку*, которая представляла собой «ленту, повязанную сзади бантом, длинные концы которого спускались вдоль спины» [Савваитов 1996, с. 89]. Некоторые девушки вместо ленты использовали картон, унизанный бисером, дорогими камнями и разноцветными вставками. *Перевязку* называли также *челом* или *челкой*, а если орнамент шел по всей окружности – *венком* или *венцом* [Рабинович 1986, с. 80]. Если последние наименования ассоциируются в нашем современном понимании с торжественным головным убором или ореолом вокруг святого, то *чело* или *челка* явно являются архаизмами, связанными с устаревшим названием лба человека.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Возможно, существовала некая семантическая близость между *лентой* и *косником (накосником)* – вплетенная в косу золотая нить или треугольная привеска, «обычно на жесткой основе, богато расшитая нитками и жемчугом, окаймленная кружевом и металлическими пластинками» [Политковская 2004, с. 123]. В словаре В.И. Даля эта лексема имеет следующее толкование: *лента* – «тесьма, большей частью шелковая для женских нарядов; русская девичья головная повязка; из простой широкой ленты она обратилась в убор, низанный или вышитый золотом, жемчугом, с поднизью наперед» [Даль 1979, Т. II, с. 247].

В русский язык данная номинация была заимствована из немецкого диалекта (*lunte*), где имела то же самое значение, что и в нашей культурологической среде. По мнению М. Фасмера, это наименование можно считать относительно поздним заимствованием, так как в русском языке оно было впервые зарегистрировано в XVII веке и произносилось как *линта* [Фасмер 2004, Т. II, с. 482].

Таким образом, понятийный рисунок казалось бы самых конкретных по своему значению слов, к которым справедливо могут быть отнесены номинации женских головных уборов, на самом деле имеет разветвленную смысловую структуру, в которой значимой оказывается этнографическая и лингвокультурологическая информация.

«*В какой народ придешь, такую и шапку наденешь*» – гласит русская пословица. Это означает, что у каждого народа – свой национальный костюм, частью которого обязательно является головной убор. Подкласс наименований головных уборов включает такие номинации-экзотизмы, как:

- *кипа* (у евреев маленькая шапочка без полей);
- *черногорская капа* (у черногорцев головной убор в виде низкого цилиндра, на верху которого помещается национальный символ);
- *никаб* (у мусульманских женщин головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз);
- *хиджаб* (у мусульманских женщин головной платок);
- *феска* (в странах Ближнего Востока шапочка в виде усеченного конуса с кисточкой);
- *радиб и раоб* (у древних евреев женская вуаль, закрывающая лицо и плечи);
- *паколь* (у афганцев головной убор в виде коричневого берета);

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

– *тафья, скуфья* – восточный убор (разновидность известной нам *тюбетейки*: «*тафья* – «шапочка, шапка опричника», проникновение наименования из турецкого (тахья), татарского (takja), чувашского (toxja) и арабского языков [Фасмер 2004, Т.IV, с. 29];

– *конфедератка* (у поляков шапочка с четырехугольным верхом);

– *тэм-о-шенгер* (у шотландцев широкий шерстяной берет с помпоном на макушке);

– *нон* (у вьетнамцев шляпа из листьев пальмы, которые крепятся на тонком бамбуковом каркасе) и многие другие.

Необходимо отметить, что даже внутри одной страны наблюдается разнообразие национальных головных уборов и, соответственно, их номинаций. Так, на территории бывшего Советского Союза, а также нынешней Российской Федерации можно встретить национально маркированные наименования головных уборов:

– украинский народный головной убор (*намитка* – полотнячатый головной убор, *очиплок* – небольшая шапочка, *йоломка* – войлочная домотканая шапка темного цвета с тульей без полей, *соломенная шляпа*);

– белорусский народный головной убор (*брыль* – соломенная шляпа из спелой пшеницы с прямыми широкими полями, *магерка* – мужская суконная шапка в форме колпака или усеченного конуса, *капелюх*, *овчинная кучма*, *скиндачка* – украшенная вышивкой повязка из узкого куска ткани, *намитка* – головной убор замужней женщины (длинное узкое полотенце, концы которого вышиты или затканы геометрическим узором);

– удмуртский народный головной убор (*айшон* – высокий, на твердой берестяной основе головной убор замужней женщины, *панго* – свадебный головной убор, имеющий форму рога);

– татарский народный головной убор (*тюбетейка* – маленькая, без тульи и полей узорчатая шапочка, облегающая голову, *калфак* – женский головной убор с закругленным верхом);

– народный головной убор жителей Средней Азии: таджиков, туркмен, узбеков, казахов, киргизов, калмыков и других (*чалма* – длинный кусок ткани, туго обертываемый вокруг головы; *тюрбан* – шляпа без полей из полотна легкой материи, обмотанного вокруг головы; *тюбетейка*, *чачван* / *чашмбанд* / *чишмет* – черная сетка, сплетенная из конского волоса, скрывающая лицо

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

женщины; *кисея* – прозрачная тонкая сетка, скрывающая лицо женщины; *калмыцкий малахай*, *шапочка-камчатка* – головной убор замужних женщин продолговатой формы из черного бархата, *джатаг* – головной убор незамужних женщин, бархатный и украшенный цветочной вышивкой, *бюслячи* – головной убор родивших детей женщин круглой формы из парчи);

– кавказский национальный головной убор (*башлык* – головной убор в форме капюшона с остроконечным верхом и длинными полосами-лопастями с двух сторон для завязывания у ушей, *чутка* // *чухт* (Азербайджан, Дагестан) – тип мешочка или чепчика с мешочком для кос либо просто широкая полоса ткани, прикрывавшая косы сверху, *чадра* (Азербайджан) – женское покрывало во весь рост, закрывающее голову и лицо).

Изучение номинаций головных уборов в составе национального костюма не являлось предметом специального рассмотрения. Данные названия упомянуты в работе в качестве примеров, подтверждающих «многоликость» национально-культурной специфики языковых единиц, номинирующих головные уборы.

Лингвокультураемы социально-культурной направленности моделируют различные смыслы и представления об известных символах и образах, запечатленных в языковом коллективном сознании: шапка-невидимка, цилиндр Чарли Чаплина, обломовский колпак, малиновый берет Татьяны Лариной, Красная шапочка, фуражка Олега Попова, кепка Ю. Лужкова, шляпа М. Боярского (прообраз мушкетера); песня-легенда "скромненький синий платочек"; песенно-лирический образ "оренбургского пухового платка", «темно-вишневой шали»; "Шапка" В. Войновича, «Соломенная шляпа» (х/фильм) и др.

Такие наименования, кроме вербально выраженной, содержат скрытую информацию, не просто объективируют образы, возникшие в сознании номинанта, а порождают у представителей лингвокультуры дополнительные, связанные с данными, ментально окрашенные образы и ассоциации. Головные уборы в этом случае служат опознавательными знаками, содержащими определенную социокультурную информацию; знаками, которые оказываются ментальными маркерами определенных сегментов действительности, формирующими образные и ценностные характеристики понятия «головной убор» в языковом сознании социума.

Сюда же, как представляется, могут быть отнесены любые ассоциативные авторские предпочтения в отношении головного убора, которые для определенных личностей стали «визитной

карточкой» – неперменной составляющей имиджа (например, платок в жизни и гардеробе известного модельера Вячеслава Зайцева, шарф в костюме историка моды Александра Васильева и т.д.).

Одной из основных задач проведенного исследования обозначена задача выявления лингвокультурного компонента лексической семантики изучаемых языковых единиц в русле выбранных аспектов. Именно поэтому многие номинации головных уборов описаны в работе как слова-символы, в которых выделены не только интегральные и дифференциальные семантические признаки, но и представлен национально-культурный код для полного осмысления воспроизводимого знака.

3.2. Номинации головных уборов как экспликатеры этнокультурной информации

Названия головных уборов, как и названия одежды в целом, являются «номинативными единицами повышенной этнокультурной значимости» [Алефиренко 2012, с. 186]. Головные уборы являются частью языковой культуры, реализованной в слове, во всем семантическом объеме воплощенной через значения отдельных слов, которые отражают результаты познавательно-практической деятельности человека как представителя определенного социального этноязыкового коллектива. Бесспорно, национально-культурные, национально-ментальные специфические особенности, свойственные этносу, находят свое воплощение в слове, которое и является языковой проекцией самосознания, мировидения, мироощущения того или иного этнокультурного общества.

Важной языковой единицей, эксплицирующей значимую этнокультурную информацию, на наш взгляд, является номинация **платок**, которая выполняет родовую функцию в своеобразной микросистеме названий женских головных уборов. *Головной платок* в облике русской женщины существует века, образует непрерывную цепь традиций, переходит из поколения в поколение, оставаясь всегда актуальным для своего времени. История русских *платков* – это целая творческая лаборатория, в которой оказывается познавательным и знаковым для каждой из этих эпох абсолютно все: изготовление, технология их производство, ткацкое мастерство, художественный вымысел, декоративное богатство, материал и т.д.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

На Руси *платки* появились, по данным этнографов [Мерцалова 1988, с. 102], в XVI-XVII вв. и первоначально назывались *канаватками*. К сожалению, в толковых словарях современного русского литературного языка данная номинация не обнаружена. Такое название встречается только в специфических работах по истории костюмов, где отсутствует этимологическая информация, мотивирующая и объясняющая его.

Любовь к головному платку вошла в плоть и кровь русских женщин и получила новое звучание в современном costume. *Платок* для женщины – это не просто материальная ценность, это было определенное духовное богатство, напрямую связанное с ее биографией, памятью. «Плат – от самого дорогого, шитого золотом, до самого дешевого скорбного холщового покрывала вдовы – был символом честности женской жизни» [Мерцалова 1988, с. 102]. Много невыдуманных историй могли поведать о своих владелицах головные женские *платки*. За каждым рассказом – судьба русской женщины; история наших предков, отражающая их быт, нравы, обычаи. Ухаживание, свадьба, крестины, удачный промысел, сенокос, церковная служба, праздники, горе и т.д. – на каждый случай в заветной укладке у любой женщины был свой *плат, платок, полушалок, шаль*. Это был самый желанный подарок.

В значении лексемы *платок* в разных толковых словарях обнаруживаем одинаковые доминантные семы, которые и составляют семантическую основу: «кусочек ткани», «квадратная форма». В семантической структуре лексемы *платок* встречаются и другие семантические маркеры, которые связаны со способом ношения («на голову, на верхнюю часть туловища → на плечи») и с функциональным назначением («для сморкания и вытирания носа, для обтирания рта и лица» → носовой платок, салфетка) [Ушаков 2008, с. 700].

Для С.И. Ожегова дифференцирующей семой оказывается «материал» («трикотажное изделие, вязаное → пуховый платок») [Ожегов 1984, с. 449]. Интересно сравнить с определением *шали*, семантический объем которого полностью совпадает во всех толковых словарях в одном из значений: «большой вязаный или тканый платок» [Ушаков 2008, с. 1199; Ожегов 1984, с. 773].

Платок от древнерусского собирательного существительного *плат* ("кусочек ткани, холста = *полотно* [Фасмер 2004, с. 274]) входит в родственный ряд со словами: *платье* (= одежда), *плата* (= платить, платеж → поскольку раньше куски ткани применялись

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

как средство платежа) [Фасмер 2004, с. 274]. Отмечаем словообразовательную «закрытость» лексемы *платок* (→ платочек).

Косынка – «женский треугольный головной или шейный платок» [Ожегов 1984, с. 258]. Этимологически восходит к слову «косой» [Фасмер 2004, с. 349]. *Косынка* как разновидность *платка* в плане содержания имеет отличие по семантическому признаку «форма»: треугольник // квадрат.

Гипонимические корреляции, характерные в целом для семантического пространства головных уборов, позволяют выстроить следующий эндоцентрический ряд: головной убор / женский головной убор / шапка / шляпа / шляпка / платок и др., в котором *платок* является лексемой базового уровня для конкретного аспекта категоризации действительности. *Платок* – гипероним; *шаль*, *полushалок*, *полushаль*, *косынка* как разновидности *платка* являются гипонимами (или когипонимами по отношению друг к другу), хотя налицо корреляция несовместимости: *шаль* и *косынка* – разные объекты → денотаты (экстенционалы) слов связаны отношением несовместимости, а сигнификаты имеют общую часть – совокупность признаков общего гиперонима.

Компонентный анализ лексического значения гиперонима *платок* позволил установить самые различные семантические корреляции. Нами предпринята попытка составить своеобразную оценочную матрицу лексемы *платок*, которая позволяет не только представить оценочно-определятельную ее валентность, но и обозначить своеобразный лексико-семантический и лингвокультурологический потенциал этого символа, включающий в себя и прагматический, и ассоциативный слой его лексического содержания, и культурный код.

Таблица 2. Платок как символ, вербализирующий понятие «головной убор»

Классифицирующие и характеризующие признаки	Языковая репрезентация лексемы <i>платок</i> по указанным признакам
<i>материал</i>	полотняный, холщовый, льняной, ситцевый (=французский), шелковый, батистовый, шифоновый, хлопчатобумажный, шерстяной, полушерстяной, кашемировый (кашмирский), пуховый, мохеровый, трикотажный
<i>способ изготовления</i>	вязаный / тканый / фабричный
<i>расцветка (цвет, рисунок, декор)</i>	вся цветовая гамма (из которой предпочтительнее яркий фон: белый, желтый, красный, синий) / одноцветный / цветной / набойчатый / набивной (набойка – искусство набивать рисунок) / кубовый: темно-синий с красными розами, тюльпанами и гвоздиками / с цветочным узором / с орнаментом / с растительным орнаментом / с рисунком: стилизованные завитки, цветки, листья, букетики / разноцветный / полосатый / клетчатый / ажурный / с каймой / украшенный золотыми (серебряными) нитями / кружевной / пестрый / красный / кумачовый (как символ революции) / черный (как символ скорби)
<i>функциональное назначение (защита, украшение, ритуал)</i>	носовой / шейный / поясной / аксессуар / декоративный / летний / зимний / демисезонный / праздничный / нарядный / будничные / ритуальный / траурный / соборный
<i>место изготовления</i>	павловский (павло-посадский) / мерлинский / колокольцовский / оренбургский / восточный / турецкий / индийский / цыганский / русский / отечественный / импортный / заграничный / крестьянский / деревенский /
<i>качественные характеристики (размер, форма и др.)</i>	узкий / широкий / большой / маленький (небольшой) / тонкий / толстый / квадратный / прямоугольный / треугольный; девичий / женский / бабий / старушечий / старый (со всеми возможными дополнительными коннотациями: выцветший, линялый, стиранный) / новый; дорогой / дешевый

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

<p><i>прагматические созначения</i></p>	<p>любимый / удобный / дорогой как память / самый теплый / грубый / нежный / колючий / мягкий / легкий / воздушный / скромный / благородный (своей простотой) / простой / простенький / простоватый / красивый / подарочный / эксклюзивный / модный; красный / кумачовый (как символ революции) / черный (как символ скорби)</p>
<p><i>ассоциативный слой и культурный код</i></p>	<ul style="list-style-type: none"> - носовой, шейный, головной; - русская матрешка, Аленка (шоколад, сестрица Аленушка); - болезнь (платок → горло, спина); - платок как элемент спецодежды (уборка, приготовление пищи; доярка и т.д.); - прощание, приветствие с использованием платка; - платок как элемент интриги (Отелло); - свадебный обряд (связанные руки новобрачных); - платок как символ невербального интимного общения (знакомство, тайный знак, шельмование, символ сердечного расположения); - «как натянутый платок, гладко залитый коток» → гладкая поверхность; - инициалы на платках → личностный фактор, интимный предмет; - «деревня», «деревенщина» → о девушке / женщине в платке; - «повязала платок как Маруся» – признак «деревенщины», выражение содержит пренебрежительно-снисходительную оценку; - песня-легенда времен Великой отечественной войны «Скромненький синий платочек.», лирический образ оренбургского пухового платка; «подари мне платок, голубой лоскуток.», «темно-вишневая шаль»

Безусловно, данная таблица не претендует на однозначную и исчерпывающую полноту представленных фактов, связанных с лексемой *платок*, а только намечает перспективу объектной характеристики платка как этнокультурного слова-символа. На наш взгляд, особый лингвистический интерес вызывают прагматические созначения по оценочной шкале: мелиоративность / пейоративность, которые потенциально входят в общий понятийный ри-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

сунок лексемы *платок*; а также ассоциативный слой, содержащий определенную ценностную культурно значимую информацию, которая, совершенно очевидно, национально ориентирована и ментально своеобразна.

Номинации головных уборов мотивационно могут быть связаны с конкретными этническими и географическими реалиями, которые ориентируют на определенную этнокультурную информацию.

Так, например, топоним *бретон* происходит от названия города Бретань во Франции, где были распространены и до сих пор пользуются популярностью шляпы с высокими или менее высокими полями, поднятыми вертикально вверх. Другая разновидность бретона – это бретон с отвесными полями или *томми*. Такая шляпа напоминает *болеро*, но в отличие от его выпуклых и загнутых внутрь полей, более плоские поля бретона направлены наружу и их диаметр больше. Заметим, что такая форма шляпы также именуется *томми*.

В словаре Л.П. Крысина обнаруживаем, что Томми – «разговорно-шутливое прозвище солдата британской армии» [Крысин 2007, с. 779]. Вероятно, при номинации рассматриваемого головного убора не последнюю роль сыграл именно этот вторичный мотивирующий признак, как «разговорно-шутливое прозвище».

Номинация *болеро* заимствована из испанского языка (*bole-ro*) [Ногейра, Туровер 1967, с. 50] и соотносится с испанским национальным костюмом. Данная лексическая единица является полисемантической лексемой, где лексико-семантический вариант выделился вследствие метонимического переноса: 1) испанский народный танец; 2) вокальное или инструментальное музыкальное произведение; 3) короткая безрукавка (первоначально – часть народного испанского костюма) [Крысин 2007, с. 136]. Не все исследователи выделяют номинацию *болеро* как головной убор. Однако такая номинация существует в таксоне тематической группы головных уборов, так как действительно представляет собой часть национального костюма.

Тирольская шляпа является прототипом альпийской шляпы, хорошо сочетающейся с одеждой в стиле «casual» – случайный, непреднамеренный» [Мюллер, Боянус 2001, с. 79]. В Австрии эта шляпа является непременным атрибутом национального костюма, и ее также называют *зальцбургской шляпой*. Российский вариант *тирольской шляпы* – сзади поля подняты вертикально вверх, а спереди отогнуты вниз.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Калабрийская шляпа представляет собой широкополую шляпу с высокой заостренной тульей. Название связано с местом, где данная шляпа впервые появилась, – Калабрией (юг Италии).

Зюйдвестка, шляпа с отворотами, или лоцманская шляпа широко представлена в нашей стране. Поля данной шляпы могут быть отвернуты полностью или частично, а также могут совсем отсутствовать сзади. Номинация *зюйдвестка* заимствована из нидерландского языка и тоже может быть квалифицирована как топоним, поскольку семантически связана с местом. Это «круглая мягкая шляпа из непромокаемой материи с широкими полями, надеваемая моряками в непогоду» [Крысин 2007, с. 286].

Топоним *ковбойская шляпа* появился на западе Соединенных Штатов Америки, где ее носили пастухи, следившие за коровьими стадами, – ковбои. *Ковбойская шляпа* представляет собой «лихую шляпу» с особенно широкими полями, с тульей, примятой с боков. У нее обязательно есть лента или ремешок, который удерживают ее на голове при быстрой езде. Несмотря на то, что *ковбойская шляпа* является типичным атрибутом «бравых» мужчин, в настоящий момент ее носят и представительницы слабого пола.

Среди соломенных шляп особо выделяется *сомбреро* – «испанская или латиноамериканская широкополая шляпа» [Крысин 2007, с. 725]. Данная шляпа похожа на *панаму*, но существенно отличается от последней значительной шириной полей. Номинация *сомбреро* заимствована из испанского языка, где слово «sombra» означает тень [Ногейра, Туровер 1967, с. 770]. И неудивительно, ведь именно благодаря широким полям, падающим на лицо и открытую часть шеи, создается большая тень, так необходимая в жарких странах.

Топоним *панاما* эквадорского изобретения и производства, потому что именно в этой области растет особый вид соломы, используемый для плетения данной шляпы. Вербализация этого головного убора произошла благодаря тому, что в Европу и США он поставлялся исключительно через Панаму. *Панاما* как универсальный головной убор представляет собой «летнюю матерчатую шляпу с мягкими полями» [Ожегов, Шведова 1994, с. 481], которая востребована разновозрастными представителями: от детей до взрослого населения. Данный лексико-семантический вариант выделился вследствие метонимического переноса между предметом одежды и тканью: *панاما* – 1) летний головной убор, имею-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ший форму широкополой шляпы; 2) разновидность ткани из искусственного шелка [Колесников 1995, с. 337].

Номинация *кубанка* мотивационно связана с определенными географическими и этническими реалиями. *Кубанка* – «расширяющаяся кверху барашковая шапка с плоским матерчатым или кожаным верхом» [Ожегов, Шведова 1994, с. 312]. В литературном языке *кубанка* обозначает один из видов *папахи*. Такая шапка является основным элементом костюма кубанских казаков.

Определенную этнокультурную информацию содержат номинации *эннин*, *чепец*, *туре*. *Эннин* – первый предок чепца – прикрывал прическу таким образом, что оставлял открытым большой лоб и достигал таких размеров, что «рядом с дамами, одетыми в эннин,» мужчины «чувствовали себя жалкими кустиками в дубовом лесу» [Захаржевская 2007, с. 67]. Разнообразие чепцов на протяжении всей истории моды было огромным, а масштабы удивительными. Их делали из полотна и прозрачной шелковой ткани, огромных размеров и скромной формы. В Англии, например, в XVI веке *чепцы-турэ* украшали головы придворных дам и являли собой пример национального изобретения. В России же *чепцы* носили, как правило, городские женщины. Интересно, что в начале XX века обязательным элементом купального костюма женщин, следящих за европейской модой, был *чепец* огромных размеров.

Чепец – «женский или детский головной убор в виде капора, закрывающего волосы, завязывающегося под подбородком» [Ожегов, Шведова 1994, с. 868]. Толкование данной лексемы в качестве женского головного убора считаем в настоящее время устаревшим, а сама номинация *чепец* принадлежит к пассивному пласту лексики – историзмам. Современное употребление номинации *чепец* соотносится только с детским головным убором. Подлинно известно, что *чепцы* появились еще в средневековье, когда к платью *роб* можно было надеть *чепец-эннин*, «напоминающий сахарную голову, который к тому же еще и покрывался длинным прозрачным покрывалом, ниспадающим на шлейф платья» [Захаржевская 2007, с. 67].

В конце XIX и в начале XX века консервативно настроенные дамы в возрасте (а таковыми считались замужние женщины, которым было немного за сорок) предпочитали такие же консервативные головные уборы, но с небольшим модным украшением. Выбор их, как правило, останавливался на домашних вариантах *чепцов* и на так называемых *куафюрах* – кружевных сложных сооружениях с *фалдами* на затылке для балов.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Популярнейшим головным убором у женщин солидного возраста является *ток* – шляпка с маленькими или лишь намеченными полями, с характерной фигурной формой тульи, создаваемой углублениями и складками. Само слово французского происхождения (*toque* – шапочка, колпак) [Скакун 2003, с. 877]. Интересно, что во второй половине XVI века, этот головной убор представлял собой берет без краев, со складками на тульной части и являлся деталью мужского и женского национального костюма. В языке отмечены фонетические варианты *ток* и *тока*. Вероятно, это связано со способом деривации: либо при помощи русской словообразовательной флексии (*ток+а*), либо собственным заимствованием (*ток* – *toque*). Так или иначе, между двумя этими лексемами не существует семантического отличия.

Номинации *шляпа форейтора*, *охотничья шляпа* как разновидности женских головных уборов семантически тяготеют к описанным типам номинаций. *Шляпа форейтора* с вертикально отвернутым вверх полем с одной стороны и опущенным вниз – с другой является очень популярной у женщин в межсезонье. Не менее излюбленным головным убором у представительниц слабого пола является *охотничья шляпа*. Этот головной убор по внешнему виду имеет множество вариантов, но, как правило, образцом для него служит так называемая *шляпа лесничего* или *охотника* с полями, отогнутыми по бокам.

Полисемантическая лексема *капот* – «небольшая, высоко надетая дамская шляпа» [Ракитина, Кнушевицкая 2008, с. 43] – заимствована из французского языка [Фасмер 2004, Т. II, с. 187]. Многие исследователи толкуют данную устаревшую номинацию как женское легкое домашнее платье, род халата (С.И. Ожегов, В.И. Даль, Л.П. Крысин, М. Фасмер, Л.В. Беловинский). Вероятно, такой лексико- семантический вариант появился в результате метонимического отождествления предметов одежды. Кроме этого, данная лексема вступает в отношения омонимии: «капот (спец.) – откидная крышка различных механизмов» [Ожегов 1994, с. 229].

В лексико-семантическом пространстве понятия головных уборов широко представлен «антропонимический подход» при создании номинаций. Имя максимально нагружает смыслом денотат антропонима и соотносится с реальным человеком. Понимание и адекватная расшифровка значения этого имени предполагает получение соответствующей информации о человеке, именем которого назван тот или иной предмет.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Номинации-персонимы (антропонимы) в своей семантике содержат набор денотативных признаков, которые неотделимы от конкретной личности. Прагматические значения таких антропонимов predeterminedены и обусловлены конкретно-чувственным представлением о собственном имени его носителя. Номинации-персонимы закономерно вербально выделяют предметы, объекты, реалии и т.д., сохраняя не только языковую информацию, но и обязательно сведения этно-, лингвокультурологического и историографического характера.

Номинации-персонимы головных уборов, как правило, появляются от имен личностей, которые создали или ввели в употребление ту или иную его разновидность [Матосян 2008, с. 5]; например, упомянутые ранее: *буденовка*, *фрунзевка*, «*а-ля Шанель*»; а также «*а-ля Рубенс*», «*а-ля Рембрандт*», *боливар*, *арафатка*, *лужковка*, *шляпа Гибуса*, *шапокляк* и др.

Боливар – «широкополая мужская шляпа, бывшая в моде в 20-х годах XIX века» [Крысин 2007, с. 136] – получила свое название по имени лидера освободительного движения в борьбе за независимость испанских колоний в Латинской Америке – Симона Боливара. В дальнейшем в его честь будет названо государство Боливия. Известно, что размеры полей *боливара* были столь велики, что затрудняли проход в узкую дверь без снятия шляпы с головы. Этот убор был также своеобразной формой выражения политических симпатий и даже протеста против существующих положений.

Большие шляпы с плоскими полями сегодня носят наименование – *шляпа «а-ля Рембрандт»* или *шляпа «а-ля Рубенс»*.

Эти головные уборы названы так потому, что актуальны для портретной живописи упомянутого художника.

Наименование *шапокляк* зафиксировано в качестве синонимичного обозначения известного *цилиндра*, который к концу XIX века украшал голову модников. Данная лексема заимствована из французского языка, где «*chapeau claqué*» обозначает «цилиндр с закрывающимся механизмом» [Захаржевская 2007, с. 287] или *складной цилиндр*. Данный предмет был изобретен в 1835 году и часто назывался «*шляпой Гибуса*» по имени его создателя – французского ученого Gibusshot.

Современным носителям русской культуры известен мультипликационный персонаж Эдуарда Успенского – Шапокляк. Путем метонимического переноса автор книги «Крокодил Гена и Чебурашка» называет женщину с отвратительным характером имен-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

но так, обращая наше внимание на ее головной убор, фантастическим образом трансформирующийся в руках хозяйки. Проведя параллель с XIX веком, когда *шапокляк* был обязательной принадлежностью бального туалета мужчин к фраку, можно сделать вывод, что Эдуард Успенский сравнивает свой персонаж с предметом и персонифицирует его.

Прагматически оценочными являются номинации *лужковка*, *лужок*, которые в разговорном варианте означают кепку, названную так по фамилии бывшего мэра Москвы Юрия Лужкова, которая являлась непременным атрибутом его образа.

Арафатка – «визитная карточка» известного лидера Палестинского движения сопротивления, председателя Исполкома Организации освобождения Палестины, президента этого государства, а также лауреата Нобелевской премии мира Ясира Арафата.

Арафатка являлась непременным атрибутом его имиджа: нигде и никогда не появлялся Ясир Арафат без этого головного убора, который является элементом национальной одежды в арабских странах. Номинация *арафатка* распространена преимущественно в российской действительности; в арабском мире этот головной убор именуется *шмаг* и представляет собой платок, покрывающий традиционно голову настоящих мужчин и удерживаемый черным кольцом, которое называется *икаль* (головной обрuch).

Этнокультурологические составляющие, входящие в «лексический фон» данной языковой единицы, связаны с различной расцветкой платков, со способом их ношения, региональной принадлежностью, социальным статусом и т.д. Так, например, в Палестине этот головной убор только черно-белый (в клетку), его носят с любой формой одежды. В Йемене, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратах и других странах *шмаг* может быть разной расцветки, с разным рисунком, но носится он только с национальной одеждой. Особенно обязательным для всех в арабском мире он оказывается в пятничный – мусульманский день, на свадьбах, в контексте фольклорно-национального костюма. Способ повязывания *шмага* содержит региональный компонент, свидетельствующий о социальном расслоении (бедные / богатые, городские / деревенские).

Прагматические коннотации лексического значения данной языковой единицы оказываются ситуативно и контекстуально зависимыми: они могут быть как положительными, так и отрицательными. Для палестинцев – это однозначно символ свободы,

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

независимости, борьбы; и номинация в таком контексте приобретает мелиоративную прагматическую оценку. Принципиально другим оказывается ассоциативный образ, связанный с *арафаткой*, для израильтян – это символ агрессии, насилия, непримиримой вражды и т.д., и в этом случае прагматические созначения связаны с пейоративной оценкой данной номинации. Оценочный компонент наслаивается на денотативный. Семы оценки выражают позитивное или негативное отношение к характеризуемому явлению.

Семантический объем описанных наименований включает в себя обязательные семантические маркеры, которые эксплицитно и имплицитно репрезентируют определенный объем этнокультурных знаний в представлении носителей русского языка и участвуют в формировании понятия «головной убор».

3.3. Номинации головных уборов как социовербальные маркеры

Первичная функция любой одежды, и головных уборов в частности, безусловно, защитная. По сути это экзистенциальная функция, поскольку, защищая от различных неблагоприятных воздействий внешней среды, она помогает выжить человеку в любых экстремальных условиях. Номинации головных уборов эксплицитно и обобщенно содержат в своей внутренней форме семантический первичный функциональный признак. Однако функциональное назначение конкретных головных уборов содержит определенную частную специфику, манифестирует различные специфические признаки предмета и объекта. Так, например, некоторые головные уборы выполняют функцию украшения (декоративная функция), другие функционируют в качестве непременной составляющей в традиционных национальных обрядах (ритуальная, магическая функция), третья разновидность головных уборов является обязательным атрибутом форменной одежды (сигнификативная функция) и т.д.

Основное функциональное действие – защита от воздействия внешней среды – отражают многие номинации головных уборов. Однако для некоторых названий этот общий абстрактный маркер получает уточняющие дополнительные оттенки, выражающие функциональную специфику, социально обусловленную, например, *шлем (мотоциклиста, автомобилиста), москитная сетка пчеловода, разновидности капюшонов (от дождя, снега, ветра, солнца), специальный колпак для сна, резиновая шапочка для*

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

плавания и др. Фиксируя в сознании нюансы, оттенки основного действия, коллективный номинант объективирует информацию о практическом применении того или иного предмета.

Ассоциативно-вербальный образ, относящийся к изучаемому понятию, в сознании носителей русского языка связан с головным убором как неперенным атрибутом профессиональной принадлежности. Головной убор является необходимой деталью профессионального костюма, профессиональной одежды, спец-одежды, своеобразным дресс-кодом, униформой (форменная одежда), например, *пилотка стюардессы, бескозырка моряка, шлемофон космонавта, скафандр космонавта, скафандр водолаза* и т.д. Таким образом, в зависимости от доминирующих функций головной убор может быть не просто вещью, а может быть социально-культурным объектом, репрезентирующим определенные знания и сведения социокультурологического характера.

Например, *шлем* как специальное защитное устройство для людей разных профессий в то же самое время является форменным головным убором военных, летчиков: «старинный металлический воинский головной убор, защищающий от ударов, стрел» [Ожегов, Шведова 1994, с. 886].

М. Фасмер утверждает, что лексема *шлем* заимствована из церковнославянского языка вместо исконно русского слова «шлем» [Фасмер 2004, Т.IV, с. 424]. В современном русском языке существует и производная номинация *шлемофон*, которая имеет только специальную сферу употребления и толкуется как «шлем летчиков, космонавтов, танкистов с приспособлениями для включения в переговорные и другие устройства» [Ожегов, Шведова 1994, с. 886].

Шлем появился много веков назад. Все зафиксированные в языке подвидовые номинации разновидностей шлемов так или иначе связаны с внешним видом, технологией их изготовления, исходным материалом: *железные шлемы, бронзовые, металлические; «крылатые шапки»* – нормандские шлемы с украшением в виде перьев; *шлемы коринфского и беотийского* типов назывались *пилосы*.

В латинском языке *металлический шлем* назывался «*cassis*», откуда и произошло французское слово «*casque*», а затем и русское «*каска*» [Крысин 2007, с. 343]. С развитием новых технологий *каска* стали делать не только из металла, но из синтетических материалов, что повлияло на функциональное назначение каски.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Каска является не только защитным шлемом военнослужащих, а также защитным головным убором для других категорий лиц, действующих в опасных условиях (шахтеры, строители, спелеологи, спасатели, парашютисты и т. д.). В Российской армии данный атрибут официально носит название «*шлем стальной*», и появился он еще в XVI веке. За основу была взята французская «*каска Адриана*», но русские конструкторы сделали свою *каска* цельной, а не сборной из трех частей. Металл на *каска* стал значительно прочнее, так как вместо обычной стали была использована броневая.

Первоначально немногочисленные «*каска Адриана*» французского и русского производства можно было увидеть лишь на парадах на бойцах привилегированных частей (например, Пролетарской дивизии). *Каску* нового образца приняли на вооружение РККА под названием «*красноармейский шлем стальной образца 1935 года*», а «*каска Адриана*», хранившиеся на складах, передали в пожарную охрану. Впоследствии выяснилось, что большие поля новой *каска* создают большую парусность. В 1940 году была принята на вооружение *каска* нового образца – «*шлем стальной образца 1940 года*», которая без особых изменений просуществовала несколько десятилетий. По сути, она используется Российской армией и до сих пор.

Наши лингвистические наблюдения снабжены историко-культурологическим комментарием, который существенно помогает уточнить семантическую структуру лексем *шлем*, *каска*. При анализе конкретной лексики совсем не просто отличить лингвистические знания от экстралингвистических. Как сторонники широкой концепции семантики полагаем, что оба типа знаний участвуют в процессе порождения и понимания языкового знака.

Подвидовые номинации, несмотря на их определительную семантическую структуру (*крылатые шапки*, *бронзовый шлем*, *стальной шлем*, *металлический шлем*, *каска*, *металлическая каска*, *пилос*, *каска Адриана*, *красноармейский шлем стальной образца 1935 года*, *шлем стальной образца 1940 года*), недостаточно информативны без соответствующего исторического комментария. Объяснительные мотивы появления данных разновидностей и соответствующих им названий как раз и содержатся в лингвокультурологической справке.

Заметим, что во все времена головной убор указывал как на профессию, так и на род деятельности человека, и это одна из самых отличительных особенностей понятия «головной убор» как

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

социального явления. Так, в Западной Европе XIV-XV веков берет отличал врача, *черная шапочка* – богослова и ученого, *по бобровой шапке* узнавали нотариуса. Официальный костюм членов Французской академии обязательно включает в себя *треугольную шляпу*. Особые мантии и квадратные шляпы – *конфедератки* предназначены для торжественной церемонии принятия ученого, а также до настоящего времени – в члены Лондонского королевского общества.

На протяжении тысячелетий люди с удивительным постоянством подтверждали свою приверженность знаковым функциям головных уборов. Вероятно, поэтому, со *шляпами* как со стержневым понятием данной тематической группы связывали принадлежность к тем или иным общественным группировкам, которые играли активную роль в политике. Например, в Англии сторонники так называемого «долгого парламента» в 1640-х годах получили от аристократов пренебрежительную кличку «круглых шляп» за то, что носили круглые плоские шляпы. Такой же антагонизм был в Швеции в XVII веке, когда шла непримиримая борьба между «партией шапок» и «партией шляп» [Буровик 1991, с. 19]. Заметим, что социально-знаковая функция головных уборов в наше время, безусловно, стала слабее, хотя и не исчезла совсем (напр., *колпак повара, шлем военного, фуражка полицейского* и т.д.).

Номинации, репрезентирующие головной убор как часть форменной одежды и в то же самое время являющиеся социовербальными маркерами, широко представлены в языке: *черные, синие, краповые береты; фуражка (военная, полицейская), бескозырка / матроска, мичманка, пилотка, шапка, шапочка, колпак, косынка: врача, повара, кондитера* и т.д.

Лексема *берет* – заимствование из французского языка (*beret*) – первоначально означало *баскскую шапку*. В латинском языке слово «*birrus*» означает «красный» [Фасмер 2004, Т.1, с. 156]. В настоящее время *берет* толкуют как «мягкий свободно облегающий головной убор» без указания на определенный цвет. Лексико-семантическим вариантом к современному *берету* считают номинации *беретик* в разговорном языке и *беретка* как просторечие [Крысин 2007, с. 123].

У данного головного убора довольно «солидный» возраст. Уже в 400-х годах до нашей эры *берет* появился у древних племен этрусков, и носили его крестьяне и охотники. Много столетий спустя, в XV – XVI веках, *берет* стал частью костюма, его носили и императорские особы, и их приближенные, и мужчины, и женщи-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ны, не снимая ни в театре, ни в гостях. В России же *берет* появился только около 200 лет назад и до сегодняшнего дня не выходит из моды. Этот головной убор может выглядеть по-разному, все зависит от того, из какого материала его производят и как носят на голове.

В некоторых родах войск *берет* является форменным головным убором. Перед первой мировой войной *берет* был распространён в неуставной форме европейских армий, а накануне войны стал официально утверждённым элементом формы танковых войск, технического персонала и некоторых специальных подразделений. Во время Второй мировой войны *берет* стал отличительным элементом одежды десантных и иных войск особого назначения. В настоящее время в России у военнослужащих *берет* ранжируется по цветовой гамме, которая считается необходимым релевантным маркером форменной одежды.

У воздушно-десантных войск *берет* – голубого цвета, у морской пехоты – черного. При помощи метонимического переноса в русском языке образовались такие номинации, как: *зеленые береты*, *голубые береты*, *черные береты*, *краповые береты* для обозначения военнослужащих по цвету их головного убора. *Зеленые береты* – это обиходное название военнослужащих американских отрядов специального назначения, действующих на территории зарубежных стран; *голубые береты* – обиходное название военнослужащих сил ООН; *черные береты* – общепринятое название военнослужащих отрядов милиции особого назначения (ОМОН).

Крапоеый берет (от «крап» – расцветка в виде брызг на чем-либо) [Ожегов, Шведова 1994, с. 297] – форменный военный головной убор – символ подразделений специального назначения. Его полагается носить только тем военнослужащим, которые достойны данного права по своим профессиональным, физическим и моральным качествам. На право ношения *крапового берета* проводятся квалификационные испытания, также он может быть вручен за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга в боевых действиях и специальных операциях, или за особые заслуги в деле развития подразделений и частей специального назначения.

Другим форменным головным убором является *фуражка*. По мнению некоторых исследователей (напр., Л.В. Беловинский), *фуражке* предшествовала сначала *фуражная шапка*, которая появилась в России в конце XVIII века и имела вид мягкого суконного *колпака* с околышем, свешивавшимся набок. *Фуражка* в XIX

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

веке являла собой форменный головной убор, обязательной принадлежностью которой был козырек с кокардой, соответствующей тому или иному ведомству.

Высота *фуражки* и форма тульи менялись со временем. Так, в 1907 году появились *походные фуражки* защитного цвета, солдатам были даны козырьки, а в 1909 году у них кокарда стала помещаться на околыше, и номер полка переместился на погоны. В начале XX века *фуражка* стала универсальным летним головным убором. Во многих странах *фуражка* до сих пор является форменным головным убором полицейских, пожарных и железнодорожников. *Фуражки* военных из разных стран отличаются по форме, цвету и размеру.

В словаре Л.П. Крысина зафиксировано: *фуражка* – «первоначально – шапка, надеваемая при работе с фуражом» [Крысин 2007, с. 850]. Находим, что «фураж» – французское слово, толкуемое как «концентрированные корма, сено или солома для скота, лошадей, птицы». Таким образом, становятся очевидными некоторые семантические сдвиги внутри данной номинации вследствие исторического и культурного развития общества. *Каскетка* – разновидность легкой *фуражки*.

С середины XIX века мужчины России носили *картузы* – круглые суконные шапки с двумя большими козырьками-отворотами, которые были многофункциональны: летом отвороты впереди – от солнца, сзади – от дождя, зимой – развернутые и козырьками прикрыты уши. *Картузами* в XIX веке называли «мешки из быстро сгорающей ткани для боевого заряда» [Евгеньева 1999, Т. II, с. 36] от немецкого слова «*Kartuse* – кулек». Фуражку с козырьком в это время называли *карпуз* на голландский манер, и, вероятно, через определенный момент данная реалия получила наименование *картуз*.

По словам Р.М. Кирсановой, «в отличие от фуражки, *картуз* не был деталью форменного костюма» [Кирсанова 1989, с. 105], а был близок с ней только по форме. *Картуз* не имел отличительных знаков, указывающих на сословную принадлежность хозяина, хотя его чаще всего носили отставные чиновники, деревенские помещики или управляющие. Полагаем, что именно этот факт послужил причиной появления в сознании людей определенной понятийной ассоциации – «простой человек у власти» носит фуражку.

Номинация *кокарда* заимствована из французского языка (*cocarde*) [Новейший словарь иностранных слов и выражений

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

2002, с. 409]. Этот знак принадлежности к государственной службе был учрежден в России в 1730 году в виде белого банта на левом поле *треуголки*. В 1801 году *кокарда* получила вид большой круглой матерчатой розетки в складку, черной, с оранжевой кромкой, которая с 1815 года обводилась белой полоской. В 1844 году офицерам, а в 1855 году и солдатам была дана кокарда выпуклая овальная жестяная в форме расходящихся лучей с черным центром.

А в 1857 году она была заменена металлической *кокардой*, круглой и меньшего размера. *Коккарда* как форменный знак на головных уборах появился в Советских Вооруженных Силах с 1940 года для высшего командного состава, а позднее – для офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы [Ожегов, Шведова 1994, с. 276].

В качестве обязательного зимнего головного убора армии и полиции с 1940 года введена *шапка-ушанка*, которая до сих пор является форменным головным убором российской армии.

Бескозырка – «головной убор с твердым околышем без козырька» [Ожегов, Шведова 1994, с. 41] – представляет собой форменный головной убор матросов. Номинация является исконно русской, а прототипом для нее послужила *фуражная шапка / фуражка*. В результате того, что к *фуражке* в начале XIX века не пришили козырек, появилась новая реалья, отличающаяся от прежней внешним видом. Правильным точным наименованием этого головного убора, по всей видимости, должна быть номинация *фуражка- бескозырка*, хотя в разговорной среде часто употребляется другая номинация – *матроска*, семантически синонимичная указанной номинации; названа так по своей социальной принадлежности.

Первоначально такую *фуражку-бескозырку* должны были носить солдаты, а затем и матросы русского флота. Известно, что форма военных часто менялась. Так, с 1803 года офицеры носили треугольные шляпы, а матросы – круглые шляпы с широкими полями. А когда с 1874 года была введена новая флотская одежда, головными уборами моряков стали – *фуражка* у офицеров и *фуражка- бескозырка* у матросов. *Бескозырка* же того времени отличалась от современной отсутствием ленты, темно-зеленым цветом и крупными пробивными номерами флотских экипажей на околышах.

С середины XIX века на *бескозырках* стали делать узкие белые канты – деталь, сохранившаяся и на современных бескозыр-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ках. В 70-х годах XIX века на российском флоте была введена *черная бескозырка с лентой*, на которую наносились названия экипажа и корабля. Лента удерживала в ветреную погоду *бескозырки* на голове матросов, так как концы ленты обвязывалась во круг шеи. Впоследствии наряду с черными лентами были введены георгиевские – по имени ордена, имеющие такой же вид, как и современные гвардейские ленты.

Бескозырка признана удобным форменным флотским головным убором, и по этой причине они были введены на многих флотах с теми или иными изменениями в качестве униформы.

Данная реалия явилась прототипом головного убора, который называется *канотье* или *матлот*. Лексема *канотье* является заимствованием из французского языка, где слово *canotier* производно от «*canot – лодка, челно*», и, следовательно, означает «*гребец*» [Новейший словарь иностранных слов 2002, с. 372]. Сначала *канотье* носили только моряки. Известный английский флотоводец, вице- адмирал Нельсон, утвердил этот головной убор как часть морской униформы. Позже *канотье* стал излюбленным головным убором мужчин и женщин, носивших эту шляпу с платьями и костюмами, украшенными морскими полосками. Во Франции этот головной убор известен как *матлот* (*matelot – матрос*) [Скакун 2003, с. 364] – матросская шляпа. В Австрии такой головной убор называют *жирарди*.

Различные номинации *матлот*, *канотье*, *жирарди* можно считать лексическими синонимами и в то же время они являются разновидностями *соломенной шляпы*. *Соломенная шляпа* с данными номинациями имеет ряд общих релевантных признаков: это шляпа с прямыми горизонтальными полями, которые могут быть различной ширины, одинарными и двойными; внешний край полей может быть как закругленным, так и угловатым; тулья – горизонтальная, прямая и угловатая.

Пилотка – летний форменный головной убор военных. В русской армии *пилотка* появилась с 1935 года. В настоящее время у каждого рода войск *пилотка* своего цвета. У солдат наземных войск головной убор болотного цвета – под цвет формы, а моряки носят *пилотки* черного цвета. Сейчас *пилотка* является самым распространенным форменным головным убором – от пехоты до авиации, даже в магазинах можно встретить продавцов в подобных головных уборах.

Частью форменной одежды повара или кондитера является *поварской колпак*. Обязательное наличие данного головного убо-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ра у поваров продиктовано санитарно-гигиеническими нормами и правилами, и головной убор в этом случае выполняет функцию социально-ролевого назначения. Среди поваров существуют различия в званиях. Главным является шеф-повар и его достаточно легко узнать по самому высокому *колпаку*. Высота его *колпака* достигает 30 сантиметров, а на головном уборе можно увидеть логотип того заведения, в котором работает повар. Колпак пониже (высотой около 20 сантиметров) носит помощник шеф-повара. У остальных работников кухни колпаки еще ниже. Иногда современные работники кухни носят вместо *колпаков* маленькие *шапочки, пилотки, бейсболки* или *банданы*, что является в свою очередь отражением модных тенденций.

Головной убор как обрядовый символ сохраняет социовербальную маркированность; например, *фата, траурная косынка / повязка* и др. содержат определенную социальную символику.

Интересна история происхождения *фаты* христианской невесты. Доподлинно известно, что статус *белой фаты* как символ непорочности и чистоты сложился еще в IV веке, в это же самое время *черная фата* была наделена траурной символикой. В Древнем Египте женщины кутались в полупрозрачное покрывало *биссис*, которое носили и гречанки. Древнеримская невеста на свадьбе была с головы до ног закутана в ярко-желтую, блестящую как пламя *вуаль*. Считалось, что *вуаль* надежно защищала от нескромных взглядов. Как и в настоящее время, снимал древнюю *фату* супруг.

На Руси был свой ритуал для свадебных головных уборов. *Фату* для невесты изготавливали из белой фабричной ткани (батиста, тюля) и набрасывали невесте на голову до того, как она отправлялась в церковь под венец. После же венчания *фату* обязательно снимали и надевали молодой *кичку с сорокой*, а сверху на них – красные крученые шелковые пряди. В день свадьбы невеста надевала *свадебную корону*, расшитую и украшенную жемчугом, парчой, камнями. Этот головной убор в северных губерниях России назывался *конурой* или *корунной* [Буровик 1991, с. 23]. Данные номинации квалифицируем как лексико-фонетические варианты.

В настоящее время *фата* – символ чистоты и непорочности, обязательный атрибут к подвенечному платью невесты. Цвет данного головного убора напрямую зависит от выбора современной девушки – от белоснежно белого до ярко красного. В каче-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

стве украшения к *фате* может быть добавлена *диадема* или *корона*.

Номинация *диадема* происходит от греческого слова «*diadema*» головная повязка [Крысин 2007, с. 251]. Первоначально этот головной убор служил головной повязкой персидских царей и древнегреческих жрецов, чуть позже этот головной убор царей стал знаком верховной власти. Отмечен лексико-фонетический вариант *диадима* наравне с *диадемой* как «головное украшение, вроде повязки, короны, венца, половинчатого начельника» [Даль 2004, с. 171].

Исследователь Л.В. Беловинский приводит другую номинацию *бандо* в качестве *диадемы*: «*бандо* – ювелирное украшение: диадема в виде повязки или венка из эластично скрепленных в оправе драгоценных камней» [Беловицкий 2007, с. 33]. Возможно, существует некая семантическая связь между лексемами *бандо* и *бандана*, так как, доподлинно известно, что последняя происходит от английского слова «*bandana*» – мужской цветной платок или цветная лента, повязываемые вокруг головы [Крысин 2007, с. 114].

Заметим, что в обоих толкованиях общей категориальной семьей является «повязка», «повязываемый», что, вероятно, и служит показателем верности предположения относительно семантического сходства двух номинаций.

Лексема *фата* заимствована в русский язык с Востока, где наименования «*futa*», «*fota*» обозначали передник [Крысин 2007, с. 817], полосатую ткань индийского производства [Буровик 1991, с. 12]. В словаре В.И. Даля находим следующее толкование *фаты* – «большой шелковый плат, обычно два неразрезных платка, которыми женщины покрывали голову и часть стана; *канаватная фата*, золотоцветная, полупарчовая; *кисейная, кружевная фата*, покрывало, вуаль» [Даль 2007, с. 270]. Современное определение *фаты* совершенно четко отображает ее исконное прошлое, так как оба толкования семантически совпадают. «*Фата* – закрывающее голову и верхнюю часть тела легкое женское покрывало из кисеи, кружев, шелка» [Ожегов, Шведова 1994, с. 838].

Изучение номинаций головных уборов как социовербальных маркеров включает и такое понятие, как *гарик*, поскольку этот предмет выполняет, с одной стороны, функцию головного убора, а с другой, – является своеобразным украшением. Лексема «*ларик*» заимствована из латинского языка (нидерландский – «*paruiк*», французский – «*peruque*», итальянский – «*pergussa*») и

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

обозначает накладные волосы, нашитые на матерчатую основу [Крысин 2007, с. 567].

Франция представляла собой европейский центр производства *париков*. В первой четверти XVIII века в России появился *алонжевый парик* или *алонж*, который представлял собой «мужской парик с очень длинными, у щеголей чуть не до пояса, локонами» [Беловинский 2007, с. 12]. Белокурые *алонжи* были привилегией королевской семьи во Франции. *Парики* в Европе становятся элементом форменной одежды в армии. Сначала они представляли собой гладко причесанные *парики* с косичкой, черным бантом в ее основании и с буклями на висках, затем – *парики* с довольно длинной косой определенного размера, а в 1801 году у солдат были вовсе отрезаны косы, убраны букли и короткий пучок сзади перевязывался лентой с бантом. В первой половине XIX века *парики* вообще были отменены у военных, и сохранились только у пожилых людей, а в быту в случае необходимости заменялись *накладками* или *шиньонами*.

В настоящее время *париками* или *шиньонами* украшают голову в основном пожилые люди (в силу определенных возрастных обстоятельств) или артисты для придания сценического образа. Номинация *шиньон* заимствована из французского языка, и толкуется однозначно как «женская прическа с накладными локонами из чужих волос, а также сами такие волосы» [Крысин 2007, с. 885].

Определенный лингвистический интерес вызывают номинации некоторых деталей головных уборов: *вуаль*, *козырек*, *кокарда*, *околыш*, *тулья*, *капелина*, *поля*, *перья*, *султан*, *плюмаж*, *эгрет* и т.д. Каждая деталь или часть головного убора выполняет различные функции и имеет специфическое функциональное назначение.

Вуаль – «сетка, прикрепляемая к женской шляпе и закрывающая лицо» [Крысин 2007, с. 170] – выполняет защитную функцию от посторонних взглядов. Лексема заимствована из французского языка, где слово «voile» обозначает завесу. Посредством уменьшительно-ласкательного суффикса -к- образовалась в языке производная лексема – *вуалетка*, представляющая собой небольшую короткую *вуаль*. Другая функция вуали – декоративная: она служит в качестве украшения. Первоначально *вуаль* являлась частью костюма и служила для закутывания всего тела. Вероятно, возникнув на Востоке, она проникла в Грецию, а

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

оттуда пришла в Европу. В сознании носителей языка вуаль символизирует о таинственности, загадочности, неузнаваемости и др.

Как невозможно представить себе головной убор (шапку, шляпу, фуражку) без верхней части, которая носит название *тулья*, так и невозможно изготовить *шляпу* без ее мягкой заготовки. Эта заготовка – *капелина* – предназначена для того, чтобы обрести в руках «шляпных дел мастера» окончательную форму шляпы. *Капелина* имеет круглую тулью средней высоты и ровные горизонтальные или слегка приподнятые поля. Лексема *тулья* происходит, «вероятно, от тулить, укрывать, покрывать, закрывать» [Фасмер 2004, Т.IV, с. 119], а лексема *капелина* – через немецкое слово «*kapelle*» [Фасмер 2004, Т.II, с. 184]. *Околыш* – плотный ободок, облегающий голову, как и *тулья*, является обязательной частью головного убора.

Несколько иные функции выполняет *козырек*. С одной стороны, он оберегает лицо человека от солнца, а с другой, представляет собой обязательный элемент форменного головного убора. Даже существует устойчивое выражение – «*сделать (взять) под козырек*», которое означает «отдать честь повременному, приложив руку к козырьку» [Ожегов, Шведова 1994, с. 276].

Значимой деталью головного убора являются *поля*. Основное их назначение сформулировано в определении: «край шляпы, отходящий в сторону или вниз от тульи» [Ожегов, Шведова 1994, с. 542]. Защитный элемент выражен в рассматриваемой детали эксплицитно, по внешнему показателю. Тем не менее, эта деталь головного убора символизирует некий романтический стиль, особенно если шляпа имеет большие неравномерно загнутые поля.

Функцию украшений выполняют такие детали головных уборов, как: *перья, султан, плюмаж, эгрет, эспри, плерез, бант, рюш, мантоньерки, блонды* и т.д. Некоторые из них украшают головные уборы даже военных (например, *султан, плюмаж*), все остальные предназначены для женского гардероба.

Омонимичная номинация *султан* заимствована из турецкого языка, и оба названия содержат в себе имплицитный признак торжественности и власти. *Султан* как часть военного головного убора в XIX – начале XX века использовали на *треуголках, киверах, касках, кепи, шапках, папахах казаков*. Изготавливали *султан* из петушиных перьев, висячим – из конского волоса, стоячим, набранным из короткого конского волоса на проволоке в форме цилиндрической или конусообразной щетки.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Плюмаж – украшение из перьев на головных уборах. Как сама реалья, так и ее номинация заимствована из Франции, где слово «plumage» буквально означает «оперение» [Крысин 2007, с. 602]. Однако первоначально *плюмаж* появился в Европе на рубеже XVII – XVIII веков в качестве отделки из перьев по краям *треугольной шляпы*. *Плюмаж* делали из мелких страусовых перьев, в XIX веке – из петушиных.

Эгрет и *эспри* служат украшением женских головных уборов. Обе лексемы являются заимствованиями из французского языка, где «aigrette» – «хохолок, султанчик» [Крысин 2007, с. 901], а «esprit» – «ум, смысл» [Новейший словарь иностранных слов и выражений 2002, с. 963]. Хотя исследователь Л.П. Крысин, полагает, что *эгрет* // *эгретка* – это лишь торчащее вверх перо или пучок перьев, фактически *эгрет* – небольшое ювелирное украшение-композиция, в которое вставляются страусовые или другие птичьи перья. Пушистые страусовые перья на женских шляпках называются еще *плерезы*.

Мантоньерки – завязки под подбородком, изготовленные из шелковых лент, *блонды* – кружева ручного плетения из неокрашенных шелковых нитей, называемые таким образом за элегантный золотистый цвет (от французского «blondes» – русые, белокурые, золотистые, рыжеватые) [Новейший словарь иностранных слов и выражений 2002, с. 137]. Многочисленные украшения головных уборов придают им своеобразный романтический вид.

Различным сферам деятельности характерны свои специфические подклассы наименований одежды и соответствующих им головных уборов. Так, например, религиозная сфера представлена специфическими разновидностями головных уборов, которые имеют определенное функциональное назначение. Номинации отражают национальную и религиозную принадлежность головного убора: *кипа*, *камилавка*, *куколь*, *апостольник*, *скуфья*, *митра*, *камауро*, *тиара*, *клобук*, *тубетейка*, *тюрбан*, *чалма*, *чадра*, *паранджа*, *феска* и др.

Для православной веры характерны номинации: *апостольник*, *скуфья*, *митра*, *камилавка* и *клобук*.

Апостольник является предметом одежды православной монахини, представляя собой *головной платок* с вырезом для лица, ниспадающий на плечи и покрывающий равномерно грудь и спину. Лексема образовалась от слова «апостол» (с греческого «apostolos» – посланник): «1. В христианском вероучении: ученик Христа, распространитель его идей. 2. Последователь и распро-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

странитель какой-нибудь идеи» [Крысин 2007, с. 81]. Рассматриваемая номинация *апостольник* эксплицитно выражает духовную значимость этого головного убора для его обладателя.

По словам В. И. Даля, *апостольник* – это *плат*, именуемый *куколь*: «накидка, колпак, пришитый к вороту одежды; видлога, башлык, наголовник, капюшон, куль» [Даль 2005, с. 297]. Л.В. Беловинский отмечает, что *куколь* / *кукуль* – это часть облачения схимонахов (высшая степень монашества в православии), закрывающая голову и часть лица. *Куколь* представляет собой черный остроконечный капюшон с тремя *воскрилиями* (полосками ткани). В настоящее время *куколь* остается монашеским головным убором и, возможно, напоминает *апостольник* только своим внешним видом. Номинация *куколь* заимствована из латинского языка, где «*sucillus*» – капюшон [Фасмер 2004, Т. II, с. 406]. В русском языке существует омонимичная лексема *куколь*, обозначающая «травянистое растение семейства гвоздичных с малиново-розовыми цветками и ядовитыми семенами; сорняк, растущий среди злаков» [Колесников 1995, с. 211].

Скуфья / *скуфия* – повседневный головной убор православных духовных лиц всех степеней и званий. Лексема *скуфья* является заимствованием из греческого языка, где «*σκυφία*» означает *шапку* [Крысин 2007, с. 722]. Тем не менее, исследователь Л.П. Крысин, полагает, что в первом значении этот головной убор представляет собой остроконечную мягкую *шапку* у православных священников, а во втором – черную *тюбетейку* у монахов. Кроме того, Л.П. Крысин выделяет и разговорный вариант данной лексемы, относящийся к обоим толкованиям, а именно, *скуфейка* [Там же].

Однако Л.В. Беловинский считает, что *скуфья* – головной убор всего духовенства и что это невысокая или высокая четырехугольная мягкая *шапка-колпак* с округлым верхом. «У послушников, церковнослужителей и диаконов это единственный головной убор, у прочих – повседневный домашний. У монашествующих *скуфья* черная, у диаконов может служить наградой и тогда шьется из фиолетового или лилового бархата и является высшей наградой, а у иереев такая *скуфейка* – низшая, первая награда» [Беловинский 2007, с. 626]. Небольшие семантические различия в толковании данной разновидности, по нашему мнению, обусловлены различной формой *скуфьи* и функциональным ее использованием в разные исторические периоды развития христианства.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Камилавка – с одной стороны, высокий цилиндрический, с расширением кверху головной убор – почетная награда православных священников, а с другой стороны, – монашеский головной убор. Номинация *камилавка* заимствована из греческого языка, в котором слово «kamelauka» происходит от «kamelos» – верблюд [Крысин 2007, с. 328]. Номинация метонимически обусловлена, потому что первоначально этот головной убор изготавливали из верблюжьей шерсти, которую носили в странах Ближнего Востока для защиты от солнца. В русской церкви *камилавка* появилась во второй половине XVIII века, заменив собой *скуфью*. В настоящее время *черная камилавка* остается постоянным головным убором рясофоров, монахи же носят *клобук*, состоящий из *камилавки* и *черного покрывала* (из шелка или других материалов черных тонов), прикрепленного к камилавке.

Митра – головной убор высшего православного и католического духовенства, надеваемый при полном облачении. Номинация *митра* заимствована из греческого языка и означает *головную повязку* [Крысин 2007, с. 494]. Вероятно, связь богослужебного головного убора и повязки можно обнаружить в том факте, что *митра* украшает священнослужителя, поскольку именно он во время богослужения изображает Царя Христа, и одновременно напоминает о терновом венце, которым был коронован Спаситель.

Данная номинация вступает в отношения омонимии с лексемой *Митра* – бог дневного света, чистоты и правды в древних восточных религиях [Крысин 2007, с. 494]. В православии *митра* является головным убором в виде жесткого парчового полушария, иногда вытянутого, охваченного обручем и увенчанного стоячим бриллиантовым крестом. У католических епископов *митра* представлена «в виде двух выпуклых, вверху заостренных пластин, соединенных очельем и промежуточной подкладкой» [Беловинский 2007, с. 391].

Папа римский является обладателем *тиары* – *митры* с тремя *коронами*. Номинация *тиара* является древним заимствованием из греческого языка, отчасти через латинское слово «tiara» [Фасмер 2004, Т.IV, с. 55]. Еще один головной убор Папы римского – *камауро* – представляет собой красную шерстяную или бархатную шапочку, отделанную белым горностаем (обычно носится в зимнее время года). Находим некоторую семантическую близость между лексемами *камилавка* и *камауро*. Действительно, общий латинский корень «cat», имеющий место в греческом слове

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

kamelos – верблюд, подчеркивает, что номинация *камауро* того же происхождения, что и *камилавка*, так как оба головных убора изготовлены из верблюжьей шерсти.

Головные уборы исламской религиозной принадлежности традиционно представлены номинациями: *тюбетейка*, *тюрбан*, *чалма*, *чадра*, *паранджа*, *феска*; иудейскую религию символизирует известная всем *кипа* и т.д. Заметим, что эти головные уборы, в отличие от вышеупомянутых в христианском вероисповедании, могут носить не только священнослужители, но и все исповедующие данные религии.

Таким образом, исследование номинаций головных уборов, выполняющих функцию определенных социовербальных маркеров, связанных с различными социально-ролевыми действиями носителей той или иной лингвокультуры, позволяет наиболее полно представить когнитивный потенциал изучаемого понятия: с одной стороны, головной убор – это предмет материальной культуры; с другой – это часть / факт духовной культуры народа. Предлагаем интерпретативную трактовку лексико-семантической структуры исследуемого нами понятия: головной убор как предмет материальной культуры относится к материальному слою, который является наиболее актуальным компонентом, основным признаком в содержании понятия. Именно в этом актуальном признаке он и существует для всех носителей языка. Головной убор как часть / факт духовной культуры народа составляет второй слой понятия, так называемый исторический слой, в который включены дополнительные признаки: это и культурно-исторические сведения, и национально-культурная специфика, и лингвострановедческая компетенция, и этнокультурологическая информация. Данное содержание может быть актуальным лишь для некоторых социальных групп. Однако в русле когнитивных процессов познания «пассивные» компоненты актуализируются в аксиосфере русской культуры как определенные ценностные и ментальные категории.

Выводы по третьей главе

1. Лексико-семантическое пространство понятия «головной убор» включает в себя весь «многоликий» мир лексических множеств и подмножеств – «картинок жизни», семантически связанных с опорным общим значением «головной убор». Антропоцентрически ориентированная методика исследования изучаемого понятия позволила выявить его репрезентанты не только на уровне языка, но и, что особенно важно, на уровне языкового сознания, поскольку номинации головных уборов отражают определенный сегмент коллективного сознания, легко проецируемый на действительность и человека. Исследуемые номинации репрезентируют объем знаний, накопленный этносом в процессе практического освоения окружающего мира и осмысления различных явлений действительности.

2. Установление системных связей между словом и обозначаемой им реалией предстает основным принципом исследования семантики лексем, реализующих понятие «головной убор». Изучение этих связей оказывается невозможным без привлечения лингвокультурологической и этнографической информации. Указанные подходы позволяют выявить национально-культурные, национально-ментальные составляющие исследуемых реалий, многие из которых исчезли из повседневного обихода и, как следствие этого, утрачены представления об этих артефактах материальной культуры.

3. Для полного осмысления языкового знака необходимым оказывается национально-культурный код, который содержится в семантической структуре изучаемых лексических единиц. Лингвокультуремы социально-исторической и социально-культурной направленности обладают определенной ценностной установкой, воздействуют на эмоциональную сферу человека и моделируют его поведение; содержат вербально выраженную и имплицитную образную информацию, значимую для понятия «головной убор».

4. Номинации головных уборов репрезентируют различную этнокультурную информацию, существенную для формирования этноязыкового сознания социума. Экспликаторами этнокультурных сведений в работе являются номинации-топонимы, номинации-персонимы, представленные в исследуемой тематической лексике. Номинации, маркирующие головной убор как национальный элемент одежды, содержат в своей семантике пересече-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

кающиеся смыслы этнокультурного и лингвокультурологического характера.

5. Различные социовербальные функции, свойственные головным уборам, предопределили неоднородность лексического состава. Головной убор выполняет не только экзистенциальную функцию, но и является ритуальным, магическим знаком; может быть украшением, и в этом случае он выполняет декоративную функцию. В русском языке широко представлены номинации, репрезентирующие головной убор как часть форменной одежды. Они являются важными социовербальными маркерами, указывающими на профессию, род занятий, деятельность человека и т.д.

6. Разным сферам деятельности присущи свои специфические подклассы наименований одежды и соответствующие им головные уборы. Религиозная сфера представлена особыми разновидностями головных уборов, имеющих не только определенное функциональное назначение, но и семантическую специфику, которая состоит в том, что в лексическом объеме представленных номинаций содержатся семантические маркеры, указывающие на национальную и религиозную принадлежность того или иного головного убора.

7. Понятие «головной убор» – это своеобразный инвариантный конструкт, реализующийся в границах русского лингвокультурного пространства в маркированных по ряду признаков: в вербально- семантическом ярусе языка; в сфере когнитивных феноменов, представленных понятиями, идеями, стереотипами, складывающимися в картину мира, отражающую иерархию ценностей; в прагматической сфере, включающей цели, мотивы, интересы, установки и интенции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие «головной убор» как один из важных факторов жизнедеятельности человека обладает достаточно высокой познавательной значимостью и ценностью в контексте современного антропоцентрического описания языка. Человек и компоненты одежды – единое неразрывное целое, именно поэтому лексика, обслуживающая эту сферу жизни, занимает одно из существенных мест в тезаурусе носителей языка и находится в постоянной лексико- семантической динамике.

В русской языковой картине мира понятие «головной убор» отображает как составляющие этнокультурной и языковой истории русского народа, так и состояние современного русского национального языка, в том числе в его территориальной разновидности. Понятие «головной убор» – это своего рода обобщенное отражение в сознании, мышлении людей основных представлений о свойствах, функциях, особенностях изучаемого объекта в процессе исторического развития, познания реального мира.

Языковая картина мира складывается из слов, возникающих в результате номинации объектов действительности, осуществляемой коллективным номинантом. При этом жизнь и практическая деятельность человека, сфера его быта лучше всего отражаются в предметной лексике, а точнее, в названиях артефактов – тех или иных предметов, сделанных самим человеком для себя, для своего пользования, а потому наиболее близких ему. Головной убор неотделим от социальной и культурной среды, от исполнения ее сущностью человеческого характера. Именно это понятие позволяет сквозь призму языковой материи увидеть человека, творящего язык; выявить, как образ человека, его жизнь и практическая деятельность отражаются и сохраняются в языке.

Внутреннее устройство изучаемого денотативного участка продиктовано особенностями и условиями практической деятельности, а также социальными взаимоотношениями представителей русской лингвокультурной общности. Многочисленные номинации головных уборов, как было выявлено в результате исследования, содержат целый комплекс значимых в лексико-семантическом, этнолингвистическом, лингвокультурологическом отношении характеристик, формирующих стабильную национально-культурную семиотическую парадигму. Выбранные аспекты исследования позволили проследить динамические процессы, связанные с изменением лексемного состава изучаемого тематического пласта;

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

установить параметры экстралингвистического влияния на языковую парадигму головных уборов; выявить основные структурно-семантические закономерности, характерные для данной тематической группы.

Для языковой репрезентации понятия «головной убор» существенным оказывается восприятие описанных артефактов не только и не столько как вещей, выполняющих экзистенциальную функцию, а осознание их как социокультурных объектов, необходимых для дифференциации людей, для социовербализации в зависимости от национальной, религиозной принадлежности, для маркировки в социально-профессиональной сфере и т.д. Исследуемое понятие содержит определенный спектр специфики, обусловленной различными функциями, свойственными головным уборам: например, знаковая, символическая, ритуальная, магическая, декоративная, характерологическая, эстетическая и др.

Символическая роль головного убора исторически заключена в возможности указывать на сословную принадлежность владельца, его имущественное положение, социальный статус, образованность, возраст, знание этикетных правил, модные тенденции, эстетический вкус, разнообразие стилей и т.д. Номинации-символы головных уборов содержат существенную информацию когнитивного характера, позволяющую проследить одновременность становления и развития практической и гносеологической деятельности человека.

Наиболее релевантными признаками, на основании которых объективируется и номинируется предмет, оказываются семантические компоненты, которые эксплицитно и имплицитно представлены в лексико-семантической структуре номинаций головных уборов: тендерный признак, возрастные показатели представителей культурного сообщества, климатические условия, модные тенденции, национально-ментальные особенности и др.

Среди наименований головных уборов, зафиксированных в русской языковой картине мира, достаточно высокий процент лексем с живой внутренней формой, что позволило проследить закономерности процесса номинации данного комплекса лингвокультурных реалий. В частности, выявлено, что акт номинации данных реалий моделируется в результате установления отношения называемого явления к уже известному, поэтому при осознании называемого предмета как представителя определенного класса лингвокультурных явлений возникает ряд признаков, которые содержатся в предметах этого класса. В процессе номина-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ции актуализируется прежде всего тот признак, который несет дополнительную смысловую информацию о реалии, выделяя ее тем самым из ряда подобных.

Процесс номинирования головных уборов основан преимущественно на образно-метафорических сопоставлениях, на образно-мыслительных ассоциациях, в которых определяющую роль играет соматический компонент. Экспликация информации о головном уборе происходит в этом случае за счет пресуппозиций, которые сопровождают образную номинацию.

Выбор разных признаков в анализируемых атрибутах при наименовании обусловлен различными внеязыковыми факторами. Экстралингвистическое параметрирование понятия «головной убор» позволяет учесть существенные семантические маркеры (например, форму, материал, размер, цвет, фасон, функциональное назначение, способ ношения, способ изготовления и др.), значимые для репрезентации исследуемых единиц. Внелингвистические основания способствуют процессу формирования изучаемого лексико-семантического пространства, поскольку появление новых номинаций обусловлено указанными категориями. Полагаем, что все указанные в монографии лингвистические и экстралингвистические основания комплексно эксплицируют семантическую структуру языкового знака, номинирующего головной убор.

Лексико-семантический анализ понятия «головной убор» показал, что среди лексем, репрезентирующих его, обнаруживается значительное число многозначных наименований; номинаций, имеющих синонимы; и незначительное число омонимов. Явление антонимии, присущее исследуемому пространству, имеет особую лингвистическую природу: бинарное противопоставление основано на логико-понятийных отношениях, свойственных данному таксону лексики. Наиболее распространено явление синонимии. В одном синонимичном ряду могут функционировать однословные и составные языковые единицы, общеупотребительные и идиолектные, полисемичные и моносемичные, четко мотивированные и ложно мотивированные.

Структурно-семантическая организация изучаемого пространства основана на гиперо-гипонимических отношениях, которые наиболее типичны и характерны для лексем, номинирующих головные уборы; на принципе дополнительности: к исходному понятию последовательно присоединяются уточнители, образующие различные видовые корреляты.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

Лексика, репрезентирующая головные уборы, включает в свой состав названия как устаревших артефактов материальной культуры, вышедших из употребления, так и названия современных головных уборов; а также названия, которые устарели для нашей действительности, но актуальны и востребованы в другой лингвокультуре. «Картинка жизни», представленная только лексическими единицами, существующими в данное время, не является полной и целостной без включения в нее реалий прошлых лет, которые как раз и позволяют учитывать в современной языковой ситуации динамику развития индивидуального и общественного сознания, а соответственно, динамику развития языкового сознания в целом.

Исследуемая лексика имеет в своем составе как общепотребительные, так и диалектные слова; номинации, составляющие ее активный запас, а также архаизмы и историзмы. Лексические единицы, репрезентирующие понятие «головной убор», свидетельствуют о том, что языковое сознание представителей лингвокультурной общности вербализует в первую очередь полезную информацию о головном уборе. Лексико-семантическое пространство изучаемого понятия характеризуется антропоморфностью: данным лексемам свойственно достаточно жёсткое противопоставление обычного и ритуального ношения головных уборов.

Языковая репрезентация понятия «головной убор» манифестирует о наличии в собственно информирующих множествах номинаций достаточно сильного влияния на деятельность языковой личности прагматического фактора. Как показало исследование, номинации головных уборов небезразличны ко многим аксиологически оценочным категориям: «плохой / хороший», «красивый / некрасивый», «качественный / некачественный», «дорогой / дешевый», «удобный / неудобный», «новый (модный) / устаревший», «традиционный / необычный», «свой (отечественный) / чужой (импортный)», «классический / стильный», «простой / замысловатый, вычурный, эпатажный» и многие другие оценочные оттенки по шкале «мелиоративность / пейоративность». «Лексический фон» наименований головных уборов включает разного рода дополнительные коннотативные значения: эмоционально- оценочные, аксиологически оценочные, экспрессивные, стилистические; прагматические приращения.

Антропогенная роль головного убора предопределяет его характерологическую функцию, в соответствии с которой в названиях головных уборов эксплицитно и имплицитно присут-

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

ствуют разного рода прагматические созначения, актуализирующиеся в определенном контексте и характеризующие внешний облик и внутренний мир человека. Коннотативно-оценочный компонент в семантической структуре значений исследуемых номинаций связан с имплицитными смыслами, значимыми для сознания носителей русского языка.

Исследование подтвердило известную аксиому о том, что различные артефакты материальной культуры содержат ментально значимую информацию. Культура инкорпорирована во все воспроизводимые единицы языка в форме национально-специфического кода, а язык в свою очередь является таксоном культуры. Номинации головных уборов содержат многослойную, разноплановую ценностную информацию этнографического, историкографического, культурологического и ментального характера. Экспликаторами этнокультурных и лингвокультурологических сведений в работе являются номинации-топонимы, номинации-персонимы, широко представленные в исследуемой тематической лексике; лингвокультуремы социально-исторической и социально-культурной направленности; номинации головных уборов как социовербальные маркеры, указывающие на род занятий, профессию, деятельность человека и т.д.

Тематический пласт лексики со стержневым понятием «головной убор», сформировавшись в целом, продолжает активно пополняться новыми лексемами, появление которых обусловлено сугубо лингвистическими факторами; хотя, безусловно, лидирующие позиции занимает экстралингвистический фактор пополнения данного тематического словаря – меняющиеся бытовые и историко-культурные потребности социума, модные тенденции, международные контакты и т. д.

Выполненная работа, безусловно, не претендует на полную и исчерпывающую информацию о головных уборах. Полагаем, что дальнейший исследовательский поиск как раз и может быть направлен на выявление конкретных разнонаправленных фактов, содержащих значимую лингво-, этно-, культурологическую информацию. Кроме этого, дальнейшая перспектива исследования понятия «головной убор» видится нам в изучении конституирующих признаков в разных лингвокультурах; в установлении отличительных, совпадающих и пересекающихся национально-ментальных ориентиров, этикетных особенностей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамов В.П. Семантические поля русского языка. – М.; Краснодар: Акад. пед. и соц. наук РФ, Кубан. гос. ун-т, 2003. – 338 с.
2. Абрамов Ю.Ф. Картина мира и информация (философские очерки). – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1988. – 192 с.
3. Аванесова Г.А., Купцова И.А. Коды культуры: сущность и назначение // Социально-гуманитарные знания. – 2008. – № 1. – С. 30-13.
4. Актуальные проблемы современной лингвистики: Учеб. пособие / Чурилина Л.Н. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 416 с.
5. Алефиренко Н.Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры. – М.: Academia, 2002. – 246 с.
6. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 280 с.
7. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: Учеб. пособие. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 288 с.
8. Амельченков В.В. Философские проблемы креативности языка как общественного явления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 23 с.
9. Антошенкова Е.В. Головные уборы восточных славян // Русская речь. – 1996 (а). – № 1. – С. 58-69.
10. Антошенкова Е.В. Бери бесприданну да таланну (Приданное и его названия на севере Руси) // Русская речь. – 1996 (б). – № 6. – С. 49-58.
11. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. – М.: Наука, 1974. – 366 с.
12. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995. – В 2 т. Т. 2 – 767 с.
13. Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1999. – № 4. – С. 39-53.
14. Аристотель. Собрание сочинений. – М.: Мысль; Академия Наук СССР, 1975 – 1984. – Т. 1- 4.
15. Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 247 с.
16. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

17. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Семантика начала и конца. – М.: Индрик, 2002. – 648 с.
18. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
19. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного ун-та, 1996. – 103 с.
20. Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука, 2000 (а). – 336 с.
21. Бахтин М.М. Фрейдиизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. – М: Лабиринт, 2000 (б). – 640 с.
22. Бельчиков Ю.А. К вопросу о соотношении и взаимодействии культуры и языка // Россия и Запад: Диалог культур. – М.: МГУ, Центр по изучению взаимодействия культур, 1997. – С. 12-17.
23. Бергер П., Лукманн Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 289 с.
24. Берестнев Г.И. Самосознание личности в зеркале языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 48 с.
25. Битокова С.Х. Парадигмальность метафоры как когнитивного механизма (на материале кабардинского, русского и английского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 2009. – 48 с.
26. Богин Г.И. Проницаемость менталитетов и культур // Этнонациональная ментальность в художественной литературе. Ставрополь: СГУ, 1999. – С. 194-201.
27. Богин Г.И. Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. – М.: Психология и бизнес Онлайн, 2001. – 516 с.
28. Болдырев Н.Н. Концепт и языковое значение. Лексические и грамматические концепты. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001. – 124 с.
29. Борисова Е.Г. Лингвистические основы русского как иностранного. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 208 с.
30. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания: Дис. ... д-ра филол. наук. – Калуга: КГПУ, 1999. – 251 с.
31. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названия к именам. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 544 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

32. Веденина Л.Г. Лингвострановедческий словарь-тезаурус лингвокультурем // Обработка текста и когнитивные технологии. – Вып. 4. – М.: МИСИС, 2000. – С. 90-99.
33. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
34. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов // Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 263-499.
35. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: Русский язык, 1983. – 269 с.
36. Владимирова Т.Е. Призванные в общение: Русский дискурс в межкультурной коммуникации. – М.: КомКнига, 2007. – 304 с.
37. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – М.: Р. Валент, 2006. – 448 с.
38. Воркачев С.Г. Концепт как «зонтиковый термин» // Язык, сознание, коммуникация. – М.: МГУ, 2003. – Вып. 24. – С. 1-2.
39. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
40. Воркачев С.Г. Лингвокультурный концепт: типология и области бытования. – Волгоград: ВолГУ, 2007. – 400 с.
41. Воробьев В.В. Лингвокультурология: (теория и методы). – М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 1997. – 331с.
42. Воробьев В.В. Лингвокультурологии: Монография. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
43. Гак В.Г. Типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. – М.: Наука, 1977. – 284 с.
44. Гак В.Г. Язык как форма самовыражения народа // Язык как средство трансляции культуры: сб. науч. тр. – М.: Наука, 2000. – С. 54-69.
45. Гак В.Г. Язык и культура: Язык или культура / // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура» (Москва, 14-17 сентября 2001 г.). – М.: Институт иностранных языков РАН, 2001. – С. 13-14.
46. Герд А.С. Введение в этнолингвистику. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 488 с.
47. Гирц К. Влияние концепции культуры на концепцию человека // Антология исследований культуры: в 2 тт. – СПб: Университетская книга, 1997. – Т.1. – С. 115-140.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

48. Глинский Б.А., Баксанский О.Е. Моделирование и когнитивные репрезентации. – М.: Альтекс, 2000. – 148 с.
49. Горошко Е.И. Языковое сознание: тендерная парадигма. – М.Харьков: ИД ИНЖЭК, 2003. – 437 с.
50. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. – М.: Высшая школа, 2002. – 560 с.
51. Грибанов Н.И. Философские основания науки и феномен предпосылочного знания: Автореф. дис. ... д-ра философ. наук. – Самара, 1996. – 49 с.
52. Григорьев А.А. Концепт и его лингвокультурологические составляющие // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 64-76.
53. Гришаева Л.И. Особенности использования языка и культурная идентичность коммуникантов. – Воронеж: ВГУ, 2007. – 261 с.
54. Громова К.А. Когнитивные аспекты юридического термина // Когнитивно-прагматические особенности лингвистических исследований: Сб. науч. тр. Калинингр. ун-та. – Калининград: КГУ, 1999. – С.62-69.
55. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 352 с.
56. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 396 с.
57. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 450 с.
58. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия. – М.: Академия, 2003. – С. 68-82.
59. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. – Баку: Азербайджанское гос. изд-во, 1991. – 347 с.
60. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
61. Денисов Ю.Б. Специфика языкового сознания в контексте различных лингвокультур (на английском и русском материалах): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 26 с.
62. Евсюкова Т.В. Лингвокультурологическая концепция словаря культуры: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Нальчик, 2002. – 48 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

63. Ермоленко Г.М. Лингвокультуремы тематической группы «Одежда»: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Пятигорск, 2009. – 23 с.
64. Жаналина Л.К. Актуальные проблемы языкознания. Теория. Учебно-методический комплекс дисциплины. Учебное пособие. Алматы: Print – S, 2006. – 330 с.
65. Жоль К.К. Язык как практическое сознание. – Киев: Высш. шк., 1990. – 235 с.
66. Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова (на материале англ. яз.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1991. – 51 с.
67. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии // Когнитивно-прагматические особенности лингвистических исследований: сб.н.тр. Калинингр. ун-та. – Калининград 1999. – С. 3-9.
68. Залевская А.А. Слово в лексиконе человека. – Воронеж: ВГУ, – 204 с.
69. Залевская А.А. Некоторые ситуальные направления психолингвистического исследования лексики // Проблемы семантики: Психолингвистические исследования. – Тверь: ТГУ, С. 5-17.
70. Залевская А.А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. – Тверь: ТГУ, 1992. – 136 с.
71. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2001. – С. 3644.
72. Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных (русских) славян // Журнал «Slavia», Rocnik V, Sesit 2. – 1926. – Главы 17. – С. 303-338, Sesit 3. – 1927. – Главы 8-13. – С. 535 – 556.
73. Зубкова Л.Г. Общая теория языка в развитии. – М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2003. – 472 с.
74. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2003. – 46 с.
75. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: Сб. науч. тр. – Волгоград-Архангельск: ВГПУ, ПГУ, 1996. – С. 3-16.
76. Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности: Сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 2001. – С. 3-16.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

77. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
78. Карасик В.И. Этноспецифические концепты как базовые единицы лингвокультурологии // Этнокультурная концептосфера: общее, специфичное, уникальное: материалы междунар. науч. конф. – Элиста: Калм. ун-т, 2006. – С. 10-12.
79. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волг.: Парадигма, 2007. – 520 с.
80. Кирилина А.В. Гендер и язык. – М. Языки славянской культуры, 2005. – 624 с.
81. Кись Г. Язык, мысль и культурная реальность (от Александра Потебни к гипотезе языкового релятивизма). – Львов: Летопись, 2002. – 304 с.
82. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
83. Кодухов В.И. Общее языкознание. – М.: Высшая школа, 1974. – 397 с.
84. Колесов В.В. Концепт культуры: образ – понятие – символ // Вестник СПбГУ. – 1992. – Сер. 2. – Вып.3 (16). – С. 30-40.
85. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова. – СПб.: Златоуст, 1999. – 368 с.
86. Колесов В.В. Язык и ментальность. – СПб: Петербургское востоковедение. – 2004. – 237 с.
87. Колоколова Л.П. Национальная специфика концепта // Прагматика и семантика слова и текста: сб. науч. статей. Архангельск: Приморский университет, 2006. – С. 11-14.
88. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
89. Коськов М.А. Предметный мир культуры. – СПб.: Издво СПб ун-та, 2004. – 344 с.
90. Кошкарлова Н.И. Бытие человека в культуре: на материале американской культурной антропологии: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Уфа, 1996. – 23 с.
91. Красных В.В. От контекста к тексту и обратно // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 1998. – № 1. – С. 53-70.
92. Красных В. В. Культурное пространство: система координат (к вопросу о когнитивной науке) // Филология как средоточие знаний о мире: Сб. науч. тр. – М., Краснодар: Просвещение – Юг, 2008. – С. 140-155.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

93. Крейдлин Г.Е. Национальное и универсальное в семантике жеста // Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999. – С. 170-185.

94. Крючкова Н.В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 165 с.

95. Крючкова Н.В. Роль референции и коммуникации в концептообразовании и исследовании концептов (на материале русского, английского, французского языков): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2009. – 45 с.

96. Кубрякова Е.С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

97. Кулакова Е.Е. Интерсубъективность и диалог: Опыт экзистенциально-феноменологической характеристики отношения Я-Другой: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Ростов н/Д, 2002. – 24 с.

98. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: ЛКИ, 2008. – 256 с.

99. Ласкова М.В. Грамматическая категория рода в аспекте тендерной лингвистики: Дис. ... д-ра филол. наук. – Ростов н/Д, 2001. – 302 с.

100. Лейчик В.М. Анализ соотношения культуры и языка: функциональный подход // Тезисы докладов международной научной конференции «Язык и культура» (Москва, 14-17 сентября 2001 г.). – М.: Институт иностранных языков РАН, 2001. – С. 15-16.

101. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: сб. науч. тр. – М.: Наука, 1993. – С. 16-21.

102. Лич Э. Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. – М.: Восточная литература 2001. – 141 с.

103. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Изв. РАН СЛЯ. – 1993. – № 1. – С. 3-9.

104. Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н.И. Толстого / РАН. Ин-т языкознания; Отв. ред.: Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко. – М.: Индекс, 1997. – 351 с.

105. Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 29-204.

106. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Гнозис, 1992. – 270 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

107. Лотман Ю.М. Культура как субъект и сама себе объект // Избранные статьи: В 3 т. – Таллинн, 1993. – Т. 2. – С. 368-375.
108. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 447 с.
109. Лукашевич Е.В. Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. – М.; Барнаул: Алт. ун-т, 2002. – 234 с.
110. Ляпин С.Х. Концептология: к становлению подхода // Концепты. Научные труды Центроконцепта. – Архангельск: Помор, ун-т, 1997. – Вып. 1. – С. 11-35.
111. Майстренко В.И. Социально-философский анализ воспитания как культурного феномена: автореф. дис. ... канд. фило-соф. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 24 с.
112. Мальковская И.А. Знак коммуникации. Дискурсивные матрицы. – М.: КомКнига, 2005. – 240 с.
113. Мальчукова Н.В. Проблема оснований общей теории языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Красноярск, 2009. – 52 с.
114. Мамонтов А. С. Культурология. Гриф УМО МО РФ. – М.: Гардарики, 2005. – 289 с.
115. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие: для студентов вузов. – М.: Academia, 2004. – 202 с.
116. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учебное пособие. – М.: ТетраСистемс, 2005. – 256 с.
117. Матвеева Т.В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта, Наука, 2003. – С. 615-631.
118. Матосян Я.С. Основные тенденции формирования и функционирования номинаций понятийной сферы «одежда и мо-да» в русском языке XX – XXI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2008. – 157 с.
119. Мельникова А. Л. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. – СПб.: Речь, 2003. – 320 с.
120. Меновщиков Г.А. Выражение категорий пространства и времени в эскимосско-алеутских языках // Вопросы языкозна-ния. – 1986. – № 2. – С. 117-127.
121. Мерзлякова И.С. Лингвокультурные концепты и их роль в формировании национального характера (на материалах Франции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2010. – 23 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

122. Мечковская Н.Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: учеб. пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 432 с.
123. Мёрдок Д. Фундаментальные характеристики культуры // Антология исследований культуры. – СПб: Университетская книга, 1997. – Т.1. – С. 49-56.
124. Муzychук О.А. Философский анализ взаимодействия языка и культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 24 с.
125. Муравьев В.Л. Лексические лакуны (на материале лексики французского и русского языков). – Владимир, 1975. – 96 с.
126. Нагорских Т.Н. Мода как ценностно-формирующий фактор современной западноевропейской культуры: Автореф. дис. канд. философ. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 23 с.
127. Некрасова А.Е. Дискурсивный анализ высказываний, отражающих стереотипы взаимовосприятия англичан и французов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 23 с.
128. Нецименко Г.П. Язык и культура в истории этноса // Язык культура – этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 78-98.
129. Нецименко Г.П. К постановке проблемы «Язык как средство трансляции культуры» // Язык как средство трансляции культуры: Сб. науч. тр. – М.: Наука, 2000. – С. 3045.
130. Никитин М.В. Лексическое значение слова. – М.: Высшая школа, 1983. – 125с.
131. Ощепкова В.В. Язык и культура Великобритании, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии. – М.: Глосса, КАРО, 2006. – 336 с.
132. Линкер С. Язык как инстинкт. – М.: Едиториал УРСС, 2009. – 456 с.
133. Павленко Т.Л. Семантические поля и выбор номинаций в процессе речевой деятельности // Современный русский язык: коммуникативно-функциональный аспект. – Ростов н/Д: РГУ, 2003. – С. 41-54.
134. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 60 с.
135. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
136. Потенбня А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 622 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

137. Почепцов Г.Г. Семиотика. – М.: Рефл бук; К.: Ваклер, 2002. – 432 с.
138. Привалова И.В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
139. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 237 с.
140. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 173 с.
141. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
142. Ростов О.Р. Антропоцентрическое описание номинаций одежды: Дис. ... канд. филол. наук. – Иваново, 2006. – 169 с.
143. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации. – М.: Высшая школа, 2005. – 310 с.
144. Седых А.П. Этнокультурные характеристики языковой личности (на материале французской языковой личности): Дис. ... д-ра филол. наук. – Белгород, 2005. – 419 с.
145. Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постовалова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
146. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 2001. – 656 с.
147. Слово в различных сферах речи: Межвуз. сб. науч. тр. – Волгоград: ВГПИ, 1988. – 160 с.
148. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
149. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 323 с.
150. Смирнова У.В. Опыт лингвосемиотического анализа симулякра в контексте времени культуры: на материале англо-американского массмедийного дискурса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2008. – 23 с.
151. Сорокин Ю.А. Метод установления лакун как один из способов выявления специфики локальных культур // Национально-культурная специфика речевого поведения. – М.: Наука, 1977. С. 120-136.
152. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 824 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

153. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академия проект, 2001. – 990 с.
154. Степанов Ю.С. Семиотика: антология. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
155. Стернин И.А. Концепт, «психологически реальное» и «лексикографическое» значение // Язык и история: межд. сб. науч. тр. – Глазов: ГГПИ, 2005. – С. 179-183.
156. Стёпин В.С. Мироззренческие универсалии как основание культуры // Универсалии восточных культур. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 14-41.
157. Судаков Г.В. Старинная русская женская одежда и ее наименования // Русская речь. – 1999. – № 1. – С. 110-116.
158. Судаков Г.В. Лексика старорусского языка. – М.: Наука, 1983. – 310 с.
159. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 367 с.
160. Тарасов Е.Ф. Язык как средство трансляции культуры // Язык как средство трансляции культуры: сб. науч. тр. – М.: Наука, 2000. – С. 45-53.
161. Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 336-337.
162. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
163. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
164. Тильман Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира (поэзия Ф.И. Тютчева): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: 1999. – 28 с.
165. Томахин Г.Д. Реалии – американизмы. Пособие по страноведению: Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1988. – 239 с.
166. Тхорик В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. – М.: ГИС, 2005. – 260 с.
167. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семиологического описания лексики. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
168. Фархутдинова Ф.Д. Взглянуть на мир сквозь призму слова. – Иваново: Ивановский ун-т, 2000. – 234 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

169. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.
170. Хайруллин В.И. Языковая избирательность и высказывание. – М.: УРСС, 2011. – 144 с.
171. Холод А.М. Речевые картины мира мужчин и женщин. – Днепропетровск: Пороги, 1997. – 229 с.
172. Чернобров А.А. Теория имени и культурный «менталитет» // Гуманитарные науки в Сибири. – 1999. – №1. – С. 112-115.
173. Чурилина Л.Н. Актуальные проблемы современной лингвистики: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 416 с.
174. Шведова Н.Ю. Русский язык. Избранные труды / Росс. акад. наук; Отд-ние историко-филолог. наук; Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 64 с.
175. Шульгин Д.Н. Язык как модель человеческой культуры: Дис. ... канд. философ. наук. – М., 1998. – 185 с.
176. Casson R.W. Language, Culture and Cognition. – NY.: Macmillan, 1983. – 563 p.
177. Duranti A. Linguistic Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 398 p.
178. Fornas J. Cultural Theory and Late Modernity. – L.: Sage, 1995. – 320 p.
179. Frake, Ch.O. Cognitive Maps of Time and Tide Among Medieval Seafarers // Man. – 1985. – № 20. – PP. 254-270.
180. Hall S. The Question of Cultural Identity // Modernity and Its Futures. – Cambridge: Polity Press, 1993. – PP. 274-325.
181. Harkness S. Human Development in Psychological Anthropology. – Cambridge: Cambridge University Press, 1992. – PP. 102-122.
182. Harkness S., Super Ch.M. Introduction // Harkness, S., Super, Ch.M. Parents' Cultural Belief Systems: Their Origin, Expressions and Consequences. – NY.: Guilford, 1996. – PP. 1-23.
183. Hutchins E. Cognition in the Wild. – Cambridge, MA: MIT Press, 1995. – 327 p.
184. Jackendoff R. What is a concept? // Frames, Fields, and Contrasts: New essays in Semantic and Lexical Organization / Ed. By Lehrer and E. Kittay. – London: Lawrence Erlbaum, 1992. – P. 191-207.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

185. Keller C.M., Keller J.D. Cognition and Tool Use: the Blacksmith at Work. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 352 p.

186. Lave J. Cognition in Practice. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 231 p.

187. Ochs E. Culture and Language Development: Language Acquisition and Language Socialization in Samoan Village. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. – 329 p.

188. Pinker S. How the Mind Works. – L.: Penguin Press Science, 1999. – 672 p.

189. Quinn N. The Mainstreaming of Cultural Models // Psychological Anthropology: State of the Art. – San Diego: San Diego University, 1997. – P. 4-17.

190. Williams G. Sociolinguistics: A Sociological Critique. – L.: Routledge, 1992. – 342 p.

Словари и справочники

1. Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. – М.: Институт русского языка имени В.В. Виноградова РАН, 2007. – 67 с.
2. Апресян Ю.Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. – М.: Язык русской культуры, 2000. – Вып. 2. – 390 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: КомКнига, 2007. – 576 с.
4. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета. – М.: АСТ- ПРЕСС, 2001. – 762 с.
5. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета: Свыше 4000 этикетных слов и выражений. – М.: Астрель, 2004. – 681 с.
6. Беловинский Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. – М.: Эксмо, 2007. – 784 с.
7. Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г. Большой словарь крылатых слов рус. яз.: около 4000 единиц. – М.: Русские словари; АСТ, 2000.- 624 с.
8. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – СПб.: Наука, 1988. – 549 с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 6 т. – М.: Русский язык, 1978-1980.
10. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Избранные статьи. – М.: ОЛМА-ПРЕСС; Красный пролетарий, 2004. – 700 с.
11. Даль В.И. Иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Эксмо; Форум, 2007. – 288 с.
12. Евгеньева А.П. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
13. Иллюстрированная энциклопедия моды. – Прага: Артия, 1988. – 654 с.
14. Караулов Ю.Н. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Большая Российская энциклопедия, Дрофа, 1997. – 703 с.
15. Колесников Н.П. Словарь омонимов русского языка. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – 670 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

16. Крылов П. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – 432 с.
17. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2007. – 944с.
18. Левиков С.И. Большой словарь молодежного сленга. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. – 928 с.
19. Леонтьев А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Институт русского языка А.С. Пушкина; Московский университет, 1977. – 567 с.
20. Максимов С.В. Крылатые слова и выражения русского народа. – М.: Эксмо – Пресс, 2001. – 512 с.
21. Мюллер В.К., Боянус С.К. Англо-русский словарь. – М.: Локид, 2001. – 687 с.
22. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: АСТ, Минск: Харвест, 2002. – 976 с.
23. Ногейра Х., Туровер Г.Я. Русско-испанский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1976. – 975 с.
24. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. – М.: АЗЪ, 1994. – 928 с.
25. Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.: Академия Наук СССР, 1914-1949.
26. Скакун В.Л. Русско-французский словарь. – Минск: Харвест, 2003. – 992 с.
27. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
28. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2-х тт. – М.: Советская энциклопедия, 1977.
29. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: Словари русской культуры, 2008. – 1244 с.
30. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. – М.: Словари русской культуры, 2004.
31. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – М.: АСТ, 2001. – 720 с.
32. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. – 2-е изд. – Кемерово: Рад. шк., 1999. – 511 с.
33. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: А-пантомима. – М.: Русский язык, 1994. – 1180 с.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

34. Шанский Н.В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. – М.: Гос. учебно-педагог. изд-во, 1961. – 400 с.
35. Шведова Н.Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений: В 2-х т. – Т. 1. – М., 1988. – Т. 2. – М., 2000.
36. Яковенко Г.П., Яковенко Н.Г. Энциклопедия – школьнику. – М.: Сканнер, 1993. – 464 с.
37. Яранцев Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов. – М.: Рус. яз., 1997. – 845 с.
38. Ярцева В.Н. Языкознание. Большой энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1988. – 685 с.

Список источников

1. Бердник Т.О. Основы художественного проектирования костюма и эскизной графики. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 352 с.
2. Балдано И.Ц. Мода XX века: Энциклопедия. – М.: ОЛМА- ПРЕСС, 2002. – 400 с.
3. Буровик К.А. Родословная вещей. – М.: Знание, 1991. – 232 с.
4. Валеева-Сулейманова Г.Ф. Короны русских царей – памятники татарской культуры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>. (дата обращения: 20.04.2009).
5. Васильев А.А. Этюды о моде и стиле. – М.: Фэшн Букс; Глагол, 2007. – 560 с.
6. Венки. Обереги. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://swarog.ru/o/oberegis.php> (дата обращения 21.04.2009).
7. Википедия. Свободная энциклопедия. Головной убор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 15.05.2009).
8. Войнович В. Шапка. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 480 с.
9. Гоголь Н.В. Мертвые души. – М.: Физкультура и спорт, 1980. – 381 с.
10. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2004.
11. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2005.
12. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2006.
13. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2007.
14. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2008.
15. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2009.
16. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2010.
17. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2011.
18. Головные уборы // Ателье. – Вып. №1 – №12. – М.: EDIPRESSE- KONLIGA, 2012.

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

19. Готгенрот Ф. Иллюстрированная история стиля и моды с древнейших времен. – М.: Эксмо, 2009. – 254 с.
20. Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного. – М.: Издательский сервис, ГНОМ и Д, 2000. – 232 с.
21. Ермилова В.В., Ермилова Д.Ю. Моделирование и художественное оформление одежды. Учебное пособие. – М.: Высшая школа, Мастерство, Академия, 2001. – 184 с.
22. Жарникова С.В. Обрядовые функции женского народного. – Вологда: ВГУ, 1991. – 239 с.
23. Захаржевская Р.В. История костюма. От античности до современности. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2007. – 288 с.
24. История шляпы. Головной убор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://liveinternet.ru> (дата обращения: 25.04.2009).
25. Калашникова Н.М., Плужникова Г. А. Одежда народов СССР. – М.: Планета, 1990. – 224 с.
26. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX в. – М.: Книга, 1989. – 286 с.
27. Кузнецов И.Н. Современный этикет. – М.: Дашков и К, 2008. – 496 с.
28. Кузьменкова Ю.Б. От традиций культуры к нормам поведения британцев, американцев и россиян. – М.: ГУВШЭ, 2005. – 316 с.
29. Малиновский Б. Магия, наука и религия. – М.: Рефлбук, 1998. – 304 с.
30. Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX – начала XX веков // Восточнославянский этнографический сборник. – М.: Наука, 1956. – Т. 31. – С. 45 – 73.
31. Мерцалова М.Н. Поэзия народного костюма. – М., 1988. – 224 с.
32. Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Энциклопедия: в 4-х т., 3-е изд. изм. и доп. – М.: Академия моды; СПб: Чарт Пилот, 1993. – 2001 с.
33. Мир шапок. Лучший выбор шапок в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://velegia.ru> (10.05.2012).
34. Народный костюм. Головные уборы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://narodko.ru> (10.05.2012).

Языковая репрезентация понятия «головной убор»

35. Политковская Е.В. Как одевались в Москве и ее окрестностях в XVI – XVIII веках. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 176 с.
36. Пушкин А.С. Сочинения. Т. 2. Евгений Онегин; Драматические произведения; Романы и повести, Путешествие в Арзрум. – М.: Худож. лит., 1982. – 365 с.
37. Рабинович М.Г. Древнерусская одежда IX – XIII вв. // Древняя одежда народов Восточной Европы. – М.: Наука, 1986. – С. 4092.
38. Разбор костюма // Куклы в народных костюмах. – Вып. №1 – № 8. – М.: Де Агостини, 2012. – С. 12.
39. Ракитина И.В., Кнушевицкая Н.А. Головные уборы. Какие они? Книга для воспитателей, гувернеров и родителей. – М.: ГНОМ и Д, 2008. – 48 с.
40. Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора. – СПб.: Типография императорской Академии наук, 1896. – 224 с.
41. Соловьев Э.Я. Современный этикет. Деловой протокол. – М.: Ось-89, 2001. – 272 с.
42. Супрун А.И., Филановский Г.Ю. Почему мы так одеты. – М.: Молодая гвардия, 1990. – 190 с.
43. Терещенко А.В. История культуры русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.
44. Ухмылина Е.В. Название старинной русской женской одежды нижегородских будаков // Исследования и материалы по русской древнеславянской языковой истории. – М.: Наука, 1975. – Т.1. – С. 37-49.
45. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. – М.: Русский язык, 2006. – 181 с.
46. Что здесь носили? // Куклы в народных костюмах. – Вып. № 1 – №8. – М.: Де Агостини, 2012. – С. 8
47. Шляпный этикет: как правильно выбрать головной убор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ad.bannerbank.ru> (дата обращения: 20.05.2009).